

ПОВѢСТИ

ИЗДАНИЯ

ПУШКИНЪ

**Изданныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ
АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА
продаются по слѣдующимъ цѣнамъ :**

I.

ПОВѢСТИ..... 6 р.

II.

**СТИХОТВОРЕНИЯ, въ трехъ томахъ
каждый по 10 р..... 30.**

III.

**РУСЛАНЪ и ЛОДМИЛА, съ Портре-
томъ Автора..... 12.**

IV.

КАВКАЗСКІЙ ПЛЕННИКЪ..... 5.

V.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ..... 5.

VI.

ПОЛТАВА..... 10.

ШОВСТК

ИЗДАННЫЯ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ ,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИНЦЕ.

1 8 3 4.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи представ-
лены были въ Ценсурный Комитетъ три
экземпляра. Санктпетербургъ, 19 Іюля 1854
года.

Цензоръ В. Семеновъ.

ШОВЕСТЬ

ПОКОЙНАГО

ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЪЛКИНА.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА.

То, мой батюшка, онъ еще съизмала
къ исторіямъ охотникъ.

СКОТИНИНЪ.

Митрофанъ по мнѣ.

Недоросль.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Взявши хлопошь объ изданіи Повѣшней И. П. Бѣлькина, предлагаемыхъ нынѣ публикѣ, мы желали къ онымъ присовоку-
пить хотя краткое жизнеописаніе покой-
наго Автора, и шѣмъ описаніи удовле-
твориши справедливому любопытству
любишелей отечесственной словесности.
Для сего обратились-было мы къ Марѣ
Алексѣевнѣ Трафилиной, ближайшей род-
ственницѣ и наследнице Ивана Петровича
Бѣлькина; но къ сожалѣнію ей невозможно
было намъ доспавиши никакого о немъ
извѣстія, ибо покойникъ вовсе не былъ
ей знакомъ. Она совѣтовала намъ опре-

списъ по сему предмету къ одному почтенному мужу, бывшему другомъ Ивану Пешровичу. Мы послѣдовали сему совѣту, и на письмо наше получили нижеслѣдующій желаемый отвѣтъ. Помѣщаемъ его безо всякихъ перемѣнъ и примѣчаній, какъ драгоцѣнныи памяшникъ благороднаго образа мнѣній и широкашельнаго дружесства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и весьма досшащочное біографическое извѣстіе.

Милостивый Государь мой ** * !

Почтеннѣйшее письмо ваше отъ 15-го сего мѣсяца полутишь имѣль я честь 23 сего же мѣсяца, въ коемъ вы изъявляеше мнѣ свое желаніе имѣть подробное извѣстіе о времени рожденія и смерти, о службѣ, о домашнихъ обстоятельствахъ, шакже и о заняшіяхъ и нравѣ покойнаго Ивана Пешровича Бѣлкина, бывшаго моего искренняго друга и сосѣда по помѣщанію.. Съ великимъ моимъ удовольствиемъ исполняю сіе ваше желаніе и препровождаю къ вамъ, Милостивый Государь мой,

все, чпо изъ его разговоровъ, а такжে изъ собственныхъ моихъ наблюдений запомнишь могу.

Иванъ Пешровичъ Бѣлкинъ родился ошь чесныхъ и благородныхъ родишелей въ 1798 году въ селѣ Горюхинѣ. Покойный отецъ его, Секундъ-Маіоръ Пешръ Ивановичъ Бѣлкинъ, быль женатъ на дѣвицѣ Челагеѣ Гавриловнѣ изъ дому Трафилиныхъ. Онъ быль человѣкъ не богатый, но умѣренный, и по часпи хозяйствва весьма смышленый. Сынъ ихъ получилъ первоначальное образованіе ошь деревенскаго дьячка. Сему-то почтенному мужу быль онъ, кажеся, обязанъ охопою къ членію и заняшіямъ по часпи Русской Словесности. Въ 1815 году вступилъ онъ въ службу въ пѣхотной егерской полкъ (числомъ не упомню), въ коемъ и находился до самаго 1823 года. Смерть его родишелей, почти въ одно время приключившаяся, понудила его подашь въ отставку и пріѣхашь въ село Горюхино, свою ошчину.

VIII

Вступивъ въ управлениѣ имѣнія, Иванъ Пешровичъ, по причинѣ своей неопытности и мягкосердія, въ скоромъ временіи запустилъ хозяйство и ослабилъ строгой порядокъ, заведенный покойнымъ его родителемъ. Смѣнивъ исправнаго и распоряднаго сшаросшу, коимъ крестьяне его (по ихъ привычкѣ) были недовольны, поручилъ онъ управлениѣ села сшарой своей ключницѣ, пріобрѣшѣй его довѣренность искусствомъ рассказывать исторіи. Сія глупая сшаруха не умѣла никогда различиши двадцатипятирублевой ассигнаціи отъ пятидесятирублевой; крестьяне, коимъ она всѣмъ была кума, ея вовсе не боялись; ими выбранный сшаросша до шого имъ пошвортствовалъ, плущая заодно, что Иванъ Пешровичъ принужденъ былъ отмѣнить барщину и учредить весьма умѣренный оброкъ; но и тупъ крестьяне, пользуясь его слабостію, на первый годъ выпросили себѣ нарочитую льготу, а въ слѣдующіе, болѣе двухъ трехшерстей оброка плашили

орѣхами, брусникою и шому подобнымъ; и шутъ были недоимки.

Бывъ пріятель покойному родищелю Ивана Петровича, я почипалъ долгомъ предлагашъ и сыну свои совѣши, и неоднократно вызывался возстановить прежний, имъ упущеный, порядокъ. Для сего, пріѣхавъ однажды къ нему, попробовалъ я хозяйственныя книги, призвалъ плуша спаросшу, и въ присутствіи Ивана Петровича занялся разсмотрѣніемъ оныхъ. Молодой хозяинъ сначала спаль слѣдовашъ за мною со всевозможнымъ вниманіемъ и прилѣжностію; но какъ по щешамъ оказалось, что въ послѣдніе два года число крестьянъ умножилось, число же дворовыхъ пшицъ и домашняго скота нарочито уменшилось, что Иванъ Петровичъ довольствовался симъ первымъ свѣдѣніемъ и далѣе меня не слушалъ, и въшу самую минулу, какъ я своими разысканіями и строгими допросами плуша спаросшу въ крайнее замѣшательство привель, и къ совершенному безмолвію принудиль, съ великою мою досадою

X

услышалъ я Ивана Пешровича крѣпко храпящаго на своеемъ спулѣ. Съ тѣхъ поръ переспалъ я вмѣшивавшися въ его хозяйственныя распоряженія и предаль его дѣла (какъ и онъ самъ) распоряженію Всевышняго.

Сие дружескихъ нашихъ сношеній ни сколько впрочемъ не разстроило ; ибо я, соболѣзнуя его слабосши и пагубному нерадѣнію, общему молодымъ нашимъ дворянамъ, искренно любилъ Ивана Пешровича ; да не льзя было и не любить молодаго человѣка столь крошкаго и честнаго. Съ своей стороны Иванъ Пешровичъ оказывалъ уваженіе къ моимъ лѣшамъ и сердечно быль ко мнѣ приверженъ. До самый кончины своей онъ почши каждый день со мною видѣлся, дорожа прошою моею бесѣдою, хотя ни привычками, ни образомъ мыслей, ни правомъ, мы болѣе часпію другъ съ другомъ не сходствовали.

Иванъ Пешровичъ вель жизнь самую умѣренную, избѣгалъ всякаго рода излишествъ ; никогда не случалось мнѣ ви-

дѣшь его навеселѣ (чи по въ краю нашемъ за неслыханное чудо почесться можешь); къ женскому же полу имѣль онъ великую склонносТЬ, но стыдливость была въ немъ исшинно дѣвическая (*).

Кромѣ повѣстей, о кошорыхъ въ письмѣ вашемъ упоминашь изволише, Иванъ Петровичъ осшавилъ множество рукописей, кошорыя частію у меня находятся, частію употреблены его ключницею на разныя домашнія потребы. Такимъ образомъ прошлою зимою всѣ окна ея флигеля заклесны были первою частію романа, кошораго онъ не кончилъ. Вышеупомянутыя повѣстши были, кажеся, первымъ его опытомъ. Онъ, какъ сказывалъ Иванъ Петровичъ, болышею частію справедливы и слышаны имъ ошь разныхъ особъ (**).

(*) Слѣдуетъ анекдотъ, коего мы не помѣщаемъ, полагая его излишнимъ; впрочемъ увѣряемъ читателя, что онъ ничего предосудительнаго памяти Ивана Петровича Бѣлкина въ себѣ не заключаетъ.

(**) Въ самомъ дѣлѣ, въ рукописи Г. Бѣлкина, надъ каждой повѣстію рукою Автора надписано: слышано мною отъ такой-то особы (чинъ или званіе и за-

Однакожъ имена въ нихъ почти всѣ вымыслены имъ самимъ, а названія сель и деревень заимствованы изъ нашего околодка, ошь чего и моя деревня гдѣ-то упомянута. Сie произошло не ошь злого какого либо намѣренія, но единственно ошь недоспашка воображенія.

Иванъ Пешровичъ осенью 1828 года занемогъ проспудною лихорадкою, обращившееся въ горячку, и умеръ, не смотря на неусыпныя старанія уѣздиаго нашего лѣкаря, человѣка весьма искуснаго, особенно въ лѣченіи закоренѣлыхъ болѣзней, какъ-то мозолей, и тому подобнаго. Онъ скончался на моихъ рукахъ на 30-мъ году ошь рожденія, и похороненъ въ церкви села Горюхина близъ покойныхъ его родишелей.

главные буквы имени и фамилии). Выписываемъ для любопытныхъ изыскателей: *Синотритель* рассказалъ быть ему Титулярнымъ Советникомъ А. Г. Н., *Выстрѣль* Подполковникомъ И. Л. П., *Гробовщикъ* приказчикомъ Б. В., *Метель* и *Барышникъ* дѣвицею К. И. Т.

Иванъ Петровичъ быль росшу средняго, глаза имѣлъ сѣрые, волоса русые, нось прямой; лицемъ быль бѣль и худощавъ.

Вонъ, Милосердивый Государь мой, все, что могъ я припомнить, касательно образа жизни, занятій, нрава и наружности покойнаго сосѣда и пріятеля моего. Но въ случаѣ, если заблагоразсудиша сдѣлашь изъ сего моего письма какое либо употребленіе, всепокорнѣйше прошу никакъ имени моего не упоминать; ибо хощя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но въ сіе званіе всшушишь полагаю излишнимъ и въ мои лѣща неприличнымъ. Съ испиннымъ моимъ почтеніемъ и проч..”

1830 году Ноября 16.

Село Ненарадово.

Почишая долгомъ уважиши волю почтеннаго друга Авшора нашего, приносимъ ему глубочайшую благодарность за дославленныя намъ извѣшія, и надѣемся, что публика оцѣнишь ихъ искренность и добродушіе.

A. П.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ВЫСТРЕЛЬ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ВЫСТРЕЛЬ.

I.

Стрѣлялись мы.

БАРАТЫНСКІЙ.

Я поклялся застрѣлить его по праву дуэли
(За nimъ остался еще мой выстрѣлъ).

Всегда на бивуакѣ.

Мы сходили въ мѣстечкѣ ***. Жизнь армейскаго офицера извѣспна. Утромъ ученье, манежъ; обѣдъ у Полковаго Командира или въ Жидовскомъ шракшире; вечеромъ пунішь и карпы. Въ *** не было ни одного опкрышаго дома, ни одной невѣспы; мы собирались другъ у друга, гдѣ, кромъ своихъ мундировъ, не видали ничего.

Одинъ полько человѣкъ принадлежалъ нашему общеспву, не будучи военнымъ. Ему было около тридцати пяти лѣтъ, и мы за то почищали его спарикомъ. Опытность давала ему передъ нами многія преимущество; къ тому же его обыкновенная угрюмость, крупной нравъ и злой языкъ имѣли сильное вліяніе на молодые наши умы. Какая-то шаинспенность окружала его судьбу; онъ казался Русскимъ, а носилъ иностранное имя. Нѣкогда онъ служилъ въ Гусарахъ, и даже счастливо; никто не зналъ причины, побудившей его выйти въ отставку и поселившись въ бѣдномъ мѣстечкѣ, где жилъ онъ вмѣсть и бѣдно и распутничально: ходилъ вѣчно пѣшкомъ, въ изношенномъ черномъ серпукѣ, а держалъ открытый споль для всѣхъ офицеровъ нашего полка. Правда, обѣдъ его состоялъ изъ двухъ или трехъ блюдъ, изготавленныхъ отставнымъ солдатомъ, но Шампанское лилось при этомъ рѣкою. Никто не зналъ ни его состоянія, ни его доходовъ, и никто не осмѣшивался ошомъ его спрашивашь. У него водились книги, большую частью военные, да романы.

Онъ охочно даваль ихъ читашь , никогда не требуя ихъ назадъ ; за шо никогда не возвращалъ хозяину книги , имъ занятой . Главное упражненіе его состояло въ спрѣльбѣ изъ писцолета . Спѣны его комнаты были всѣ испещены пулями , всѣ есть скважинахъ , какъ сопы пчелиные . Богатое собраніе писцолетовъ было единственной роскошью бѣдной мазанки , гдѣ онъ жилъ . Искусство , до коего доспигъ онъ , было неимовѣрно , и если бъ онъ вызвался пулей сбить грушу съ фуражки кого бѣ шо ни было , никто бѣ въ нашемъ полку не усомнился подставивъ ему своей головы . Разговоръ между нами касался часпо поединковъ ; Сильвіо (шакъ назову его) никогда въ него не вмѣшивался . На вопросъ , случалось ли ему драшься , отвѣчалъ онъ сухо , что случалось , но въ подробностяхъ не входиль , и видно было , что шаковые попросы были ему непріятны . Мы полагали , что на совѣстѣ его лежала какая нибудь несчастная жертва его ужаснаго искусства . Впрочемъ намъ и въ голову не приходило подозрѣвать въ немъ что нибудь похожее на робоспѣй . Еспѣ люди , коихъ

одна наружность удаляетъ шаковыя подозрѣнія. Нечаянный случай всѣхъ насъ изумилъ.

Однажды человѣкъ десять нашихъ офицеровъ обѣдали у Сильвіо. Пили по обыкновенному, что ешь очень много; послѣ обѣда сѣли мы уговариватъ хозяина промешать намъ банкъ. Долго онъ отказывался, ибо никогда почти не игралъ; наконецъ вѣль подашь каршы, высыпалъ на споль пол-сопни червонцевъ и сѣль мешать. Мы окружили его, и игра завязалась. Сильвіо имѣлъ обыкновеніе за игрою хранить совершенное молчаніе, никогда не спорить и не объяснялся. Если понѣру случалось общихъшаться, то онъ поччась или доплачивалъ доспальное, или записывалъ лишнее. Мы ужъ это знали и не мѣшали ему ходяничать посвоему; но между нами находился офицеръ, недавно къ намъ переведенный. Онъ, играя пушь же, въ разсѣянности загнуль лишній уголъ. Сильвіо взялъ мѣль и уровняль счепъ по своему обыкновенію. Офицеръ, думая, что онъ ошибся, пустился въ объясненія Сильвіо молча продолжалъ мешать.

Офицеръ, потерявъ терпѣніе, взялъ щепку и сперъ то, чѣмъ казалось ему напрасно записаннымъ. Сильвіо взялъ мѣль и записалъ снова. Офицеръ, разгоряченный виномъ, игрою и смѣхомъ товарищей, почелъ себя жестоко обиженнымъ, и въ бѣшенствѣ схвативъ со спола мѣдный шандаль, пустыль его въ Сильвіо, который едва успѣль отклониться отъ удара. Мы смущились. Сильвіо вспалъ, поблѣднѣль отъ злосипи и съ сверкающими глазами сказалъ: « милостивый государь, извольше вышпи и благодариши Бога, чѣмъ эшо случилось у меня въ дому. »

Мы не сомнѣвались въ послѣдователѣхъ, и полагали новаго товарища уже убитымъ. Офицеръ вышелъ вонъ, сказавъ, чѣмъ за обиду гоповъ ошвѣчашь, какъ будешь угодно господину банкомету. Игра продолжалась еще нѣсколько минутъ; но чувствуя, чѣмъ хозяину было не до игры, мы отшали одинъ за другимъ и разбрелись по квартирамъ, толкуя о скорой ваканціи.

На другой день въ манежѣ мы спрашивали уже, живъ ли еще мѣдный Поручикъ, какъ

самъ онъ явился между нами; мы сдѣлали ему шопъ же вопросъ. Онъ отвѣчалъ, чѣмъ объ Сильвіо не имѣлъ онъ еще никакого извѣстія. Этпо насъ удивило. Мы попали къ Сильвіо и нашли его на дворѣ, сажающаго пулю на пулю въ шузъ, приклѣеннаго къ воронамъ. Онъ принялъ насъ пообыкновенному, ни слова не говоря о вчерашнемъ проишествіи. Прошло три дня, Поручикъ быль еще живъ. Мы съ удивленіемъ спрашивали: не ужели Сильвіо не будеТЬ дратъся? Сильвіо не дрался. Онъ довольствовался очень легкимъ объясненіемъ и помирился.

Этпо-было чрезвычайно повредило ему во мнѣніи молодежи. Недосшапокъ смѣлости менѣе всего извиняется молодыми людьми, кошорые въ храбрости обыкновенно видятъ верхъ человѣческихъ доспоянсивъ и извиненіе всевозможныхъ пороковъ. Однакожъ мало по малу все было забыто, и Сильвіо снова пріобрѣль прежнее свое вліяніе.

Одинъ я не могъ уже къ нему приблизиться. Имѣя оппъ природы романическое воображеніе, я всѣхъ сильнѣе прежде сего быль привязанъ къ человѣку, коего жизнь

была загадкою, и который казался мнѣ ге-
роемъ шаинственной какой - то повѣстїи.
Онъ любилъ меня; по крайней мѣрѣ со мной
однимъ оспавлялъ обыкновенное свое рѣзкое
злорѣчіе и говорилъ о разныхъ предметахъ
съ проподушіемъ и необыкновенною прі-
ятностію. Но послѣ нещаснаго вечера,
мысль, что честь его была замарана и не
омыта по его собственной волѣ, эта мысль
меня не покидала и мѣшала мнѣ обходиться
съ нимъ по прежнему; мнѣ было совѣстно
на него глядѣть. Сильвіо бывъ слишкомъ
уменъ и опытенъ, чтобы этого не замѣ-
тилъ и не угадывалъ по тому причины. Ка-
залось, это огорчало его; по крайней мѣрѣ
я замѣтилъ раза два въ немъ желаніе со
мною объясниться; но я избѣгалъ такихъ
слушаевъ, и Сильвіо опѣкъ меня отступился.
Съ тѣхъ поръ видался я съ нимъ только
при товарищахъ, и прежніе откровенные
разговоры наши прекратились.

Разсѣянные жишли сплощи не имѣюшъ
понятія о многихъ впечатлѣніяхъ споль-
зившіхъ жищелямъ деревень или город-
ковъ, напримѣръ, обѣ ожиданіи почтоваго

дня : во впорникъ и пяпницу полковая наша канцелярія была полна офицерами ; кѣо ждалъ денегъ , кѣо письма , кѣо газетъ . Пакеты обыкновенно шупъ же распечатывались , новоспіи сообщались , и канцелярія пред- спавляла карпину самую оживленную . Сильвіо получалъ письма , адресованныя въ нашъ полкъ , и обыкновенно шупъ же находился . Однажды подали ему пакетъ , съ кошораго онъ сорвалъ печать съ видомъ величайшаго нещерпѣнія . Пробѣгая письмо , глаза его сверкали . Офицеры , каждый занятый своими письмами , ничего не замѣтили . « Господи , сказалъ имъ Сильвіо , обстоятельства требуюшъ немедленнаго моего опускнія ; тѣду сегодня въ ночь ; надѣюсь , что вы не откажетесь отѣбѣдить у меня въ послѣдній разъ . Я жду и васъ , продолжалъ онъ , обращившись ко мнѣ , жду непремѣнно . » Съ симъ словомъ онъ поспѣшилъ вышель ; а мы согласясь соединиться у Сильвіо , розошлися каждый въ свою спорону .

Я пришелъ къ Сильвіо въ назначенное время и нашелъ у него почти весь полкъ . Все его добро было уже уложено ; оспавались

одни голыя, проспрыленныя спѣны. Мы сѣли за споль; хозяинъ быль чрезвычайно въ духѣ, и скоро веселоспь его содѣлалась общею; пробки хлопали поминушино, спаканы пѣнились и шипѣли безпреспанно, и мы со всевозможнымъ усердіемъ желали ошѣзжающему доброго пущи и всякаго блага. Вспали изъ за спола уже поздо вечеромъ. При разборѣ фуражекъ, Сильвіо со всѣми прощаюсь, взяль меня за руку и оспановиль въ шу самую минуту, какъ собирался я выйпи. « Мнѣ нужно съ вами поговоришь, » сказалъ онъ тихо. Я оспался.

Гости ушли; мы оспались вдвоемъ, сѣли другъ пропиву друга и молча закурили шрубки. Сильвіо быль озабоченъ; не было уже и слѣдовъ его судорожной веселоспи. Мрачная блѣдноспись, сверкающіе глаза и густой дымъ, выходящій изо рту, придавали ему видъ настоящаго дьявола. Прошло нѣсколько минутъ, и Сильвіо прервалъ молчаніе. « Можешъ бышь, мы никогда больше не увидимся, » сказалъ онъ мнѣ; « передъ разлукой я хотѣль съ вами объяснишься. Вы могли замѣшишь, что я мало уважаю

и поспороннее мнѣніе ; но я вѣсъ люблю , и
чувствую : мнѣ было бы тягостно оспа-
вить въ вашемъ умѣ несправедливое впе-
чашлѣніе . »

Онъ остановился и спалъ набивашь вы-
горѣвшую свою трубку ; я молчалъ , потупя
глаза .

« Вамъ было спранно , » продолжалъ онъ ,
« что я не требовалъ удовлетворенія отъ
этого пьяного сумазброва Р*** . Вы согласи-
шесь , что , имѣя право выбрать оружіе ,
жизнь его была въ моихъ рукахъ , а моя
почти безопасна : я могъ бы приписать
умѣренность мою одному великодушію , но
не хочу лгать . Если бъ я могъ наказать
Р*** , не подвергая вовсе моей жизни , то я
бы ни за что не прошиль его . »

Я смотрѣлъ на Сильвіо съ изумленіемъ .
Таковое признаніе совершенно смущило меня .
Сильвіо продолжалъ .

« Такъ почно : я не имѣю права подвер-
гать себя смерти . Шесть лѣтъ тому на-
задъ я получилъ пощечину , и врагъ мой
еще живъ . »

Любопытство мое сильно было возбуждено. « Вы съ нимъ не дрались ? » спросилъ я. « Обстоятельства вѣрно вѣрою васъ разлучили ? »

« Я съ нимъ дралясь, » оплѣчалъ Сильвіо, « и вонъ памятникъ нашего поединка. »

Сильвіо вспалъ и вынуль изъ каршона красную шапку съ золотою кисицю съ галуномъ (что , чѣмъ Французы называютъ *bonnet de police*) ; онъ ее надѣль ; она была проспрѣлена на вершокъ ошо лба.

« Вы знаете , » продолжалъ Сильвіо , « чѣмъ я служилъ въ *** Гусарскомъ полку . Характеръ мой вамъ извѣстенъ : я привыкъ первенствовашъ , но смолоду это было во мнѣ спрасплю . Въ наше время буйство было въ модѣ : я быль первымъ бояномъ по армїи . Мы хваспались пьянствомъ : я перепилъ славнаго Б*** , воспѣшаго Д. Д — мъ . Дуэли въ нашемъ полку случались поминушино : я на всѣхъ быль или свидѣшемъ , или дѣйствующимъ лицемъ . Товарищи меня обожали , а полковые командиры , поминушино смигаемые , смотрѣли на меня , какъ на необходимое зло .

Я спокойно (или беспокойно) наслаждался мою словою, какъ опредѣлился къ намъ молодой человѣкъ богатой и знанной фамиліи (не хочу назвать его). Опредѣлу не вспрѣчаль счастливца столь блестательного! Вообразиша себѣ молодость, умъ, красоту, веселость самую бѣшеную, храбрость самую безпечную, громкое имя, деньги, которымъ не зналъ онъ счета и которые никогда у него не переводились, и представиша себѣ, какое дѣйствіе долженъ быть онъ произвѣсти между нами. Первенство мое поколебалось. Обольщенный мою словою, онъ спаль-было искать моего дружества; но я принялъ его холодно, и онъ безо всякаго сожалѣнія отъ меня удалился. Я его возненавидѣлъ. Успѣхи его въ полку и въ обществоѣ женщинъ приводили меня въ совершенное отчаяніе. Я спаль искать съ нимъссоры; на эпиграммы мои отвѣчали онъ эпиграммами, которые всегда казались мнѣ неожиданные и остроумные моихъ, и которые конечно невпримѣръ были веселѣе: онъ шутилъ, а я злобствовалъ. Наконецъ однажды на балѣ у Польского по-мѣщика, видя его предметомъ вниманія всѣхъ

дамъ, и особенно самой хозяйки, бывшей со мною въ связи, я сказалъ ему на ухо какую-то плоскую грубость. Онъ вспыхнулъ и далъ мнъ пощечину. Мы бросились къ саблямъ; дамы попадали въ обморокъ; насы разшалили, и въ шу же ночь поѣхали мы дрались.

Это было на разсвѣтъ. Я стоялъ на назначенномъ мѣстѣ съ моими тремя секунданшами. Съ неизъяснимымъ неперѣніемъ ожидалъ я моего прошивника. Весеннее солнце взошло и жаръ уже наспѣвалъ. Я увидѣль его издали. Онъ шелъ пѣшкомъ, съ мундиромъ на саблѣ, сопровождаемый однимъ секундантомъ. Мы пошли къ нему навспрѣчу. Онъ приблизился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты опимѣряли намъ двѣнадцать шаговъ. Мнѣ должно было спрѣлять первому: но волненіе злобы во мнѣ было столь сильно, что я не понадѣялся на вѣрность руки, и чтобы дать себѣ время осмысль, уступалъ ему первый выспрѣль; прошивникъ мой не соглашался. Положили бросиши жребій: первый нумеръ

доспался ему, въчному любимцу счастія. Онъ прицѣлился и прострѣлилъ мнѣ фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконецъ была въ моихъ рукахъ; я глядѣль на него жадно, сираясь уловиши хощя одну шѣнь беспокойства. Онъ спояль подъ писполешомъ, выбирая изъ фуражки спѣлья черешни, и выплевывая косточки, копорыя долепали до меня. Его равнодушіе взбѣсило меня. Чѣмъ пользы мнѣ, подумаль я, лишишь его жизни, когда онъ ею вовсе не дорожитъ? Злобная мысль мелькнула въ умѣ моемъ. Я опустилъ писполешъ. Вамъ кажется теперѣ не до смерти, сказаль я ему, вы изволите завѣракашь; мнѣ не хочется вамъ помѣшашь. Вы ни чути не мѣщаєте мнѣ, возразиль онъ, извольте себѣ спрѣляшь, а впрочемъ какъ вамъ угодно; выспрѣль вашъ оспаешся за вами; я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ. Я обратился къ секунданшамъ, объявивъ, чѣмъ нынче спрѣлять не намѣренъ, и поединокъ пѣмъ и кончился.

Я вышелъ въ описпавку и удалился въ эпо мѣспечко. Съ шѣхъ поръ не прошло

ни одного дня, чшобъ я не думалъ о мщени. Нынѣ часъ мой наспашъ ».....

Сильвіо вынуль изъ кармана упромъ полученнное письмо, и даль мнъ его читашь. Кто-то (казалось, его повѣренный по дѣламъ) писаль ему изъ Москвы, что *известная особа* скоро должна вспупить въ заканный бракъ съ молодой и прекрасной дѣвушкой.

« Вы догадываетесь, » сказалъ Сильвіо, « кто эша *известная особа*. Іду въ Москву. Посмотримъ, такъ ли равнодушно примепъ онъ смерть передъ своей свадьбой, какъ нѣкогда ждалъ ее за черешнями ! »

При сихъ словахъ Сильвіо вспалъ, бросиль обѣ поль свою фуражку и спаль ходиши взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ шигръ по своей клѣшкѣ. Я слушаль его неподвижно; спранныя, пропивоположныя чувства волновали меня.

Слуга вошелъ и объявилъ, что лошади готовы. Сильвіо крѣпко сжалъ мнъ руку;

мы поцаловались. Онъ сѣлъ въ шележку, гдѣ лежали два чемодана, одинъ съ письмопечатями, другой съ его пожитками. Мы проспались еще разъ, и лошади поскакали.

II.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и домашнія об-
стоятельства принудили меня поселившись
въ бѣдной деревенькѣ N ** уѣзда. Занимаясь
хозяйствомъ, я не переспавалъ шихонько
вздыхашъ о прежней моей шумной и без-
забошной жизни. Всего труднѣе было мнѣ
привыкнуть проводишь весенніе и зимніе
вечера въ совершенномъ уединеніи. До обѣда
кое-какъ еще дощагиваль я время, шокуя
со спароспой, разъѣзжая по рабочамъ или
обходя новыя заведенія; но какъ скоро на-
чинало смеркаться, я совершенно не зналъ,
куда дѣваться. Малое число книгъ, найден-
ныхъ мною подъ шкафами и въ кладовой,
были вышвержены мною наизуспъ. Всѣ
сказки, копорыя шолько могла запомнишь

лючница Кирилова, были мнѣ пересказаны; пѣсни бабъ наводили на меня шоску. Принялся я было за неподслащенную наливку, но опь нее болѣла у меня голова; да признаюсь, побоялся я сдѣлаться *пьяницею съ горя*, т. е. самымъ *горькимъ* пьяницею, чему примѣровъ множества видѣль я въ нашемъ уѣздѣ. Близкихъ сосѣдовъ около меня не было, кромѣ двухъ или трехъ *горькихъ*, коихъ бесѣда соспояла болѣшею часію въ икопѣ и вздоханіяхъ. Уединеніе было сноснѣе.

Въ четырехъ верстахъ опь меня находилось богатое помѣщье, принадлежащее Графинѣ Б***; но въ немъ жиль только управицель, а Графиня поѣшила свое помѣщье только однажды, въ первый годъ своего замужества, и что прожила тамъ не болѣе мѣсяца. Однакожъ во вторую весну моего запворничества разнесся слухъ, что Графиня съ мужемъ пріѣдешь на лѣто въ свою деревню. Въ самомъ дѣлѣ, они прибыли въ началѣ Іюня мѣсяца.

Пріѣздъ богатаго сосѣда есть важная эпоха для деревенскихъ жителей. Помѣщики

и ихъ дворовые люди шокующъ о шомъ мѣсяца два прежде и года при спускія. Что касається до меня, то, признаюсь, извѣстіе о прибытии молодой и прекрасной сосѣдки сильно на меня подействовало; я горѣль нестерпѣніемъ ее увидѣть, и пошому въ первое Воскресенье по ея прѣздѣ отправился послѣ обѣда въ село *** рекомендованъся Ихъ Сіятельствамъ, какъ ближайшій сосѣдъ и всепокорнѣйшій слуга.

Лакей ввелъ меня въ Графской кабинетъ, а самъ пошелъ обо мнѣ доложить. Обширный кабинетъ былъ убранъ со всевозможною роскошью; около спѣни спояли шкафы съ книгами, и надъ каждымъ бронзовый бюстъ; надъ мраморнымъ каминомъ было широкое зеркало; полъ обитъ былъ зеленымъ сукномъ и успланъ коврами. Ошвыкнувшись отъ роскоши въ бѣдномъ углу моемъ, и уже давно не видавъ чужаго богатства, я оробѣль и ждалъ Графа съ какимъ-то трепетомъ, какъ проинспель изъ провинціи ждешь выхода Министра. Двери отворились, и вошелъ мужчина лѣтъ тридцати двухъ, прекрасный собою.

Графъ приблизился ко мнѣ съ видомъ открытымъ и дружелюбнымъ; я спарался ободрипшься и началъ было себя рекомендовать, но онъ предупредилъ меня. Мы сѣли. Разговоръ его, свободный и любезный, вскорѣ разсѣялъ мою одичалую заспѣнчивость; я уже начиналъ входить въ обыкновенное мое положеніе, какъ вдругъ вошла Графиня, и смущеніе овладѣло мною пуще прежняго. Въ самомъ дѣлѣ, она была красавица. Графъ представилъ меня; я хопѣль казашсь развязнымъ, но чѣмъ больше спарался взяпть на себя видъ непринужденности, шѣмъ болѣе чувствовалъ себя неловкимъ. Они, чтобъ дашь мнѣ время оправишься и привыкнуши къ новому знакомству, сѣали говорить между собою, обходясь со мною какъ съ добрымъ сосѣдомъ и безъ церемоніи. Между шѣмъ я спаѣхъ ходишь взадъ и впередъ, осматривая книги и картины. Въ картинахъ я не знашокъ, но одна привлекла мое вниманіе. Она изображала какой-то видъ изъ Швейцаріи; то поразила меня въ ней не живопись, а то, что картина была проспрѣлена двумя пулами, всаженными одна на другую. « Вотъ

хорошій выспрѣль, » сказаъл я, обращаясь къ Графу. — « Да, ошвѣчаль онъ, выспрѣль очень замѣчательный. А хорошо вы спрѣляюще? » продолжалъ онъ. — « Изрядно, » ошвѣчаль я, обрадовавшись, чпо разговоръ коснулся наконецъ предмета, мнѣ близкаго. « Въ шридаши шагахъ промаху въ каршу не дамъ, разумѣешся, изъ знакомыхъ писполетовъ. — « Право? » сказала Графиня съ видомъ большой внимательности; « а ты, мой другъ, попадешь ли въ каршу на шридаши шагахъ? » Когда нибудь, ошвѣчаль Графъ, мы попробуемъ. Въ свое время я спрѣлялъ не худо; но вонъ уже четыре года, какъ я не бралъ въ руки писполета. — « О, замѣшилъ я, въ шакомъ случаѣ бьюсь обѣ закладъ, чпо Ваше Сиятельство не попадене въ каршу и въ двадцати шагахъ: писполетъ требуетъ ежедневнаго упражненія. Это я знаю на опыте. У насъ въ полку я счищался однимъ изъ лучшихъ спрѣлковъ. Однажды случилось мнѣ цѣлый мѣсяцъ не брать писполета: мои были въ починкѣ; чпо же бы вы думали, Ваше Сиятельство? »

Въ первый разъ, какъ спалъ пошомъ спрѣляшь, я даль сряду чешире промаха по бунылкѣ въ двадцати пяти шагахъ. У насъ былъ Ропмиспрѣ, оспрякъ, забавникъ; онъ шушъ случился и сказалъ мнѣ : знашь у шебя, братъ, рука не поднимается на бунылку. Нѣпъ, Ваше Сіятельство, не должно пренебрегать эпимъ упражненіемъ, не то ошвикинешь какъ разъ. Лучшій спрѣлокъ, котораго удалось мнѣ встрѣчать, спрѣлять каждый день, по крайней мѣрѣ три раза передъ обѣдомъ. Эшо у него было заведено ; какъ рюмка водки. Графъ и Графиня рады были, чпо я разговорился. » — « А каково спрѣлять онъ ? » спросилъ меня Графъ. « Да вонъ какъ, Ваше Сіятельство : бывало увидишь онъ, сѣла на спѣну муха : вы смеяшесь, Графиня ? Ей Богу, правда. Бывало , увидишь муху и кричишь : Кузька, пистолешъ ! Кузька и несешь ему заряженный пистолешъ. Онъ хлопъ, и вдавишь муху въ спѣну ! — « Эшо удивительно ! » сказалъ Графъ ; « а какъ его звали ? » — « Сильвіо , Ваше Сіятельство. » — « Сильвіо ! » вскричалъ Графъ , вскочивъ со своего мѣспа ;

« вы знали Сильвіо ? » Какъ не знать, Ваше Сиятельство ; мы были съ нимъ пріятели ; онъ въ нашемъ полку принялъ быль , какъ свой брашь шоварищъ ; да вонъ ужъ лѣшь пять , какъ обѣ цемъ не имѣю никакого извѣстія . Такъ и Ваше Сиятельство спало быть знали его ? » — « Зналъ , очень зналъ . Не рассказывалъ ли онъ вамъ одного очень спраннаго происшеспія ? » Не пощечина ли , Ваше Сиятельство , полученная имъ на балѣ отъ какого-то повѣсы ? « А сказывалъ онъ вамъ имя эшаго повѣсы ? » Нѣпъ , Ваше Сиятельство , не сказывалъ . . . Ахъ ! Ваше Сиятельство , продолжалъ я , догадываясь обѣ испинѣ , извините . . . я не зналъ . . . ужъ не вы ли ? . . . Я самъ , » отвѣчалъ Графъ , съ видомъ чрезвычайно расстроеннымъ , « а про- спрѣленная каршина еспѣ памѧтникъ по- слѣдней нашей вѣтрѣчи » . . . « Ахъ , милый мой , » сказала Графиня , « ради Бога не раска- зывай ; мнѣ спрашно будешь слушашь . » « Нѣпъ , » возразилъ Графъ , « я все разскажу ; онъ знаепъ , какъ я обидѣлъ его друга : пуснь же узнаепъ , какъ Сильвіо мнѣ опомсшиль . » — Графъ подвинулъ мнѣ кресла , и я съ живѣй-

шимъ любопытствомъ услышаъ слѣдующій рассказъ.

« Пять лѣть тому назадъ я женился. — Первый мѣсяцъ, the honey-moon, провелъ я здѣсь, въ эшой деревнѣ. Эшому дому обязанъ я лучшими минутами жизни и однимъ изъ самыхъ пяжелыхъ воспоминаній.

Однажды вечеромъ ъздили мы вмѣстѣ верхомъ; лошадь у жены чпо-то заупрямилась; она испугалась, отдала мнѣ поводья и пошла пѣшкомъ домой я поѣхалъ впередъ. На дворѣ увидѣль я дорожную шелегу; мнѣ сказали, чпо у меня въ кабинетѣ сидѣлъ человѣкъ, не хопѣвшій объявить своего имени, но сказавшій просію, чпо ему до меня есть дѣло. Я вошелъ въ эшу комнапу, и увидѣль въ шемношь человѣка запыленного и обросшаго бородой; онъ споялъ здѣсь у камина. Я подошелъ къ нему, спрашаясь припомнить его черпы. Ты не узналъ меня, Графъ? сказаль онъ дрожащимъ голосомъ. Сильвіо! закричалъ я, и признаюсь, я почувспновалъ, какъ волоса стапали вдругъ на мнѣ дыбомъ. Такъ щочно, продолжаль онъ,

выспрѣль за мною; я прѣхалъ разрядиши мой писполеши; гошовъ ли шы? Писполеши у него торчалъ изъ бокового кармана. Я ошмѣрилъ двѣнадцать шаговъ, и спалъ памъ въ углу, прося его выспрѣлиши скорѣе, пока жена не ворошилась. Онъ медлилъ — онъ спросилъ огня. Подали свѣчи. — Я заперь двери, не вѣль никому входишь, и снова просилъ его выспрѣлиши. Онъ вынуль писполеши и прицѣлился... Я счишаль секунды... я думалъ о ней... Ужасная прошла минута! Сильвіо опустилъ руку. Жалѣю, сказалъ онъ, чѣо писполеши заряженъ не черешневыми косточками... пуля пяжела. Мнѣ все казешся, чѣо у насъ не дуэль, а убийство: я не привыкъ цѣлишь въ безоруженнаго. Начнемъ сызнова; кинемъ жеребій, кому спрѣляши первому. Голова моя шла кругомъ... Кажешся, я не соглашался.... Наконецъ мы зарядили еще писполеши; свернули два билепса; онъ положилъ ихъ въ фуражку, нѣкогда мною проспрѣленную; я вынуль опять первый нумеръ. Ты, Графъ, дьявольски счастливъ, сказалъ онъ съ усмѣшкою, которой никогда не забуду. Не пони-

маю, что со мною было, и какимъ образомъ могъ онъ меня къ тому принудиши... но -- я выспрѣлилъ, и попалъ вонъ въ эту каршину. (Графъ указывалъ пальцемъ на прострѣленную каршину; лицо его горѣло какъ огонь; Графиня была блѣднѣе своего плашка : я не могъ воздержаться отъ воскликанія).

Я выспрѣлилъ, продолжалъ Графъ, и слава Богу, даль промахъ ; шогда Сильвіо... (въ эту минуту онъ былъ, право, ужасенъ) Сильвіо спалъ въ меня прицѣливаться. Вдругъ двери отворились, Маша вѣгаетъ, и съ визгомъ кидаешься мнѣ на шею. Ея присущіе возвращило мнѣ всю болю. Милая, сказалъ я ей, развѣ ты не видишь, что мы шупимъ ? Какъ же ты перепугалась ! поди, выпей стаканъ воды и приди къ намъ ; я представлю тебѣ стариннаго друга и товарища. Машѣ все еще не вѣрилось. Скажи же, правду ли мужъ говорилъ ? сказала она , обращаясь къ грозному Сильвіо: правда ли, что вы оба шупали ей Сильвіо ; однажды

далъ онъ мнъ шупя пощечину, шупя пропрѣмилъ мнъ вонъ эту фуражку, шупя далъ сей часъ по мнъ промахъ; теперъ и мнъ пришла охопа пошупить... Съ эшимъ словомъ онъ хопѣль въ меня прицѣлился... при ней! Маша бросилась къ его ногамъ. Вспань, Маша, спыдно! закричалъ я въ бѣшенствѣ; а вы, сударь, переспанете ли издѣвашся надъ бѣдной женщиной? Будеме ли вы стрѣлять или нѣшь? Не буду, отвѣчалъ Сильвіо, я доволенъ: я видѣль твоё смященіе, твою робость; я засшавилъ тебя выспрѣлишь по мнъ, съ меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совѣсти. Тушь онъ было вышелъ, но остановился въ дверяхъ, оглянулся на проспрѣленную мною картины, выспрѣлиль въ нее почти не цѣлясь, и скрылся. Жена лежала въ обморокѣ; люди не смѣли его оспановить и съ ужасомъ на него глядѣли; онъ вышелъ на крыльце, кликнулъ ямщица, и уѣхалъ, прежде чѣмъ успѣль я опомнился.»

Графъ замолчалъ. Такимъ образомъ узналь я конецъ повѣстї, коей начало нѣкогда такъ поразило меня. Съ героемъ оной уже я не

вспрѣчался. Сказываютъ, что Сильвіо, во время возмущенія Александра Ипсиланти, предводительствовалъ отрядомъ Эперисшевъ и былъ убитъ въ сраженіи подъ Скудянами.

М Е Т Е Л Ъ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

М Е Т Е Л Ь.

Кони мчатся по буграмъ,
Топчутъ снѣгъ глубокой....
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
Видѣнъ одинокой.

Вдругъ метелица кругомъ ;
Снѣгъ валить клоками ;
Черный вранъ , свистя крыломъ ,
Вьется надъ санями ;
Вѣщій стонъ гласитъ печаль !
Кони торопливы
Чудко смотрять въ темну даль ,
Воздымаю гривы....

Жуковскій.

Въ концѣ 1811 года , въ эпоху намъ до-
спопамятную , жилъ въ своемъ помѣстїи
Ненарадовъ добрый Гаврила Гавrilовичъ Р** .
Онъ славился во всемъ округѣ господствомъ
и радушіемъ ; сосѣды поминутно

ѣздили къ нему поѣсть , попить , поиграть по пяти копѣекъ въ босшонъ съ его женою, а нѣкоторые для того, чтобъ поглядѣть на дочку ихъ, Марью Гавриловну, спройную , блѣдную и семнадцатилѣтнюю дѣвицу. Она считалась богатой невѣстою, и многіе прочили ей за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспишана на Французскихъ романахъ, и слѣдственno была влюблена. Предмешть, избранный ею, бывъ бѣдный армейскій Прапорщикъ, находившійся въ ошпушку въ своей деревнѣ. Само по себѣ разумѣется , что молодой человѣкъ пыталъ равною спрасшію , и что родишили его любезной , замѣтия ихъ взаимную склонносТЬ , запрещили дочери о немъ и думать , а его принимали хуже , нежели отспавнаго засѣдашеля.

Наши любовники были въ перепискѣ , и всякой день видались наединѣ въ сосновой рощѣ или у старой часовни. Тамъ они клялись другъ другу въ вѣчной любви , сѣповали на судьбу и дѣлали различныя предположенія. Переписываясь и разговаривая шакимъ

образомъ, они (что весьма естественно) дошли до слѣдующаго разсужденія: если мы другъ безъ друга дышать не можемъ, а во-ля жестокихъ родителей принятьшися уѣхать нашему благополучію, что нельзя ли намъ будешь обойтись безъ нея? Разумѣется, что эта счастливая мысль пришла сперва въ голову молодому человѣку, и что она весьма понравилась романическому воображенію Марыи Гавриловны.

Насступила зима и прекрасила ихъ свиданія; но переписка сдѣлалась шѣмъ живѣе. Владимиръ Николаевичъ въ каждомъ письмѣ умолялъ ее предающаимъ ему, вѣнчашаимъ шайно, скрывавшимъ нѣсколько времени, броситься пошомъ къ ногамъ родителей, которые конечно будущъ пронуши наконецъ героическимъ посвященіемъ и несчастнѣемъ любовниковъ, и скажущъ имъ непремѣнно: Дѣши! придиша въ наши объятия.

Марья Гавриловна долго колебалась; множество плановъ побѣга было отвергнуто. Наконецъ она согласилась: въ назначенный день она должна была не ужинать, удалившись въ свою комната подъ предлогомъ голов-

ной боли. Дѣвушка ея была въ заговорѣ; обѣ онѣ должны были выдти въ садъ черезъ заднее крыльцо, за садомъ найти гошовыя сани, садиться въ нихъ иѣхать за пять верстъ отъ Ненарадова въ село Жадрино, прямо въ церковь, гдѣ ужъ Владимиръ долженъ былъ ихъ ожидать.

Наканунѣ рѣшишельнаго дня, Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала бѣлье и плащье, написала длинное письмо къ одной чувствищельной барышнѣ, ея подругѣ, другое къ своимъ родителямъ. Она прощалась съ ними въ самыхъ прегателныхъ выраженіяхъ, извиняла свой проспупокъ неодолимою силою спраски, и оканчивала шѣмъ, что блаженнѣйшею минутою жизни почтепъ она ту, когда позволено будеъ ей броситься къ ногамъ дражайшихъ ея родителей. Запечатавъ оба письма Тульской печашкой, на которой изображены были два пылающія сердца съ приличной надписью, она бросилась на поспѣль передъ самимъ разсвѣтомъ и задремала; но и тушъ ужасныя мечтанія поминутно ее пробуждали. То казалось ей,

Что въ самую минуту, какъ она садилась въ сани, чтобыѣхать вѣнчаться, отецъ ея останавливалъ ее, съ мучительной быстротой шастилъ ее по снѣгу и бросалъ въ шемное, бездонное подземелье.... и она лепѣла спремглавъ съ неизъяснимымъ замыраніемъ сердца; то видѣла она Владимира, лежащаго на правѣ, блѣднаго, окровавленнаго. Онъ, умирая, молилъ ее пронзительнымъ голосомъ поспѣшить съ нимъ обѣнчаться.... другія безобразныя, безсмысленные видѣнія неслись передъ нею одно за другимъ. Наконецъ она вспала, блѣднѣе обыкновеннаго и съ неприворной головною болью. Отецъ и машь замѣтили ея беспокойство; ихъ нѣжная заботливость и беспрешанные вопросы: что съ тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? раздирали ея сердце. Она с颤алась ихъ успокоить, казаться веселою, и не могла. Насупилъ вечеръ. Мысль, что уже въ послѣдній разъ провожаешь она день посреди своего семейства, спѣсняла ея сердце. Она была чутЬ жива; она вѣайнѣ прощалась со всеми особыми, со всеми предмѣшами, ея окружав-

шичи. Подали ужинать ; сердце ея сильно забилось. Дрожащимъ голосомъ объявила она, что ей ужинать не хочется, и спала прощаешься съ отцемъ и матерью. Они ее поцаловали и , по обыкновенію , благословили : она чутъ не заплакала. Пришедъ въ свою комнату, она кинулась въ кресла и залилась слезами. Дѣвушка уговаривала ее успокоиться и ободриться. Все было гопово. Черезъ полчаса Маша должна была навсегда оставить родительскій домъ , свою комнату , тихую дѣвическую жизнь.... На дворѣ была мешель ; вѣперь выль , спавни тряслись и спучали ; все казалось ей угрозой и печальнымъ предзнаменованіемъ. Скоро въ домъ все утихло и заснуло. Маша окунувшись въ шалью , надѣла теплый капотъ , взяла въ руки шкашулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Онѣ сошли въ садъ. Мешель не ухипала ; вѣшеръ дуль навспрѣчу , какъ будто силясь осстановить молодую преступницу. Онѣ на силу дошли до конца сада. На дорогѣ сани дожидались ихъ. Лошади , прозябнувъ , не спояли на мѣстѣ ; кучеръ Владимира разха-

живаль передъ оглоблями , удерживая репи-
выхъ. Онъ помогъ барышнѣ и ея дѣвушкѣ
усѣсться и уложиши узлы и шкатулку ,
взяль возжи , и лошади поленѣли. Поручивъ
барышню попеченію судьбы и искусству Те-
решки кучера , обратимся къ молодому на-
шему любовнику.

Цѣлый день Владиміръ быль въ разъездѣ.
Упремъ быль онъ у Жадринскаго священни-
ка; насилу съ нимъ уговорился; пощомъ по-
ѣхалъ искать свидѣтелей междусосѣдними
помѣщиками. Первый , къ кому явился онъ ,
отшавной сорокалѣтній Корнепѣт Дравинъ,
согласился съ охопною. Это приключение ,
увѣряль онъ , напоминало ему прежнее вре-
мя и гусарскія проказы. Онъ уговорилъ Вла-
диміра осѣсться у него ошобѣдать , и увѣ-
риль его , что за другими двумя свидѣтеля-
ми дѣло не спанепть. Въ самомъ дѣлѣ , тош-
часъ послѣ обѣда явились землемѣръ Шмипъ
въ усахъ и шпорахъ , и сынъ Капишанъ-Ис-
правника , мальчикъ лѣтъ шесцнадцати ,
недавно поступившій въ Уланы. Они не
только приняли предложеніе Владиміра , но
даже клялись ему въ гоповности жерпво-

вать для него жизнью. Владими́р обнялъ ихъ съ воспоминаніемъ, и поѣхалъ домой пригото- вляться.

Уже давно смеркалось. Онъ опправилъ сво-
его надежнаго Терешку въ Ненарадово съ
свою пройкою и съ подробнымъ, обспоя-
щельнымъ наказомъ, а для себя велѣлъ зало-
жить маленькия сани въ одну лошадь, и
одинъ безъ кучера опправился въ Жадрино,
куда часа черезъ два должна была прїехать
и Марья Гавриловна. Дорога была ему зна-
кома, а ъезды всего двадцать минутъ.

Но едва Владими́ръ выѣхалъ за окопицу въ
поле, какъ поднялся вѣтеръ и сдѣлалась
шакая мепель, чѣмъ онъ ничего не взвидѣлъ.
Въ одну минуту дорогу занесло; окрест-
носіи исчезла во мглѣ мушиной и желтоватой,
сквозь которую лепѣли бѣлые хлопья
снѣгу; небо слилось съ землею; Владими́ръ
очутился въ полѣ и напрасно хопѣлъ снова
попасть на дорогу; лошадь спупала науда-
ча и поминутно по взъѣзжала на сугробъ,
по проваливалась въ яму; сани поминутно
опрокидывались. — Владими́ръ спарался шоль-
ко не поперять наспоящаго направленія.

Но ему казалось, что уже прошло болѣе получаса, а онъ не доѣзжалъ еще до Жадринской рощи. Прошло еще около десяти минутъ; рощи все было не видать. Владиміръ ъхалъ полемъ, пересѣченнымъ глубокими оврагами. Мешель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала успавашь, а съ него пошъ капился градомъ, не смопря на то, что онъ поминушино быль по поясь въ снѣгу.

Наконецъ онъ увидѣлъ, что ѿденъ не въ шту спорону. Владиміръ остановился: началь думашь, припоминашь, соображашь, и уверился, что должно было взять ему вправо. Онъ поѣхалъ вправо. Лошадь его чупъ спупала. Уже болѣе часа быль онъ въ дорогѣ. Жардино должно было быть недалеко. Но онъ ъхалъ, ъхалъ, а полю не было конца. Все сугробы, да овраги; поминушино сани опрокидывались, поминушино онъ ихъ поднималъ. Время шло; Владиміръ начиналь сильно беспокоишься.

Наконецъ въ споронѣ чпо-то спало чернѣшь. Владиміръ поворопилъ шуда. Приближаясь, увидѣлъ онъ рощу. Славу Богу, поду-

маль онъ, теперь близко. Онъ поѣхалъ около рощи, надѣясь спошчась попасть на знакомую дорогу или обѣхать рощу кругомъ: Жадрино находилось спопчась за нею. Скоро нашелъ онъ дорогу, и вѣхалъ во мракъ деревъ, обнаженныхъ зимою. Вѣперь не могъ ступить свирѣпствовавъ; дорога была гладкая; лошадь обродилась и Владиміръ успокоился.

Но онъ ъхалъ, ъхалъ, а Жадрина было не видать; рощѣ не было конца. Владиміръ съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ заѣхалъ въ неизвестный лѣсъ. Ощаяніе овладѣло имъ. Онъ ударилъ по лошади; бѣдное живопиное пошло-было рысью, но скоро спало приспавать и черезъ чепверть часа пошло шагомъ, не смопря на всѣ усилия насчастнаго Владиміра.

Мало по малу деревья начали рѣдѣть, и Владиміръ выѣхалъ изъ лѣсу; Жадрина было не видать. Должно было бытъ около полуночи. Слезы брызнули изъ глазъ его; онъ поѣхалъ на удачу. Погода утихла, шучи разходились, передъ нимъ лежала равнина, успланная бѣлымъ волнистымъ ковромъ.

Ночь была довольно ясна. Онъ увидѣлъ нѣдалекъ деревушку, соспоящую изъ четырехъ или пяти дворовъ. Владимиrъ поѣхалъ къ ней. У первой избушки онъ выпрыгнулъ изъ саней, подбѣжалъ къ окну и спалъ спу-чашся. Черезъ нѣсколько минутъ деревянный спавенъ поднялся и спарикъ высунулъ свою сѣдую бороду. «Что ше надо?» — «Далеко ли Жадрино?» — «Жадрино - то далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недалече; верспи десяшокъ будешъ.» При семъ опившися Владимиrъ схватилъ себя за волосы и оспался недвижимъ, какъ человѣкъ, приговоренный къ смерти.

«А ошколъ ты?» продолжалъ спарикъ. Владимиrъ не имѣлъ духа опивчать на вопросы. «Можешь ли ты, спарикъ, сказать онъ, досшапь мнѣ лошадей до Жадрина?» — «Каки у насъ лопади,» опивчалъ мужикъ. — «Да не могу ли взяшь хомъ проводника? Я заплачу, сколько ему будешъ угодно?» — «Поспой,» сказалъ спарикъ, опуская спавенъ, я ше сына вышлю; онъ ше проводишъ.» Владимиrъ спалъ дожидашся. Не прошло минуты, онъ опять началъ спу-

чашься. Спавень поднялся, борода показалась. « Что ше надо ? » — « Что жь швой сынъ ? » — « Сей часъ выдешь, обуваешся. Али ты прозябъ ? взойди погрѣшься. » — « Благодарю, высытай скорѣе сына. »

Ворота заскрыпѣли; парень вышелъ съ дубиною, и пошелъ впередъ, шо указывая, шо опысывая дорогу, занесенную снѣговыми сугробами. « Который часъ ? » спросиль его Владиміръ. « Да ужь скоро развѣнѣшь, » отвѣчаль молодой мужикъ. Владиміръ не говориль уже ни слова.

Пѣли пѣтухи и было уже свѣпло, какъ доспигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владиміръ заплашилъ проводнику и поѣхаль на дворъ къ священнику. На дворѣ тройки его не было. Какое извѣстіе ожидало его !

Но возвращимся къ добрымъ Ненарадовскимъ помѣщикамъ и посмотримъ, что-то у нихъ дѣлается.

А ничего.

Спарики проснулись и вышли въ госпину, Гаврила Гавrilовичъ въ колпакѣ и бойковой курткѣ, Прасковья Петровна въ

шлафрокъ на вапъ. Подали самоваръ, и Гаврила Гавриловичъ послалъ дѣвчонку узнанѣй о пѣ Марыи Гавриловны, каково ея здоровье и какъ она почивала. Дѣвчонка воропилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче, и что она-де сей часъ придется въ госпину. Въ самомъ дѣлѣ, дверь отворилась и Марья Гавриловна подошла здоровавшися съ папенькой и съ маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» спросилъ Гаврила Гавриловичъ. — «Лучше, папенька,» отвѣтчила Маша. — «Ты вѣрно, Маша, вчера́сь угорѣла,» сказала Прасковья Пепровна — «Можешь бышь, маменька,» отвѣтчила Маша.

День прошелъ благополучно, но въ ночь Маша занемогла. Послали въ городъ за лѣкаремъ. Онъ пріѣхалъ къ вечеру и нашелъ больную въ бреду. Открылась сильная горячка, и бѣдная больная двѣ недѣли находилась у края гроба.

Никто въ домѣ не зналъ о предположенномъ побѣгѣ. Письма, на канунѣ ею напи-

саннья , были сожжены ; ея горничная никому ни о чём не говорила , опасаясь гибели господь . Священникъ , опишавшой корнешъ , усасший землемѣръ и маленький Уланъ были скромны , и не даромъ . Терешка кучеръ никогда ничего лишняго не высказывалъ , даже и въ хмѣлю . Такимъ образомъ шайна была сохранена больше , чѣмъ полудюжиною заговорщиковъ . Но Марія Гавриловна сама , въ безпрепанномъ бреду , высказывала свою шайну . Однакожъ ея слова были споль несообразны ни съ чѣмъ , что машь , ее отходившая отъ ея поспели , могла понять изъ нихъ только то , что дочь ея была смертельно влюблена во Владимира Николаевича , и что вѣроятно любовь была причиной ея болѣзни . Она соединовалась со своимъ мужемъ , съ нѣкоторыми сосѣдами , и наконецъ единогласно все рѣшили , что видно шакова была судьба Марии Гавриловны , что суженаго конемъ не объѣдесть , что бѣдность не порокъ , что жить не съ богатствомъ , а съ человѣкомъ , и потому подобное . Нравственныя поговорки бывающи удивительно полезны въ тѣхъ случаяхъ ,

когда мы опь себя мало чпо можемъ выду-
машъ себѣ въ оправданіе.

Между шѣмъ барышня спала выздоравли-
вашъ. Владимира давно не видно было въ до-
мѣ Гаврилы Гавриловича. Онъ былъ напуганъ
обыкновеннымъ пріемомъ. Положили послать
за нимъ и объявишь ему неожиданное сча-
сіе: согласіе на бракъ. Но каково было
изумленіе Ненарадовскихъ помѣщиковъ, ког-
да въ отвѣтъ на ихъ приглашеніе получили
они опь него полусумасшедшее письмо!
Онъ объявлялъ имъ, чпо нога его не буде-
шть никогда въ ихъ домѣ, и просилъ забыть
о несчастномъ, для котораго смерть
оспаешся единою надеждою. Черезъ нѣсколь-
ко дней узнали они, что Владимира уѣхалъ
въ армію. Это было въ 1812 году.

Долго не смѣли объявить объ этомъ вы-
здоравливающей Машѣ. Она никогда не упо-
минала о Владимира. Нѣсколько мѣсяцевъ уже
спустя, нашедъ имя его въ числѣ опличив-
шихся и тяжело раненыхъ подъ Бородинымъ;
она упала въ обморокъ и боялась, чпо бѣ
горячка ея не возвращилась. Однако, слава
Богу, обморокъ не имѣлъ послѣдствія.

Другая печаль ее посыпала: Гаврила Гаврилович скончался, оспавя ее наследницей всего имѣнія. Но наследство не ушло ея; она раздѣляя искренно горесть бѣдной Прасковыи Петровны, клялась никогда съ нею не разспаваться; обѣ онѣ оспастили Ненарадово, мѣсто пургальныхъ воспоминаній, и поѣхали жить въ ***ское помѣстье.

Женихи кружились и шупть около милой и богатой невѣсты: но она никому не давала и малѣйшей надежды. Машь иногда уговаривала ее выбрать себѣ друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владимиръ уже не существовалъ: онъ умеръ въ Москвѣ, наканунѣ вступленія Французовъ. Память его казалась священною для Маши; по крайней мѣрѣ она берегла все, чѣмъ могло его напомнить: книги, имъ нѣкогда прочитанныя, его рисунки, ношы и спихи, имъ переписанные для нея. Сосѣды, узнавъ обо всемъ, дивились ея постыдству и съ любопытствомъ ожидали Героя, долженствовавшаго наконецъ воспор-

жеспновашь надъ печальной вѣрноспію
этой дѣвшвенной Аршемизы.

Межу шѣмъ война со славою была кончена. Полки наши возвращались изъ-за границы. Народъ бѣжалъ имъ навспрѣчу. Музыка играла завоеванныя пѣсни: *Vive Henri-Quatre*, Тирольскіе вальсы и аріи изъ Жоконда. Офицеры, ушедшіе въ походъ почти ошроками, возвращались, возмужавъ на бранномъ воздухѣ, обвѣшенные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмѣшивая поминупши въ рѣчь Нѣмецкія и Французскія слова. Время незабвенное! Время славы и воспорга! Какъ сильно билось Русское сердце при словѣ Опечеспво! Какъ сладки были слезы свиданія! Съ какимъ единодушіемъ мы соединяли чувства народной гордости и любви къ Государю! А для Него, какая была минута!

Женщины, Русскія женщины были тогда безподобны. Обыкновенная холодность ихъ исчезла. Воспоргъ ихъ былъ испинно упоишелъ, когда, вспрычая побѣдителей, кричали онъ: *ура!*

И въ воздухѣ чепчики бросали.

Кто изъ тогдашнихъ Офицеровъ не со-
знается, что Русской женщинѣ обязанъ
онъ быть лучшей, драгоценнейшей награ-
дой?....

Въ эшо блиспашельное время Марья Га-
вриловна жила съ машерью въ *** Губерніи,
и не видала, какъ обѣ сполицы праздновали
возвращеніе войскъ. Но въ уѣздахъ и дерев-
няхъ общій воспургъ, можешьъ бысть, быть
еще сильнѣе. Появленіе въ сихъ мѣстахъ
офицера было для него наспоящимъ торже-
ствомъ, и любовнику во фракѣ плохо было
въ его сосѣдствѣ.

Мы уже сказывали, чпо, не смотря на
ея холодность, Марья Гавриловна все по-
прежнему окружена была искашелями. Но
всѣ должны были отступить, когда явил-
ся въ ея замкѣ раненый Гусарской Полков-
никъ Бурминъ, съ Георгіемъ въ пеплицѣ и
съ интересной блѣдностію, какъ говорили
тамошнія барышни. Ему было около двад-
цати шесши лѣть. Онъ пріѣхалъ въ оп-
пускъ въ свои помѣстья, находившіяся по
сосѣдству деревни Марии Гавриловны. Марья
Гавриловна очень его отличала. При немъ

обыкновенная задумчивость ея оживлялась. Нельзя было сказать, чтоб она съ нимъ кокетничала; но Поэтъ, замѣтя ея поведеніе, сказалъ бы:

Se amor non è, che dunche?...

Бурминъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, очень милый молодой человѣкъ. Онъ имѣлъ именно тошь умъ, кошорый нравится женщинаамъ: умъ приличія и наблюденія, безо всякихъ пристязаній и беспечно насыщенный. Поведеніе его съ Марьей Гавrilovной было проспто и свободно; но чтобъ она ни сказала или ни сдѣлала, душа и взоры его шакъ за нею и слѣдовали. Онъ казался нрава широкаго и скромаго, но молва увѣряла, что нѣкогда былъ онъ ужаснымъ повѣсою, и это не вредило ему во мнѣніи Марии Гавриловны, которая (какъ и всѣ молодыя дамы вообще) съ удовольствіемъ извиняла щалости обнаруживающія смѣлость и пылкость характера.

Но болѣе всего.... (болѣе его нѣжности, болѣе пріятнаго разговора, болѣе интересной блѣдности, болѣе перевязанной руки) молчаніе молодаго Гусара болѣе всего под-

спрекало ея любопытство и воображеніе. Она не могла не сознаваться въ томъ , что она очень ему нравилась ; вѣроятно и онъ , съ своимъ умомъ и опытомъю , могъ уже замѣтить , что она отличала его : какимъ же образомъ до сихъ порь не видала она его у своихъ ногъ и еще не слыхала его признанія ? Чѣмъ удерживало его ? робость , гордость или кокетство хищраго волокиты ? Это было для нея загадкою . Подумавъ хоропенько , она рѣшила , что робость была единственному причиной , и положила ободрить его болѣею внимательностью , и смотря по обстоятельствамъ , даже нѣжностью . Она пріугожовляла развязку самую неожиданную и съ неперпѣніемъ ожидала минуты романического объясненія . Тайна , какого роду ни была бы , всегда пягостила женскому сердцу . Ея военные дѣйствія имѣли желаемый успѣхъ : по крайней мѣрѣ , Бурминъ впалъ въ такую задумчивость , и черные глаза его съ такимъ огнемъ осматривались на Марии Гавриловнѣ , что рѣшительная минута , казалось , уже близка . Сосѣды говорили о свадьбѣ , какъ о дѣлѣ уже

конченномъ, а добрая Прасковья Петровна радовалась, чтио дочь ея наконецъ нашла себѣ доспойнаго жениха.

Спарушка сидѣла однажды одна въ гостиной, раскладывая грань-пась-янсъ, какъ Бурминъ вошелъ въ комнашу и шошчасть освѣдомился о Марье Гавриловнѣ. « Она въ саду, опивчала спарушка; подише къ ней а я васъ буду здѣсь ожидать. » Бурминъ пошелъ, а спарушка перескрестилась и подумала: авось дѣло сего дня же кончиится!

Бурминъ нашелъ Марью Гавриловну у пруда, подъ ивою, съ книгою въ рукахъ, и въ бѣломъ плащѣ, настоящей героинею романа. Послѣ первыхъ вопросовъ, Марья Гавриловна нарочно переспала поддерживашь разговоръ, усиливая такимъ образомъ взаимное замѣшательство, опѣ котораго можно было избавиться развѣ только внезапнымъ и рѣшиительнымъ объясненіемъ. Такъ и случилось: Бурминъ, чувствуя запруднишельность своего положенія, объявилъ, чтио искалъ давно случая открыть ей свое сердце, и попробовалъ минуты вниманія.

Марья Гавриловна закрыла книгу и поспутила глаза въ знакъ согласія.

« Я въасъ люблю, сказаль Бурминъ, я въасъ люблю спрасшино.... » (Марья Гавриловна покраснѣла и наклонила голову еще ниже). « Я поспущилъ неоспорожно, предаясь милой привычкѣ, привычкѣ видѣть и слышать въасъ ежедневно... » (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St. Preux.) « Теперь уже поздно противишься судѣбѣ моей; воспоминаніе объ въасъ, вашъ милый, несравненный образъ, описанъ будешъ мученіемъ и отрадою жизни моей; но мнѣ еще оспаешся исполнить тяжелую обязанность, открыть вамъ ужасную шайну и положить между нами непреодолимую преграду... » — « Она всегда существовала, прервала съ жизнью Марья Гавриловна, я никогда не могла быть вашею женой... » — « Знаю, опивъчаль онъ ей шихо, знаю, что нѣкогда вы любили, но смерть и три года съшованій.... Добрая, милая Марья Гавриловна! не спарайшесь лишишь меня послѣдняго ушыненія: мысль, что вы бы согласились сдѣлать мое счастіе, если бы... молчише,

ради Бога, молчишь. Вы терзаете меня. Да я знаю. Я чувствую, что вы были бы моим, но — я несчастнейшее создание... я женатъ! »

Марья Гавриловна взглянула на него съ удивленіемъ.

« Я женатъ, продолжалъ Бурминъ; я женатъ уже четвертой годъ и не знаю, кто моя жена, и гдѣ она, и долженъ ли свидѣться съ нею когда нибудь! »

« Чѣмъ вы говорите? » воскликнула Марья Гавриловна; « какъ это спирально! Продолжайшь; я расскажу послѣ... но продолжайшь, сдѣлайшь милость. »

« Въ началѣ 1812 года, сказалъ Бурминъ, я спѣшилъ въ Вильну, гдѣ находился нашъ полкъ. Пріѣхавъ однажды на станцію поздно вечеромъ, я вѣмѣль-было поскорѣе закладывать лошадей, какъ вдругъ поднялась ужасная метель, и смоширишь и ямщики соѣщовали мнѣ переждать. Я ихъ послушался, но непонятное беспокойство овладѣло мною; казалось, чѣмъ-то меня шакъ и тряска. Между тѣмъ метель не унималась; я не вытерпѣлъ, приказалъ опять закладывать

и поѣхалъ въ самую бурю. Ямщику вздумалось ъхать рѣкою, что должно было сократить намъ путь премя верстами. Берега были занесены ; ямщикъ проѣхалъ мимо шого мѣста, гдѣ выѣзжали на дорогу, и такимъ образомъ очутились мы въ незнакомой сплошнѣ. Буря не утихала ; я увидѣлъ огонекъ, и вельмъ ъхать шуда. Мы пріѣхали въ деревню ; въ деревянной церкви былъ огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло нѣсколько саней ; по паперти ходили люди. « Сюда ! сюда ! ». закричало нѣсколько голосовъ. Я вельмъ ямщику подъѣхашь. « Помилуй, гдѣ ты замѣшкался ? » сказалъ мнѣ кто-то ; « невѣсма въ обморокѣ ; попъ не знаешь, чѣмъ дѣлашь ; мы гошовы были ъхать назадъ. Выходи же скорѣе. » Я молча выпрыгнулъ изъ саней и вошелъ въ церковь, слабо освѣщенную двумя или премя свѣчами. Дѣвушка сидѣла на лавочкѣ въ шемномъ углу церкви ; другая терла ей виски. « Слава Богу, сказала эта, насилиу вы пріѣхали. Чутъ-было вы барышню не уморили. » Старый священникъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ : « Прикажеши начинать ? » — « Начинайше, начи-

найше, башнюшка, » оплакивалъ я разсѣянно. Дѣвушку подняли. Она показалась мнѣ не дурна .... Непонятная, непроспѣшная вѣреносиць .... я спалъ подлѣ нея передъ налоемъ ; священникъ торопился ; прое мущинъ и горничная поддерживали невѣсту и заняты были только ею. Насъ обвенчали. « Поцалуйшесь, » сказали намъ. Жена моя обратила ко мнѣ блѣдное свое лицо. Я хотѣль было ее поцаловать... Она вскрикнула : « Ай, не онъ ! не онъ ! » и упала безъ памяти. Свидѣтели успремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышелъ изъ церкви безо всяаго препятствія, бросился въ кишину и закричалъ : пошелъ !

« Боже мой ! » закричала Марья Гавrilовна ; « и вы не знаете, что сдѣталось съ бѣдною вашею женой ? »

« Не знаю , оплакивалъ Бурминъ ; не знаю , какъ зовутъ деревню , где я вѣнчался ; не помню , съ которой станцией поѣхалъ. Въ то время я такъ мало полагалъ важности вѣршунной моей проказы , что , опѣхавъ опѣць церкви , заснуль , и проснулся на другой день поушру , на шрецѣ уже

спанціи. Слуга, бывшій шогда со мною, умеръ въ походѣ, шакъ, ччто я не имѣю и надежды опыскать шу, надъ коппорой подшупиль я шакъ жеспоко, и коппорая пе-перь шакъ жеспоко отомщена. »

« Боже мой, Боже мой! » сказала Марья Гавриловна, схвативъ его руку; « шакъ эшо были вы! И вы не узнаепше меня? »

Бурминъ поблѣднѣлъ . . . и бросился къ ея ногамъ . . .

ГРОБОВЩИКЪ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ГРОБОВЩИКЪ.

Не зrimъ ли каждый день гробовъ,
Съдинъ дряхлѣющей вселенной?

ДЕРЖАВИНЪ.

Послѣдніе пожишки гробовщика Адріана Прохорова были взвалены на похоронныя дороги, и щоцая пара въ четвертый разъ попащилась съ Басманной на Никишскую, куда гробовщикъ переселялся всѣмъ своимъ домомъ. Заперевъ лавку, прибиль онъ къ ворошамъ объявление о томъ, что домъ продаецца и ошдаецца внаймы, и пѣшкомъ отправился на новоселье. Приближаясь къ железному домику, шакъ давно соблазнившему его воображеніе и наконецъ купленному имъ за порядочную сумму, спарый гробовщикъ

чувствовать съ удивлениемъ, что сердце его не радовалось. Перескакивъ за незнакомый порогъ и нашедъ въ новомъ своемъ жилищѣ сумашоху, онъ вздохнулъ о ветхой лачужкѣ, гдѣ въ шеченіи осьмнадцати лѣтъ все было заведено самимъ строгимъ порядкомъ; спальня бранила обѣихъ своихъ дочерей и работницу за ихъ медленность, и самъ принялъ имъ помогать. Вскорѣ порядокъ успокоился; кивошъ съ образами, шкаль съ посудою, споль, диванъ и кровать заняли имъ определенные углы въ задней комнатѣ; въ кухнѣ и госпиной помѣстились издѣлія хозяина: гробы всѣхъ цвѣтовъ и всякаго размѣра, шакже шкатулки съ штраурными шляпами, мантиями и факелами. Надъ воропами возвысилась вывеска, изображающая дороднаго Амура съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ, съ подписью: «здесь продаются и обиваются гробы просные и крашеные, шакже отдаются на прокатъ и починяются старые.» Дѣушки ушли въ свою свѣтилицу, Адріанъ обошелъ свое жилище, сѣль у окошка и приказалъ готовить самоваръ.

Просвѣщенный читатель вѣдаешьъ, что Шекспиръ и Вальтеръ Скоттъ оба представили своихъ гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей прошиво-положноспю сильнѣе поразить наше воображеніе. Изъ уваженія къ испанѣ мы не можемъ слѣдовашь ихъ примѣру, и принуждены признаться, что иправъ нашего гробовщика совершенно соотвѣтствовалъ мрачному его ремеслу. Адріанъ Прохоровъ обыкновенно былъ угрюмъ и задумчивъ. Онъ разрѣшалъ молчаніе развѣ только для того, чтобъ журить своихъ дочерей, когда заспавалъ ихъ безъ дѣла глазѣющихъ въ окно на прохожихъ, или чтобъ запрашивашь за свои произведенія преувеличенную цѣну у тѣхъ, которые имѣли несчастіе (а иногда и удовольствіе) въ нихъ нуждаться. И такъ Адріанъ, сидя подъ окномъ, и вышивая седьмую чашку чаю, по своему обыкновенію былъ погруженъ въ печальные размышленія. Онъ думалъ о проливномъ дождѣ, который, за недѣлю тому назадъ, всipрѣшилъ у самой заспавы похороны отспавнаго Бригадира. Многія манпіи опѣь того съузились, многія

шляпы покоробились. Онъ предвидѣлъ неминуемые расходы, ибо давній запасъ гробовыхъ нарядовъ приходилъ у него въ жалкое состояніе. Онъ надѣялся вымѣстить убытокъ на старой купчихѣ Трюхиной, кошорая уже около года находилась при смерти. Но Трюхина умирала на Разгуляѣ, и Прохоровъ боялся, чтобъ ея наследники, не смущая на свое обѣщаніе, не полѣнились послать за нимъ въ шакую даль и не спорговались бы съ ближайшимъ подрядчикомъ.

Сіи размысленія были прерваны нечаянно шремя фран-масонскими ударами въ дверь. « Кто шамъ? » спросилъ гробовщикъ. Дверь отворилась, и человѣкъ, въ копоромъ съ первого взгляду можно было узнать Немца ремесленника, вошелъ въ комнату, и съ веселымъ видомъ приблизился къ гробовщику. « Извиниши, любезный сосѣдъ, » сказалъ онъ шѣмъ Русскимъ нарѣчіемъ, кошорое мы безъ смѣха донынѣ слышать не можемъ, « извиниши, что я вамъ помѣшалъ . . . я желаль поскорѣе съ вами познакомишися. Я сапожникъ, имя мое Гошлибъ Шульцъ, и живу ошь васъ черезъ улицу, въ эшомъ домикѣ,

что пропивъ вашихъ окошекъ. — Завтра праздную мою серебрянную свадьбу, и я прошу васъ и вашихъ дочекъ ошбѣдашь у меня попріятельски. » — Приглашеніе было благосклонно принято. Гробовщикъ просилъ сапожника садиться и выкушать чашку чаю, и благодаря открышому нраву Гоплиба Шульца, вскорѣ они разговорились дружелюбно. « Каково торгуешь ваша милость? » спросилъ Адрианъ. — « Э хе хе, » отвѣчалъ Шульцъ, « и такъ и сякъ. Пожаловаться не могу. Хоть конечно мой творарь не то, что вашъ: живой безъ сапогъ обойдется, а мертвый безъ гроба не живеть. » — « Сущая правда, » замѣтилъ Адрианъ; « однако жъ, если живому не на что купить сапогъ, то, не прогнѣвайся, ходиши онъ и босой; а ницій мертвѣцъ и даромъ берешь себѣ гробъ. » Такимъ образомъ бесѣда продолжалась у нихъ еще нѣсколько времени; наконецъ сапожникъ вспомнилъ и проспился съ гробовщикомъ, возобновляя свое приглашеніе.

На другой день, ровно въ двѣнадцать часовъ, гробовщикъ и его дочери вышли изъ калишки новокупленного дома, и отправи-

лись къ соседу. Не спану описывать ни Русского кафшана Адріана Прохорова, ни Европейского наряда Акулины и Дарьи, опи- спупая въ семъ случаѣ отъ обычая, принятаго нынѣшними Романиспами Полагаю, однакожъ, не излишнимъ замѣтить, что обѣ дѣвицы надѣли желтые шляпки и красные башмаки, что бывало у нихъ только въ торжественные случаи.

Тѣсная квартира сапожника была наполнена гостями, большою частию Нѣмцами ремесленниками, съ ихъ женами и подмастерьями. Изъ Русскихъ чиновниковъ былъ одинъ будочникъ, Чухонецъ Юрко, умѣвший пріобрѣсти, не смотря на свое смиренное званіе, особенную благосклонность хозяина. Лѣть двадцать пять служилъ онъ въ семъ званіи вѣрой и правдою; какъ почтальонъ Погорѣльскаго. Пожаръ двѣнадцатаго года, уничтоживъ первопрестольную столицу, истребилъ и его желтую будку. Но топчась, по изгнаніи врага, на ея мѣстѣ явилась новая, сѣренѣкая съ бѣлыми колонками Дорического ордена, и Юрко спалъ опять расхаживать около нея *съ скрипкой и вѣ*

бронь сермяжной. Онъ быль знакомъ большей часпи Нѣмцевъ , живущихъ около Никитскихъ ворошъ : инымъ изъ нихъ случалось даже ночевашъ у Юрки съ Воскресеня на Понедѣльникъ. Адріанъ топчасъ познакомился съ нимъ , какъ съ человѣкомъ , въ кошпоромъ рано или поздно можешъ случишия имѣть нужду , и какъ госпи пошли за споль , шо они сѣли вмѣстѣ . Господинъ и Госпожа Шульцъ и дочка ихъ , семнадцатилѣтняя Лотхенъ , обѣдая съ госпями всѣ вмѣстѣ , угощали и помогали кухаркѣ служить . Пиво лилось . Юрко ъль зачепверыхъ ; Адріанъ ему не уступалъ ; дочери его чинились ; разговоръ на Нѣмецкомъ языкеъ часъ отъ часу дѣлался шумнѣе . Вдругъ хозяинъ попробовалъ вниманія , и откупоривая замаленую бутылку , громко произнесъ по-русски : « За здоровье моей доброй Луизы ! » Полушампанское запѣнилось . Хозяинъ нѣжно поцаловалъ свѣжее лицо сорокалѣтней своей подруги , и госпи шумно выпили здоровье доброй Луизы . « За здоровье любезныхъ гостей моихъ ! » провозгласилъ хозяинъ , откупоривая впюорную бутылку — и госпи

благодарили его , осушая вновь свои рюмки. Тутъ начали здоровья слѣдоватъ одно за другимъ : пили здоровье каждого госпя осо- бливо , пили здоровье Москвы и цѣлой дю- жины Германскихъ городковъ , пили здоровье всѣхъ цѣховъ вообще и каждого въ особен- ности , пили здоровье мастеровъ и подмаст- щерьевъ. Адріанъ пиль съ усердіемъ , и до того развеселился , чпо самъ предложилъ какой-то шусливый просьбъ. Вдругъ одинъ изъ госпей , штолстой булочникъ , подняль рюмку и воскликнулъ : « За здоровье шѣхъ , на которыхъ мы работаемъ , unserer *Kind-* *leute !* » Предложеніе , какъ и всѣ , было при-нято радостно и единодушно. Госпи начали другъ другу кланяться , портной сапожнику , сапожникъ портному , булочникъ имъ обо-имъ , всѣ булочнику , и такъ далѣе. Юрко , посреди сихъ взаимныхъ поклоновъ , закри-чалъ , обращясь къ своему соседу : « Чпо же ? пей , башнюшка , за здоровье своихъ мершвецевъ. » Всѣ захохотали , но гробов-щикъ почель себя обиженнымъ и нахмурился. Никто штого не замѣтилъ , госпи продол-

жали пить, и уже благовѣсли къ вечернѣ,
когда вспнали изъ за спола.

Госпи разошлись поздно, и по большей
части навесель. Толстой булочникъ и пере-
плетчикъ, коего лице казалось въ краснень-
комъ сафьянномъ переплешъ, подруки оп-
вели Юрку въ его будку, наблюдая, въ семь
случаѣ, Русскую пословицу : долгъ плаше-
жемъ красенъ. Гробовщикъ пришелъ домой
пьянь и сердитъ. « Чпожъ эпо, въ самомъ
дѣлѣ , разсуждалъ онъ вслухъ, чѣмъ ремесло
мое нечестинѣе прочихъ ? развѣ гробовщикъ
братъ палачу ? чему смѣються басурмане ?
развѣ гробовщикъ гаэръ святочный ? Хотѣ-
лось было мнѣ позвать ихъ на новоселье,
задать имъ пиръ горой; инъ не бывашь же
тому ! А созову я тѣхъ , на кошорыхъ ра-
ботаю : мертвецевъ православныхъ. » —
« Что шы , баптишка ? » сказала работни-
ца, которая въ эпо время разувала его;
« что шы эпо городишь ? Перекресть !
Созиашь мертвыхъ на новоселье ! Экая
спросишь ! » — « Ей Богу , созову, » продолжалъ
Адріанъ , « и на завтрашній же день.
Милости просимъ , мои благодѣтели , завтра

вечеромъ у меня попировашь; угощу, чѣмъ Богъ послаль. » Съ эштимъ словомъ гробовщикъ отправился на кровашь и вскорѣ захрапѣль.

На дворѣ было еще темно, какъ Адріана разбудили. Купчиха Трюхина скончалась въ эшу самую ночь, и нарочный, ошь ея прикащика, прискакалъ къ Адріану верхомъ съ эштимъ извѣспиемъ. Гробовщикъ далъ ему за што гривенникъ на водку, одѣлся на скоро, взялъ извощика и поѣхалъ на Разгуляй. У ворошъ покойницы уже стояла полиція, и расхаживали купцы, какъ вороны, почужа мершвое шѣло. Покойница лежала на сполѣ, желтая какъ воскъ, но еще не обезображенная пѣніемъ. Около нея шѣснились родственники, сосѣды и домашніе. Всѣ окна были открыты; свѣчи горѣли; священники читали молитвы. — Адріанъ подошелъ къ племяннику Трюхиной, молодому купчику въ модномъ сершукѣ, объявляя ему, что гробъ, свѣчи, покровъ и другія похоронныя принадлежности тошчасъ будуть ему доставлены во всей исправности. Наслѣдникъ благодарилъ его разсѣянно, сказавъ, что о

цѣнъ онъ не торгуется, а во всемъ полагаешься на его совѣсть. Гробовщикъ, по обыкновенію своему, побожился, что лишняго не возмѣтъ; значительнымъ взглядомъ обмѣнялся съ прикащикомъ, и поѣхалъ хлопошать. Цѣлый день разѣзжалъ съ Разгуляемъ къ Никипскимъ воротамъ и обратно; къ вечеру все сладилъ, и пошелъ домой пѣшкомъ, опустивъ своего извозчика. Ночь была лунная. Гробовщикъ благополучно доехалъ до Никипскихъ воротъ. У Вознесенія окликнулъ его знакомецъ нашъ Юрко, и узнавъ гробовщика, пожелалъ ему доброй ночи. — Было поздно. Гробовщикъ подходилъ уже къ своему дому, какъ вдругъ показалось ему, что кто-то подошелъ къ его воротамъ, опирясь калишку, и въ нее скрылся. «Что бы это значило? подумалъ Адріанъ. Кому опять до меня нужда? Ужъ не воръ ли комъ забрался? Не ходяшь ли любовники къ моимъ дурамъ? Чего доброго!» И гробовщикъ думалъ уже кликнуть себѣ на помощь пріятеля своего Юрку. Въ эту минуту кто-то еще приблизился къ калишке и собирался войти, но увидя бѣгущаго хозяина,

остановился, и снялъ треугольную шляпу. Адріану лицо его показалось знакомо, но вшоропяхъ не успѣль онъ порядочно его разглядѣть. « Вы пожаловали ко мнѣ, » сказалъ запыхавшись Адріанъ; « войдите же, сдѣлайше милость. » — « Не церемонься, баптишка, » ошвѣчаль топъ глухо; « спуштай себѣ впередъ; указывай гостямъ дорогу! » Адріану и некогда было церемониться. Калипка была ошпарена, онъ пошелъ на лѣспницу, и топъ за нимъ. Адріану показалось, чпо по комнатамъ его ходятъ люди. « Чпо за дьявольщина! » подумалъ онъ, и спѣшилъ войти... топъ ноги его подкосились. Комната полна была мерцвецами. Луна сквозь окна освѣщала ихъ желтая и синяя лица, ввалившіеся рты, мутные, полузакрытые глаза и высунувшіеся носы.... Адріанъ съ ужасомъ узналъ въ нихъ людей, погребенныхъ его спараніями, и въ госпѣ, съ нимъ вмѣстѣ вошедшемъ, Бригадира, похороненного во время проливного дождя. Всѣ они, дамы и мужчины, окружили гробовщика съ поклонами и привѣтствіями, кроме одного бѣдняка, недавно даромъ похороненнаго,

который, совсѣмъ спыдясь своего ру-
бища, не приближался, и спояль смиренно
въ углу. Прочіе всѣ одѣпы были благопри-
спойно: покойницы въ чепцахъ и леніпахъ,
мершвецы чиновные въ мундирахъ, но съ
бородами небришими, купцы въ празднич-
ныхъ кафтанахъ. « Видиши ли, Прохоровъ, »
сказалъ Бригадиръ опь имени всей чеспной
компаніи; « всѣ мы поднялись на швое при-
глашеніе; оспались дома только шѣ, ко-
шорымъ уже не въ мочь, которые совсѣмъ
развалились, да у кого оспались однѣ коспи
безъ кожи, но и шушъ одинъ не уперпѣль —
шакъ хопѣлось ему побывать у шебя.... »
Въ эшу минуту, маленькой скелепѣ про-
дralся сквозь полпу, и приблизился къ Адрі-
ану. Черепъ его ласково улыбался гробовщику.
Клочки свѣплозеленаго и краснаго сукна и
вешхой холстинны кой-гдѣ висѣли на немъ,
какъ на шесипѣ, а коспи ногъ бились въ
большихъ башфорпахъ, какъ пестрики въ
ступацъ. « Ты не узналь меня, Прохоровъ, »
сказалъ скелепъ. « Помниши ли опишавнаго
сержанта гвардіи Пепра Пешровича Курил-
кина, шого самаго, кошорому, въ 1799 году,

ты продалъ первый свой гробъ — и еще сосновый за дубовый? » Съ симъ словомъ мершвецъ просперъ ему коспяняя объяпія — но Адріанъ , собравши съ силами , закричалъ , и опшолкнулъ его. Пепръ Пепровичъ пошашнулся , упалъ и весь разсыпался. Между мершвецами поднялся ропотъ негодованія ; всѣ вспутились за чесьшь своего шоварища , приспали къ Адріану съ бранью и угрозами , и бѣдный хозяинъ , оглушенный ихъ крикомъ , и почши задавленный , пошеряль присуществіе духа , самъ упалъ на коспи опшпавнаго сержанта гвардіи и лишился чувствівъ.

Солнце давно уже освѣщало поспелю , на которой лежалъ гробовщикъ. Наконецъ открылы онъ глаза и увидѣль передъ собою рабошиницу , раздувающую самоваръ. Съ ужасомъ вспомниль Адріанъ всѣ вчерашнія присуществія. Трюхина , Бригадиръ и сержантъ Курилкинъ смутно представились его воображенію. Онъ молча ожидалъ , чтобъ рабошица начала съ нимъ разговоръ , и объявила о послѣдствіяхъочныхъ приключений. —

« Какъ ты заспался , баптишка , Адріанъ Прохоровичъ , » сказала Аксинья , подавая ему халашь . « Къ тебѣ заходилъ сосѣдъ поршной , и здѣшній будочникъ забѣгалъ съ объявленіемъ , чпо сегодня Часпный имянинникъ , да ты изволилъ почивашъ , и мы не хопѣли тебя разбудишь . »

— « А приходили ко мнѣ опѣ покойницы Трюхиной ? »

« Покойницы ? Да развѣ она умерла ? »

— « Эка дура ! Да не ты ли пособляла мнѣ вчера улаживашь ея похороны ? »

« Чпо ты , баптишка , не съ ума ли спя-
шиль , али хмѣль вчерашній еще у шя не
прошелъ ? Какій были вчера похороны ? Ты
цѣлый день пироваль у Нѣмца , ворошился
пьянъ , завалился въ поспелю , да и спаль
до сего часа , какъ ужъ къ обѣднѣ ошлаго-
вѣспили . »

— « Ой ли ! » сказалъ обрадованный гро-
бовщикъ .

« Вѣшпимо шакъ , » опвѣчала рабошница .

— « Ну , коли шакъ , давай скорѣе чаю , да
позови дочерей . »

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

С ТА НЦИОННЫЙ

СМОТРИТЕЛЬ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

СТАНЦІОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ.

Коллежскій Регистраторъ
Почтовой станціи диктаторъ.

Князь Вяземскій.

Кто не проклиналь спанціонныхъ смештелей , кто съ ними не бравился ? Кто , въ минушу гнѣва , не пребовалъ отъ нихъ роковой книги , дабы вписать въ оную свою безполезную жалобу на припѣсненіе , грубость и неисправность ? Кто не почишаєть ихъ извергами человѣческаго рода , равными покойнымъ подъячимъ или по крайней мѣрѣ , Муромскимъ разбойникамъ ? Будемъ однако справедливы , поспараемся войти въ ихъ положеніе , и можешь бысть ,

спанемъ судить объ нихъ гораздо снисходительнѣе. Что такое спанционный смопришель? Сущій мученикъ чепырнадцатаго класса, огражденный своимъ чиномъ шокмо опь побоевъ, и то не всегда (ссылаюсь на совѣсть моихъ чипапелей). Какова должностъ сего дикшатора, какъ называешьъ его шупливо Князь Вяземскій? Не настоящая ли капорга? Покоя ни днемъ, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной ъзды, пушеспвенникъ вымѣщаешьъ на смопришель. Погода несносная, дорога скверная, ямщикъ упрямый, лошади не везутъ — а виноватъ смопришель. Входя въ бѣдное его жилище, проѣзжающій смопришель на него, какъ на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавившися опь непрошенааго госпія; но если не случится лошадей?... Боже! какія ругашельства, какія угрозы посыплются на его голову! Въ дождь и слякоть принужденъ онъ бѣгать по дворамъ; въ бурю, въ Крещенской морозъ уходишь онъ въ сѣни, чтобъ только на минуту отдохнуть опь крика и толчковъ раздраженнаго поспояльца. Пріѣзжаетъ Генераль; дро-

жащій смошришель ошдаешъ ему двѣ послѣднія пройки, въ шомъ числѣ курьерскую. Генераль ъдешъ, не сказавъ ему спасибо. Чрезъ пять минушъ — колокольчикъ!... и фельдъегерь бросаешъ ему на сполъ свою подорожную!... Вникнемъ во все это хорошенько, и вмѣсто негодованія, сердце наше исполнится искреннимъ соспраданіемъ. Еще нѣсколько словъ: въ печеніи двадцати лѣтъ сряду, изъѣздилъ я Россію по всѣмъ направленіямъ; почти всѣ почтовые шракпы мнѣ извѣшны; нѣсколько поколѣній ямщиcovъ мнѣ знакомы; рѣдкаго смошришеля не знаю я въ лице, съ рѣдкимъ не имѣль я дѣла; любопытный запасъ пушевыхъ моихъ наблюдений надѣюсь издать въ непродолжительномъ времени; покамѣстъ скажу штолько, что сословіе спанціонныхъ смошрищелей предспавлено общему мнѣнію въ самомъ ложномъ видѣ. Сіи сполъ оклеветанные смошрищели вообще суть люди мирные, опь природы услужливые, склонные къ общежитію, скромные въ припязаніяхъ на почестни и не слишкомъ сребролюбивые. Изъ ихъ разговоровъ (коими некспапи пре-

небрегають господа проѣзжающіе) можно почерпнуть много любопытнаго и поучительнаго. Чѣмъ касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю ихъ бесѣду рѣчамъ какого нибудь чиновника 6-го класса, слѣдующаго по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня пріятели изъ почтеннаго сословія смопришелец. Въ самомъ дѣлѣ, память одного изъ нихъ мнѣ драгоцѣнна. Обстоятельства нѣкогда сблизили насъ, и обѣ немъ-то намѣренъ я теперь побесѣдовать съ любезными чипашелями.

Въ 1816 году, въ Маѣ мѣсяцѣ , случилось мнѣ проѣзжать черезъ ***скую губернію, по практику, нынѣ уничтоженному. Находился я въ мелкомъ чинѣ , вѣхалъ на перекладныхъ , и плашиль прогоны за двѣ лошади. Въ слѣдствіе сего смопришели со мною не церемонились, и часпо бираль я съ бою то , что , во мнѣніи моемъ , слѣдовало мнѣ по праву. Будучи молодъ и вспыльчивъ , я негодовалъ на низоспѣ и малодушніе смопришелья , когда сей послѣдній отдавалъ пригото- вленную мнѣ пройку подъ коляску чиновнаго

барина. Столь же долго не могъ я привыкнуть и къ тому, чпобъ разборчивый холопъ обносилъ меня блюдомъ на Губернаторскомъ обѣдѣ. Нынѣ то и другое кажется мнѣ въ порядкѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ , что было бы съ нами, если бы вмѣсто общеудобнаго правила : *гинѣ гина погитай* , ввелось въ употребленіе другое, на примѣрь : *умѣ ума погитай?* Какіе возникли бы споры! и слуги съ кого бы начинали кушанье подавашь? Но обращаюсь къ моей повѣстї.

День былъ жаркій. Въ прѣхъ версахъ опѣ спанціи *** спало накрапывашь, и черезъ минуту проливной дождь вымочилъ меня до послѣдней нипки. По пріѣздѣ на спанцію , первая забота была поскорѣе преодѣлься, вшорая спросипь себѣ чаю. « Эй, Дуня ! » закричалъ смопришель , « поспавъ самоваръ , да сходи за сливками. » При сихъ словахъ вышла изъ за перегородки дѣвочка лѣтъ чепырнадцати, и побѣжала въ сѣни. Красота ея меня поразила. « Это твоя дочка ? » спросилъ я смопришеля. — « Дочка-съ,» отвѣчалъ онъ съ видомъ довольноаго самолюбія ; « да шакая разумная, шакая проворная,

вся въ покойницу машь. » Тушь онъ принялъся переписывать мою подорожную, а я занялся разсмощрѣніемъ каршинокъ, украшавшихъ его смиренную, но опряшную обицель. Онъ изображали испортю блуднаго сына: въ первой, почтенный спарикъ въ колпакъ и шлафрокъ опускаешь беспокойнаго юношу, который поспѣшно принимаетъ его благословеніе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой яркими чертами изображено развратное поведеніе молодаго человѣка: онъ сидишь за споломъ, окруженный ложными друзьями и безстыдными женщинами. Даље, промашавшійся юноша, въ рубищѣ и въ преугольной шляпѣ, пасешь свиней и раздѣляешь съ ними трапезу; въ его лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе. Наконецъ представлено возвращеніе его къ опиду; добрый спарикъ въ шомъ же колпакѣ и шлафрокѣ выбѣгаешь къ нему навстрѣчу: блудный сынъ споипъ на колѣнахъ; въ перспективѣ поваръ убиваешь уписаннаго шельца, и спаршій братъ вопрошаешь слугъ о причинѣ шаковой радости. Подъ каждой каршинкой прочель я приличные

Нѣмецкіе спихи. Все это донынѣ сохранилось въ моей памяти, также какъ и горшки съ бальзамомъ и кровать съ пестрой занавѣскою, и прочіе предметы, меня въ то время окружавшіе. Вижу, какъ теперь, самаго хозяина, человѣка лѣтъ пятыдесяти, свѣжаго и бодраго и его длинный зеленый серпукъ съ премя медалями на полинялыхъ лентахъ.

Не успѣлъ я распланившись со спарымъ моимъ ямщикомъ, какъ Дуня возвратилась съ самоваромъ. Маленькая кокетка со впрочемъ взгляда замѣнила впечатлѣніе, произведенное ею на меня; она пошутила большіе голубые глаза; я спать съ нею разговаривашъ, она опивала мнѣ безо всякой робости, какъ девушка, видѣвшая свѣнь. Я предложилъ опцу ея спаканъ чуншу; Дуня подаль я чашку чаю, и мы впрочемъ начали бесѣдовашъ, какъ будто вѣкъ были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мнѣ все не хотѣлось разспаться съ смотрителемъ и его дочкой. Наконецъ я съ ними проспилъ

ся; отецъ пожелалъ мнѣ доброго пушки, а дочь проводила до шелеги. Въ сїняхъ я оспановился и просиль у ней позволенія ее поцаловать; Дуня согласилась... Много могу я нащишать поцалуевъ

Съ тѣхъ поръ, какъ этимъ занимаюсь, но ни одинъ не оставилъ во мнѣ споль долгаго, споль пріятнаго воспоминанія.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и обспояшель-спва привели меня на попѣ самый практъ, въ шѣ самыя мѣста. Я вспомнилъ дочь спа-раго смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. Но, подумаль я, спа-рый смотритель, можешь быть, уже смѣ-ненъ; вѣроятно Дуня уже замужемъ. Мысль о смерти шого или другаго такжे мелькну-ла въ умѣ моемъ, и я приближался къ спан-ци *** съ печальнымъ предчувствіемъ. До-пади спали у почтоваго домика. Вошедъ въ комнату, я попчась узналъ каршинки, изображающія испорю блуднаго сына; споль и кровашь спояли на прежнихъ мѣ-стахъ; но на окнахъ уже не было цвѣтовъ, и все кругомъ показывало ветхость и небре-женіе. Смотритель спаль подъ шулупомъ;

мой пріѣдь разбудиль его ; онъ привспашъ... Это былъ почно Симеонъ Выринъ ; но какъ онъ поспарѣль ! Покамѣшь собирался онъ переписать мою подорожную , я смотрѣль на его сѣдину , на глубокія морщины давно небришаго лица , на сгорбленную спину — и не могъ надивишься , какъ три или четыре года могли превратиши бодраго мушину въ хилаго спарика. « Узналь ли ты меня ? » спросилъ я его ; « мы съ тобою спарые знакомые. » — « Можешь спаться , » опѣчталъ онъ угрюмо ; « здѣсь дорога большая ; много проѣзжихъ у меня перебывало. » — « Здорова ли твоя Дуня ? » продолжалъ я. Спарикъ нахмурился. « А Богъ ее знаешь , » опѣчталъ онъ. — « Такъ видно она замужемъ ? » сказалъ я. Спарикъ пришворился , будто бы не слыхаль моего вопроса , и продолжалъ пошептпомъ читашь мою подорожную. Я прекрашиль свои вопросы и велѣль поспавиши чайникъ. Любопытство начинало меня беспокоить , и я надѣялся , что пущь разрѣшиши языкъ моего спараго знакомца.

Я не ошибся : спарикъ не отказался отъ предлагаемаго спакана. Я замѣшиль , что

ромъ проясниль его угрюмость. На впоромъ спаканъ сдѣлался онъ разговорчивъ; вспомниль, или показаль видъ, будто бы вспомниль меня, и я узналъ опь него повѣстъ, кошорая въ то время сильно меня заняла и пронула.

« Такъ вы знали мою Дуню ? » началь онъ. « Кто же и не зналъ ея ? Ахъ , Дуня , Дуня ! Что за дѣвка то была ! Бывало , кто ни проѣдешь , всякой похвалишь , никто не осудишь . Барыни дарили ее , ша плащочкомъ , ша сережками . Господа проѣзжіе нарочно останавливались , будто бы пообѣдать , аль отужинить , а въ самомъ дѣлѣ , только , чтобъ на нее подолѣе поглядѣть . Бывало баринъ , какой бы сердитый ни былъ , при ней упихаешь и милостиво со мною разговариваешь . Повѣрише ль , сударь : курьеры , фельдѣ-егеря съ нею по получасу заговаривались . Ею домъ держался ; что прибрать , что пригоповиши , за всѣмъ успѣвала . А я то , старый дуракъ , не наглядусь , бывало , не нарадуюсь ; ужъ я ли не любилъ моей Дуни , я ль не лелеяль моего дишяши ; ужъ ей ли не было жипье ? Да нѣпъ , опь бѣды не отбожимься ; что

суждено, шому не миновать. » Тутъ онъ спаль подробно рассказыватъ мнѣ свое горе. — Три года шому назадъ, однажды, въ зимній вечеръ, когда смопришель разлиновывалъ новую книгу, и дочь его за перегородкой шила себѣ плащъ, тройка подъѣхала, и проѣзжій въ Черкесской шапкѣ, въ военной шинели, окунпанный шалью, вошелъ въ комнату, требуя лошадей. Лошади все были въ разгонѣ. При семъ извѣспіи, пушечеспенникъ возвысилъ-было голосъ и нагайку; но Дуня, привыкшая къ шаковымъ сценамъ, выбѣжала изъ-за перегородки и ласково обратилась къ проѣзжему съ вопросомъ: не угодно ли будешь ему чего нибудь покушать? Появленіе Дуни произвело обыкновенное свое дѣйствіе. Гнѣвъ проѣзжаго прошелъ; онъ согласился ждать лошадей и заказалъ себѣ ужинъ. Снявъ мокрую, косматую шапку, опуштавъ шаль и сдернувъ шинель, проѣзжій явился молодымъ, спройнымъ гусаромъ съ черными усиками. Онъ расположился у смопришеля, началъ весело разговаривать съ нимъ и съ его дочерью. Подали ужинать. Между шѣмъ

лошади пришли, и смопришель приказалъ, чшобъ шопчасъ, не кормя, запрягали ихъ въ кибишку проѣзжаго; но возвращаясь, нашелъ онъ молодаго человѣка почти безъ памяти лежащаго на лавкѣ: ему сдѣлалось дурно, голова разболѣлась, не возможно было вѣхашь.... Какъ бышь! смопришель успѣшилъ ему свою кровашь, и положено было, если больному не будешь легче, на другой день упромъ послать въ С*** за лѣкаремъ.

На другой день гусару стало хуже. Человѣкъ его поѣхалъ верхомъ въ городъ за лѣкаремъ. Дуня обвязала ему голову плашкомъ, намоченнымъ уксусомъ, и сѣла съ своимъ шипьемъ у его кровати. Больной при смопришель охалъ и не говорилъ почти ни слова, однакожь выпилъ двѣ чашки кофе, и охая заказалъ себѣ обѣдъ. Дуня опѣ него не отходила. Онъ поминутно просилъ пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленнаго лимонада. Больной обмакивалъ губы, и всякой разъ, возвращая кружку, въ знакъ благодарности слабою своею рукою пожималъ Дунюшкіну руку. Къ обѣду прѣѣхалъ лѣкарь. Онъ пощупалъ пульсъ больнаго, по-

говорилъ съ нимъ по Нѣмецки, и по Русски объявилъ, чпо ему нужно одно спокойспвіе, и чпо дня черезъ два ему можно будешъ отправиць въ дорогу. Гусаръ вручилъ ему двадцатьпять рублей за визитъ, пригласилъ его отбѣдать; лѣкарь согласился; оба Ѳли съ большимъ аппетитомъ, выпили бушылку вина и разспались очень довольны другъ другомъ.

Пропель еще день, и гусаръ совсѣмъ оживилъся. Онъ былъ чрезвычайно весель, безъ умолку шупшилъ то съ Дунею, то съ смопришлемъ; насвиспывалъ пѣсни, разговаривалъ съ проѣзжими, вписывалъ ихъ подорожныя въ почтовую книгу, и шакъ полюбился доброму смопришлю, что на шрепье упро жаль было ему разстапться съ любезнымъ своимъ поспояльцемъ. День былъ воскресный; Дуня собиралась къ обѣднѣ. Гусару подали кибишку. Онъ проспился съ смопришлемъ, щедро наградивъ его за поспой и угощеніе; проспился и съ Дунею и вызвался довезши ее до церкви, копорая находилась на краю деревни. Дуня спояла въ недоумѣніи.... «Чего же шы боишься?» сказалъ ей отецъ;

« вѣдь Его Высокоблагородіе не волкъ и тѣ-
бя не сѣешь ; прокапись-ка до церкви. »
Дуня сѣла въ кибитку подъ гусара , слуга
вскочилъ на облучокъ , ямщикъ свиснуль и
лошади поскакали .

Бѣдный смоприпель не понималъ , какимъ
образомъ могъ онъ самъ позволить своей
Дунѣ ъхать вмѣстѣ съ гусаромъ , какъ на-
шло на него ослѣпленіе , и что тогда было
съ его разумомъ . Не прошло и получаса ,
какъ сердце его начало ныть , ныть , и
беспокойство овладѣло имъ до такой сте-
нени , что онъ не успѣхъ , и пошелъ
самъ къ обѣднѣ . Подходя къ церкви , уви-
дѣль онъ , что народъ уже разходился ; но
Дуни не было ни въ оградѣ , ни на панерпи .
Онъ поспѣшилъ вошель въ церковь : священ-
никъ выходилъ изъ олтаря ; дьячекъ гасилъ
свѣчи , двѣ сшарушки молились еще въ углу ;
но Дуни въ церкви не было . Бѣдный оипецъ
на силу рѣшился спросить у дьячка , была
ли она у обѣдни . Дьячекъ отвѣчалъ , что не
бывала . Смоприпель пошелъ домой ни живъ ,
ни мертвъ . Одна ошавалась ему надежда :
Дуня по вѣрености молодыхъ лѣтъ взду-

мала, можетъ бытъ, прокапитъся до слѣдующей спанціи, гдѣ жила ея крестная машь. Въ мучительномъ волненіи ожидалъ онъ возвращенія шройки, на которой онъ опипуспиль ее. Ямщикъ не возвращался. Наконецъ къ вечеру приѣхалъ онъ одинъ и хмѣленъ, съ убийственнымъ извѣсшемъ: «Дуня съ шої спанціи отправилась далѣе съ гусаромъ.»

Спариkъ не снесъ своего несчастія; онъ шушпъ же слегъ въшу самую поспешль, гдѣ наканунѣ лежалъ молодой обманщикъ. Теперь смопришель, соображая всѣ обстоятельства, догадывался, чпю болѣзнь была притворная. Бѣднякъ занемогъ сильной горячкою; его свезли въ С*** и на его мѣсто опредѣлили навремя другаго. Топъ же лѣкарь, который прїѣзжалъ къ гусару, лѣчили и его. Онъ увѣрилъ смопришеля, что молодой человѣкъ былъ совсѣмъ здоровъ, и что тогда еще догадывался онъ о его злобномъ намѣреніи, но молчалъ, опасаясь его нагайки. Правду ли говорилъ Нѣмецъ, или шолько желалъ похвасташься дальновидносшю, но онъ ни мало шѣмъ не упѣшилъ бѣднаго

больного. Едва оправясь отъ болѣзни, смопришель выпросилъ у С*** почтмейстера отпускъ на два мѣсяца, и не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, пѣшкомъ отправился за своею дочерью. Изъ подорожной зналь онъ, что Ропмисиръ Минскійѣхалъ изъ Смоленска въ Петербургъ. Ямщикъ, который везъ его, сказывалъ, что во всю дорогу Дуня плакала, хошя, казалось,ѣхала по своей охотѣ. « Авось, » думалъ смопришель, « приведу я домой заблудшую овечку мою. » Съ этой мыслію прибыль онъ въ Петербургъ, остановился въ Измайловскомъ полку, въ домѣ отпавшаго унтер-офицера, своего спараго сослуживца, и началъ свои поиски. Вскорѣ узналь онъ, что Ропмисиръ Минскій въ Петербургѣ и живетъ въ Демутовомъ шракшире. Смопришель рѣшился къ нему явиться.

Рано утромъ пришелъ онъ въ его переднюю, и просилъ доложишь Его Высокоблагородію, что спарый солдатъ просинъ съ нимъ увидѣться. Военный лакей, чистя сапогъ на колодкѣ, объявилъ, что баринъ почиваєтъ, и что прежде одиннадцати ча-

совъ не принимаешьъ никого. Смоприпель ушелъ, и возвратился въ назначенное время. Минскій вышелъ самъ къ нему въ халатѣ, въ красной скуфѣ. «Что, брашъ, тебѣ надобно?» спросилъ онъ его. Сердце спарика закипѣло, слезы навернулись на глазахъ, и онъ дрожащимъ голосомъ произнесъ шолько: «Ваше Высокоблагородіе!.... сдѣлайши шакую Божескую милость!...» Минскій взглянуль на него быстри, вспыхнуль, взяль его за руку, повель въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. «Ваше Высокоблагородіе!» продолжаль спарикъ, «что съ возу упало, что пропало; ошдайши мнѣ, по крайней мѣрѣ, бѣдную мою Дуню. Вѣдь вы напѣшились ею; не погубиши же ее по напрасну.» — «Что сдѣлано, шого не воротишь,» сказалъ молодой человѣкъ въ крайнемъ замѣшательствѣ; «виновашъ передъ тобою, и радъ просишъ у тебя прощенія; но не думай, чтобъ я Дуню могъ покинуть: она будешъ счастлива, даю тебѣ честное слово. Зачѣмъ тебѣ ее? Она меня любишъ; она отвыкла отъ прежняго своего соспоянія. Ни ты, ни она — вы не

забудеше штого , чпо случилось. » Попомъ , сунувъ ему чпо-то за рукавъ , онъ опво-риль дверь , и смопришель , самъ не помня какъ , очутился на улицѣ.

Долго спояль онъ неподвижно , наконецъ увидѣль за обшлагомъ своего рукава свер-шокъ бумагъ ; онъ вынуль ихъ и развернуль нѣсколько пятидесятирублевыхъ смяпыхъ ассигнацій. Слезы опять навернулись на гла-захъ его , слезы негодованія! Онъ сжалъ бу-мажки въ комокъ , бросиль ихъ на земль , приподнішаль каблукомъ , и пошелъ... Опо-шедъ нѣсколько шаговъ , онъ остановился , подумалъ... и воропился... но ассингнацій уже не было. Хорошо одѣтый молодой че-ловѣкъ , увидя его , подбѣжалъ къ извощику , сѣль поспѣшило и закричалъ : « пошелъ !... » Смопришель за нимъ не погнался. Онъ рѣ-шился оправившися домой на свою спан-цию , но прежде хопѣль хоть разъ еще уви-дѣть бѣдную свою Дуню. Для сего , дня че-резъ два , воропился онъ къ Минскому ; но военный лакей сказалъ ему сурово , чпо ба-ринъ никого не принимаетъ , грудью вы-тѣсниль его изъ передней , и хлопнуль две-

ри ему подъ носъ. Смоприпель поспояль ,
поспояль — да и пошелъ.

Въ эпопѣ самыи день , вечеромъ , шель онъ по Липпейной , отслуживъ молебень у Всѣхъ Скорбящихъ. Вдругъ промчались пе-редъ нимъ щегольскія дрожки , и смопри-шель узналь Минскаго. Дрожки остановились передъ трех - эпажнымъ домомъ у самаго подъѣзда , и гусаръ вѣжаль на крыльце. Счастливая мысль мелькнула въ головѣ смопришеля. Онъ ворошился , и поровнявшись съ кучеромъ . — « Чья , брашь , лошадь ? » спросиль онъ , « не Минскаго ли ? » — « Точно шакъ , » опвѣчаль кучерь , « а чшо шебѣ ? » — « Да вонъ чшо : баринъ швой приказалъ мнѣ отнесши къ его Дунѣ записочку , а я и по-забудь , гдѣ Дуня-шо его живешъ . » — « Да вонъ здѣсь , во вшоромъ энажѣ. Опоздалъ ты , брашь , съ швоей запиской ; шеперь ужъ онъ самъ у нее . » — « Нужды нѣшь , » возразиль смопришель съ неизъяснимымъ движенiemъ сердца , « спасибо , чшо надоу-милъ , а я свое дѣло сдѣлаю . » И съ эпимъ словомъ пошелъ онъ по лѣспницѣ.

Двери были заперты; онъ позвонилъ, прошло нѣсколько секундъ въ пягоспномъ для него ожиданіи. Ключь загремѣлъ, ему отворили. « Здѣсь споишь Авдошья Симеоновна? » спросилъ онъ. « Здѣсь, » отвѣчала молодая служанка; « за чѣмъ тебѣ ея надо? » Смотришель, не отвѣчая, вошелъ въ залу. « Не лѣзя, не лѣзя! » закричала вслѣдъ ему служанка; « у Авдошы Симеоновны гости. » Но смотришель, не слушая, шелъ далѣе. Две первыя комнаты были пусты, въ третіей былъ огонь. Онъ подошелъ къ распворенной двери и остановился. Въ комнатѣ прекрасноубранной, Минскій сидѣлъ въ задумчивости. Дуня, одѣтая со всею роскошью моды, сидѣла на ручкѣ его кресель, какъ наѣздница на своеѣ Англійскомъ сѣдль. Она съ нѣжноснію смотрѣла на Минскаго, наматывая черные его кудри на свои сверкающіе пальцы. Бѣдный смотришель! Никогда дочь его не казалось ему споль прекрасною; онъ по неволѣ єю любовался. « Кто шамъ? » спросила она, не поднимая головы. Онъ все молчалъ. Не получая отвѣща, Дуня подняла голову . . . и съ крикомъ упала на

коверъ. Испуганный Минскій кинулся ее поднимашь, и вдругъ увида въ дверяхъ снараго смопришеля, оставилъ Дуню, и подошелъ къ нему, дрожа отъ гнѣва. « Чего тебѣ надобно? » сказалъ онъ ему, списнувъ зубы; « чтишь ты за мною всюду крадешься, какъ разбойникъ? или хочешь меня зарѣзашь? Пошелъ вонъ! » и сильной рукою схвативъ снарика заворопъ, вышолкнулъ его на лѣстницу.

Снарикъ пришелъ къ себѣ на квартиру. Пріятели его совѣтовали ему жаловаться; но смопришель подумалъ, махнулъ рукой и рѣшился отступиться. Черезъ два дня онѣравилея онъ изъ Пешербурга обратно на свою спанцію, и опять принялъ за свою должность. « Вотъ уже третій годъ, заключилъ онъ, какъ живу я безъ Дуни, и какъ обѣ ней нѣшь ни слуху ни духу. Жива ли, нѣшь ли, Богъ ее вѣдаешь. Всако слу-
чаетсѧ. Не ее первую, не ее послѣднюю сманилъ проѣзжій новѣса, а шамъ подержаль, да и бросилъ. Много ихъ въ Пешербургѣ, молоденькихъ дуръ, сегодня въ апласѣ да бархатѣ, а завтра, поглядишь, мешупъ

улицу вмѣстѣ съ голыю кабацкою. Какъ по-
думаешь порою, чѣмъ и Дуня, можешьъ бытъ,
ступи же пропадаешьъ, такъ по неволѣ со-
грѣшишь, да пожелаешьъ ей могилы....»

Таковъ былъ разсказъ пріятеля моего ,
спараго смопришеля, разсказъ неоднократно
прерываемый слезами , которая живописно
опиралъ онъ своею полою , какъ усердный
Терентьевъ въ прекрасной балладѣ Дмишріева.
Слезы сіи отчаспи возбуждаемы были пун-
шемъ , коего выпянуль онъ пять спакановъ
въ продолженіи своего повѣстиванія ; но
какъ бы что ни было , онъ сильно пронули
мое сердце. Съ нимъ разспавшись , долго
не могъ я забыть спараго смопришеля ,
долго думалъ я о бѣдной Дунѣ....

Недавно еще , проѣзжая черезъ мѣстечко
*** , вспомнилъ я о моемъ пріятелѣ ; я
узналъ , чѣмъ спанція , надъ которой онъ
начальствовалъ , уже уничтожена. На во-
просъ мой : « Живъ ли спарый смопришель-
наго отвѣтъ. Я рѣшился поспѣшить знако-
мую спорону , взяль вольныхъ лошадей и
пуспился въ село Н.

Это случилось осенью. Сиреневые тучи покрывали небо; холодный ветер дул съ пожатыхъ полей, унося красныя и желтые листья со всхрѣчныхъ деревьевъ. Я прѣхалъ въ село при закатѣ солнца и остановился у почтоваго домика. Въ стѣни (гдѣ нѣкогда поцаловала меня бѣдная Дуня) вышла шестая баба, и на вопросы мои отвѣчала, чѣмъ старый смопришель съ годъ какъ померъ, чѣмъ въ домѣ его поселился пивоваръ, а чѣмъ она жена пивовара. Мне спало жаль моей напрасной поѣздки и семи рублей, издержанныхъ даромъ. — « Отъ чего жъ онъ умеръ? » спросилъ я пивовару жену. — « Спился, баптишка, » отвѣчала она. — « А гдѣ его похоронили? » — « За околицей, подъ покойной хозяйки его. » — « Не льзя ли довесши меня до его могилы? » — « Почему же не льзя. Эй, Ванька! полно тебѣ съ кошкою возитъ. Проводи-ка барина на кладбище, да укажи ему смопришелеву могилу. »

При сихъ словахъ, оборванный мальчикъ, рыжій и кривой, выбѣжалъ ко мнѣ и шотчасть повелъ меня за околицу.

« Зналъ ты покойника ? » спросилъ я его дорогой.

— « Какъ не знать ! Онъ выучилъ меня дудочки вырѣзывашь. Бывало (царство ему небесное !) идешь изъ кабака, а мы-то за нимъ : « Дѣдушка , дѣдушка ! орѣшковъ ! » — а онъ насъ орѣшками и надѣляетъ. Все бывало съ начи возится . »

« А проѣзжіе вспоминаютъ ли его ? »

— « Да нынѣ мало проѣзжихъ ; развѣ засѣдатель завернеши , до тому не до мершвыхъ . Вотъ лѣтомъ проѣзжала барыня , такъ та спрашивала о спаромъ смопришель и ходила къ нему на могилу . »

« Какая барыня ? » спросилъ я съ любопытствомъ .

— « Прекрасная барыня , » отвѣчалъ мальчишка ; « Ѳхала она въ каретѣ въ шесть лошадей , съ премя маленькими барчапами и съ кормилицей , и съ черной моською ; и какъ ей сказали , чѣо спарый смопришель умеръ , такъ она заплакала и сказала дѣшамъ : « сидите смирно , а я схожу на кладбище . » А я было вызвался довеспи ее . А барыня сказала : « Я сама дорогу знаю . » И дала мнѣ

пяшакъ серебромъ — шакая добрая барыня! . . . »

Мы пришли на кладбище, голое мѣсто, ничѣмъ не огражденное, усѣянное деревянными креспами, не осѣненными ни единымъ деревцемъ. Опреду не видаль я шакого печального кладбища.

« Вошъ могила спараго смопришеля, » сказаль мнѣ мальчикъ, вспрыгнувъ на груду песку, въ которую врытъ быль черный креспъ съ мѣднымъ образомъ.

— « И барыня приходила сюда? » спросиль я.

« Приходила, » отвѣчалъ Ванька; « я смотрѣлъ на нее издали. Она легла здѣсь, и лежала долго. А шамъ барыня пошла въ село, и призвала попа, дала ему денегъ и поѣхала, а мнѣ дала пяшакъ серебромъ — славная барыня! »

И я далъ мальчишкѣ пяшачекъ, и не жалѣлъ уже ни о поѣздкѣ, ни о семи рубляхъ, мною испраченныхъ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

БАРЫШНЯ

КРЕСТЬЯНКА.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

БАРЫШНЯ

КРЕСТЬЯНКА.

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша.

Богдановичъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ нашихъ губерній находилось имѣніе Ивана Пепровича Берестова. Въ молодости своей служилъ онъ въ гвардіи, вышелъ въ отставку въ началѣ 1797 года, уѣхалъ въ свою деревню, и съ тѣхъ поръ отшуда не выѣзжалъ. Онъ былъ женатъ на бѣдной дворянкѣ, которая умерла въ родахъ, въ то время, какъ онъ находился въ отъезжемъ полѣ. Хозяйственные упражненія скоро его уѣшили. Онъ выстроилъ

домъ по собственному плану, завелъ у себя суконную фабрику, устроилъ доходы и спаль почивашь себя умнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околодкѣ, въ чемъ и не прекословили ему сосѣды, прїѣзжавшіе къ нему гостились своими семействами и собаками. Въ будни ходиль онъ въ плисовой куршкѣ, по праздникамъ надѣвали серпукъ изъ сукна домашней работы; самъ записывалъ расходъ, и ничего не чипаль, кроме Сенапскихъ Вѣдомостей. Вообще его любили, хотя и почивали гордымъ. Не ладилъ съ нимъ одинъ Григорій Ивановичъ Муромскій, ближайший его сосѣдъ. Этотъ былъ наспояцій Русской баринъ. Промошавъ въ Москвѣ большую часть имѣнія своего, и на шу пору овдовѣвъ, уѣхалъ онъ въ послѣднюю свою деревню, где продолжалъ проказничать, но уже въ новомъ родѣ. Развель онъ Англійскій садъ, на копорой пратилъ почши всѣ оспальные доходы. Конюхи его были одѣты Англійскими жокеями. У дочери его была Мадамъ Англичанка. Поля свои обработывалъ онъ по Англійской методѣ;

Но на чужой манеръ хлѣбъ Русской не родится,

и не смотря на значительное уменьшение расходовъ, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; онъ и въ деревнѣ находилъ способъ входить въ новые долги; со всемъ шѣмъ починался человѣкомъ не глупымъ, ибо первый изъ помѣщиковъ своей губерніи догадался заложить имѣніе въ Опекунской Совѣтѣ: оборошь, казавшійся въ по время чрезвычайно сложнымъ и смѣлимъ. Изъ людей, осуждавшихъ его, Бересповъ опровергалъ спрѣже всѣхъ. Ненависть къ нововведеніямъ была опличительная черта его характера. Онъ не могъ равнодушно говорить объ Англоманіи своего сосѣда, и поминутно находилъ случай его критиковати. Показывали гостю свои владѣнія, въ отвѣтъ на похвалы его хозяйственнымъ распоряженіямъ: « Да-съ! » говорилъ онъ съ лукавой усмѣшкою; « у меня не то, что у сосѣда Григорья Ивановича. Куда намъ по Англійски разоряться! Были бы мы по Русски хопь сыпты. » Сии и подобныя шутки, по усердію сосѣдовъ, доводимы были до свѣдѣнія Григорья Ивановича съ дополненіемъ и объясненіями. Англоманъ выносилъ критику споль

же нещерпъливо, какъ и наши журналисты. Онъ бѣсился и прозвалъ своего Зоила медвѣдемъ и провинціяломъ.

Таковы были сношенія между сими двумя владѣльцами, какъ сынъ Берескова прїехалъ къ нему въ деревню. Онъ былъ восписанъ въ *** Университетъ и намѣревался вспущипъ въ военную службу, но отецъ на то не соглашался. Къ спашской службѣ молодой человѣкъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ. Они другъ другу не уступали, и молодой Алексѣй спаль жиши покамѣстъ бариномъ, оппусшивъ усы на всякой случай.

Алексѣй былъ, въ самомъ дѣлѣ, молодецъ. Право было бы жаль, если бы его спройнаго спана никогда не спягивалъ военный мундиръ, и если бы онъ, вмѣсто того, чтобъ рисовавшися на конѣ, провелъ свою молодость, согнувшись надъ канцелярскими бумагами. Смотря, какъ онъ на охопѣ скакалъ всегда первый, не разбирая дороги, соѣды говорили согласно, что изъ него никогда не выдѣлъ пушнаго сполоначальника. Барышни поглядывали на него, а иногда и заглядывались; но Алексѣй мало ими зани-

мался, а онъ причиной его нечувспивельносши полагали любовную связь. Въ самомъ дѣлѣ, ходилъ по рукамъ списокъ съ адреса одного изъ его писемъ: *Акулини Пепровнъ Курогкиной, въ Москвѣ, напротивъ Алексѣвскаго монастыря, въ домѣ мѣдника Савельева, а васъ покорнѣише прошу доставить письмо сие А. Н. Р.*

Тѣ изъ моихъ читателей, копорые не живали въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразишь, чпо за прелестъ эши уѣздныя барышни! Воспишанныя на чистомъ воздухѣ, въ пѣни своихъ садовыхъ яблонь, онъ знаніе свѣща и жизни почерпающъ изъ книжекъ. Уединеніе, свобода и членіе рано въ нихъ развивающъ чувства и спрасши, неизвѣстныя разсѣяннымъ нашимъ красавицамъ. Для барышни звонъ колокольчика есть уже приключеніе, поѣзда въ ближній городъ полагающа эпохою въ жизни, и посѣщеніе госпя оспавляющъ долгое, иногда и вѣчное воспоминаніе. Конечно всякому вольно смыаясь надъ нѣкопорыми ихъ спранносшими; но шушки поверхносшаго наблюдателя не могутъ уничожиши ихъ существенныхъ

доспомінствъ, изъ коихъ главное : *особенность характера, самобытность* (*individualité*), безъ чего, по мнѣнію Жанъ-Поля, не существуетъ и человѣческаго величія. Въ сполицахъ женщины получающъ, можетъ бытъ, лучшее образованіе ; но навыкъ свѣта скоро сглаживаєтъ характеръ и дѣлаетъ души столь же однообразными, какъ и головные уборы. Сie да будешъ сказано не въ судъ и не во осужденіе, однакожъ *Nota nostra manet*, какъ пишеть одинъ старинный комментаторъ.

Легко вообразить, какое впечатлѣніе Алексѣй долженъ бытъ произвести въ кругу нашихъ барышень. Онъ первый передъ ними явился мрачнымъ и разочарованнымъ, первый говорилъ имъ объ упражченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности; сверхъ того носилъ онъ черное кольцо съ изображеніемъ мершвой головы. Все это было чрезвычайно ново въ той губерніи. Барышни сходили по немъ съ ума.

Но всѣхъ болѣе занята была имъ дочь Англомана моего, Лиза (или Бепси, какъ звали ее обыкновенно Григорій Иванович).

Опцы другъ ко другу не ъздили, она Алексѣя еще не видала, между тѣмъ, какъ всѣ молодыя сосѣдки только обѣ немъ и говорили. Ей было семнадцать лѣтъ. Черные глаза оживляли ея смуглое и очень пріятное лицо. Она была единственное и слѣдствено балованое дитя. Ея рѣзвость и поминутныя проказы восхищали опца и приводили въ отчаянье ея мадамъ Миссъ Жаксонъ, сорокалѣтнюю чопорную дѣвицу, кошорая бѣлилась и сурмила себѣ брови, два раза въ годъ перечищывала Памелу, получала за шо двѣ тысячи рублей, и умирала со скуки въ эпохѣ варварской Россіи.

За Лизою ходила Наспя; она была поспарше, но споль же вѣпрена, какъ и ея барышня. Лиза очень любила ее, открывала ей всѣ свои шайны, вмѣстѣ съ нею обдумывала свои запѣи; словомъ, Наспя была въ сель Прилучинѣ лицемъ гораздо болѣе значительнымъ, нежели любая наперсница во Французской прагедіи.

« Позвольте мнѣ сего дня пойти въ гости, » сказала однажды Наспя, одѣвая барышню.

— « Изволь ; а куда ? »

« Въ Тугилово , къ Бересповымъ . Поварова
жена у нихъ имянинница , и вчера приходила
звать насъ отпѣдатъ . »

— « Вопъ ! » сказала Лиза , « господа въ
есорѣ , а слуги другъ друга угощають . »

« А намъ какое дѣло до господъ ! » возразила
Наспя ; « къ шому же я ваша , а не папень-
кина . Вы вѣдь не бралились еще съ моло-
дымъ Бересповымъ ; а спарики пускай себѣ
дерутся , коли имъ эшо весело . »

— « Поспѣрайся , Наспя , увидѣшь Алексѣя
Береспова , да расскажи мнѣ хорошенъко ,
каковъ онъ собою и чѣмъ онъ за человѣкъ . »

Наспя обѣщалась , а Лиза съ неперѣні-
емъ ожидала цѣлый день ея возвращенія .
Вечеромъ Наспя явилась . « Ну , Лизавета
Григорьевна , » сказала она входя въ комна-
ту , « видѣла молодаго Береспова ; наглядѣ-
лась довольно ; цѣлый день были вмѣстѣ . »

— « Какъ эшо ? Расскажи , расскажи попо-
рядку . »

« Извольше-съ : пошли мы , я , Анисья Его-
ровна , Ненила , Дунька . . . . »

— « Хорошо , знаю . Ну попомъ . »

« Позвольше-сь , рассказу все попорядку. Вопшь пришли мы къ самому обѣду. Комната полна была народу. Были Колбинскія , Захарьевскія , прикащица съ дочерьми , Хлупинскія . . . . »

— « Ну ! а Бересповъ ? »

« Погодите-сь . Вопшь мы сѣли за споль , прикащица на первомъ мѣстѣ , я подѣня... а дочери и надулись , да мнѣ наплевать на нихъ . . . . »

— « Ахъ , Настя , какъ ты скучна съ вѣчными своими подробностями ! »

« Да какъ же вы неперпѣливы ! Ну вонь вышли мы изъ за спола . . . а сидѣли мы часа три и обѣдь былъ славный ; пирожное блан-манже синее , красное и полосатое . . . Вонь вышли мы изъ за спола , и попали въ садъ играшь въ горѣлки , а молодой баринъ штурмъ и явился . »

— « Ну чпожъ ? Правда ли , что онъ шакъ хороши собою ? »

« Удивительно хороши , красавецъ , можно сказать . Спройный , высокій , румянецъ во всю щеку . . . . »

— « Право ? А я шакъ думала , чпо у него лице блѣдное. Чпо же ? Каковъ онъ ше-бѣ показался ? Печалень , задумчивъ ? »

« Чпо вы ? Да эшакаго бѣшенаго я и сро-ду не видывала. Вздумаль онъ съ нами въ горѣлки бѣгать . »

— « Съ вами въ горѣлки бѣгать ! Невоз-можно ! »

« Очень возможно. Да чпо еще выдумаль ! Поймаешь , и ну целовать ! »

— « Воля швоя , Насия , шы врешь . »

« Воля ваша , не вру. Я насили опѣ него опдѣлалась. Цѣлый день съ нами шакъ и провозился . »

— « Да какъ же , говоряшь , онъ влюблень и ни на кого не смотритъ ? »

« Не знаю-сь , а на меня шакъ ужъ слиш-комъ смошрѣль да и на Таню , прикащико-ву дочь , тоже ; да и на Пашу Колбинскую , да грѣхъ сказашь , никого не обидѣль , ша-кой баловникъ ! »

— « Эшо удивительно ! А чпо въ домѣ про него слышно ? »

« Баринъ , сказывающъ , прекрасный : ша-кой добрый , шакой веселый. Одно не хоро-

шо: за дѣвушками слишкомъ любишъ гоняться. Да, по мнѣ, это еще не бѣда: со временемъ оспепенишся. »

— « Какъ бы мнѣ хотѣлось его видѣть! » сказала Лиза со вздохомъ.

« Да чѣмъ же спутъ мудренаго? Тугилово опѣ нась не далеко, всего при версты: подиши гулять въ ту сторону, или поѣзжайши верхомъ; вы вѣрно всپрѣшишь его. Онъ же всякой день, рано поушту, ходишь съ ружьемъ на охоту. »

— « Да нѣтъ, не хорошо. Онъ можетъ подумать, чѣмъ я за нимъ гоняюсь. Къ тому же отцы наши въ ссорѣ, такъ и мнѣ все же не лъзя будешь съ нимъ познакомиться... Ахъ, Наспя! Знаешь ли чѣмъ Наряжусь я крестьянкою! »

« И въ самомъ дѣлѣ; надѣньши толстую рубашку, сарафанъ, да и спупайши смыло въ Тугилово; ручаюсь вамъ, чѣмъ Бересповъ ужъ васъ не прозъваешь. »

— « А поздѣшнему я говоришъ умѣю прекрасно. Ахъ, Наспя, милая Наспя! Какая славная выдумка! » И Лиза легла спать съ намѣреніемъ непремѣнно исполнить веселое

свое предположение. На другой же день приспушила она къ исполненію своего плана, послала куницу на базаръ толстаго полопна, синей кишайки и мѣдныхъ пуговокъ, съ помощью Наспі скроила себѣ рубашку и сарафанъ, засадила за шипы всю дѣвичью, и къ вечеру все было готово. Лиза примѣрила обнову, и призналась предъ зеркаломъ, ч то никогда еще такъ мила самой себѣ не казалась. Она поворотила свою роль, на ходу низко кланялась и нѣсколько разъ пошомъ качала головою, на подобіе глиняныхъ копьевъ, говорила на крестьянскомъ нарѣчіи, смеялась, закрываясь рукавомъ, и заслужила полное одобрение Наспі. Одно затрудняло ее: она попробовала было пройти по двору босая, но дернъ кололь ея нѣжныя ноги, а песокъ и камешки показались ей нестерпимы. Наспі и спуши ей помогла: она сняла мѣрку съ Лизиной ноги, обвязала въ поле къ Трофиму пасуху и заказала ему пару лапшей по шой мѣркѣ. На другой день, ни свѣтъ ни заря, Лиза уже проснулась. Весь домъ еще спаль. Наспі за ворошами ожидала пасуху. Заигралъ рожокъ и дерев-

венское спадо пошянулось мимо барского двора. Трофимъ, проходя передъ Насшей, отдалъ ей маленькія, неспрыя лапши и получилъ отъ нея полпину въ награжденіе. Лиза шихонько нарядилась креспъянкою, шопотомъ дала Наспѣ свои наставленія кашельно Миссъ Жаксонъ, вышла на заднее крыльцо и черезъ огородъ побѣжала въ поле.

Заря сияла на восшокѣ и золотые рады облаковъ, казалось, ожидали солнца, какъ царедворцы ожидаютъ Государя; ясное небо, утренняя свѣжеспѣ, роса, вѣтерокъ и пѣніе птичекъ наполняли сердце Лизы младенческой веселостю; боясь какой нибудь знакомой встрѣчи, она, казалось, не шла, а лепѣла. Приближаясь къ рощѣ, споящей на рубежѣ општовскаго владѣнія, Лиза пошла пуще. Здѣсь она должна была ожидать Алексія. Сердце ея сильно билось, само не зная, почему; но боязнь, сопровождающая молодыхъ наши проказы, соспавляешь и главную ихъ прелесть. Лиза вошла въ сумракъ рощи. Глухой, перекатный шумъ ея привѣтствовалъ дѣвушку. Веселость ея при-

шихла. Мало по малу предалась она сладкой мечтательности. Она думала... но можно ли съ почноспию опредѣлить, о чёмъ думаетъ семнадцатилѣтняя барышня, одна, въ рощѣ, въ шестомъ часу весеннаго утра? И такъ она шла, задумавшись, по дорогѣ, осѣнней съ обѣихъ сторонъ высокими деревьями, какъ вдругъ прекрасная лягавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. Въ то же время раздался голосъ: tout beau, Shogar, ici.... и молодой охотникъ показался изъ за кустарника. « Не бось, милая, » сказалъ онъ Лизѣ, « собака моя не кусаешься. » Лиза успѣла уже опрашиться отъ испуга, и умѣла попытаться воспользоваться обстоятельствами. « Да нѣшь, баринъ, » сказала она, пришврояясь полуиспуганной, полузаспѣнчивой, « боюсь: она, вишь, шакая злая; опяшь кинется. » Алексѣй (чипашель уже узналъ его) между тѣмъ приспѣшно глядѣль на молодую крестьянку. « Я провожу тебя, если ты боишься, » сказалъ онъ ей; « ты мнѣ позволишь ипши подѣлѣ себя? » — « А кто же мѣшаешь? » отвѣтчила Лиза; « вольному воля, а дорога

мірская. » — « Опкуда шы ? » — « Изъ Прилучина; я дочь Василья кузнеца, иду по грибы. » (Лиза несла кузовокъ на веревочкѣ). « А шы, баринъ? Тугиловскій, чпо-ли? » — « Такъ точно, » отвѣчалъ Алексѣй, « я камердинеръ молодаго барина. » Алексѣю хощлось уровняшь ихъ оинношенія. Но Лиза поглядѣла на него и засмѣялась. « А лжешь, » сказала она, « не на дуру напаль. Вижу, что ты самъ баринъ. » — « Почему-же шы шакъ думаешь? » — « Да по всему. » — « Однакожъ? » — « Да какъ же барина съ слугой не распознашь? И одѣшь-то не шакъ, и башь иначе, и собаку то кличешь не по нашему. » Лиза часъ опь часу болѣе нравилась Алексѣю. Привыкнувъ не церемонитьсѧ съ хорошенъкими поселянками, онъ было хопѣль обнять ее; но Лиза ошпрыгнула опь него и приняла вдругъ на себя шакой спрогой и холодной видъ, что хотя эшо и разсмѣшило Алексѣя, но удержало его опь дальнѣйшихъ покушеній. « Если вы хопите, чтобы мы были впередъ пріятелями, » сказала она съ важноснію, « то не извольте забываться. » — « Кто тебя на-

училь этой премудрости? » спросиль Алексѣй расхохонавшись. « Ужъ не Насипенька ли, моя знакомая, не дѣвушка ли барышни вашей? Вонъ какими пунями распроспрашяется просвѣщеніе! » Лиза почувствовала, чпо вышла было изъ своей роли, и шопчась поправилась. « А чпо думаешь? » сказала она; « развѣ я и на барскомъ дворѣ никогда не бываю? небось: всего наслышалась и наглядѣлась. « Однако, » продолжала она, « болшая съ шобою, грибовъ не наберешь. Иди-ка ты, баринъ, въ спорону, а я въ другую. Прощенія просимъ... » Лиза хопъла удалившись, Алексѣй удержанъ ее за руку. « Какъ тебѣ зовутъ, душа моя. » — « Акулиной, » опивъчала Лиза, спарайась освободить свои пальцы отъ руки Алексѣвой; « да пуспи-жъ, баринъ; мнѣ и домой пора. » — « Ну, мой другъ Акулина, непремѣнно буду въ госпи къ швоему башюшкѣ, къ Василю кузнецу. » — « Чпо шы? » возразила съ живоспію Лиза, « ради Христова, не приходи. Коли дома узнаютъ, чпо я съ бариномъ въ рощѣ болтала наединѣ, то мнѣ бѣда будешъ; отецъ мой, Василій кузнецъ,

прибъешъ меня до смерти. » — « Да я непремѣнно хочу съ шобою опять видѣться. » — « Ну я когда нибудь опять сюда приду за грибами. » — « Когда же? » — « Да хопь завтра. » — « Милая Акулина, расцаловаль бы тебя, да не смѣю. Такъ завтра, въ эпо времѧ, не правда ли? » — « Да, да. » — « И шы не обманешь меня? » — « Не обману. » — « Побожись. » — « Ну вотъ теща священная пятиница, приду. »

Молодые люди разспались. Лиза вышла изъ лѣсу, перебралась черезъ поле, прокралась въ садъ и опрометью побѣжала въ ферму, гдѣ Настя ожидала ее. Тамъ она переодѣлась, разсѣянно отвѣчая на вопросы неперпѣливой наперсницы, и явилась въ госпину. Сполъ былъ накрытъ, завѣракъ готовъ, и Миссъ Жаксонъ, уже набѣленая и запиленная въ рюмочку, нарѣзывала шоненъкія шаршинки. Отецъ похвалилъ ее за раннюю прогулку. « Нѣшь ничего здоровѣе, » сказалъ онъ, « какъ просыпаться на зарѣ. » Тутъ онъ привель нѣсколько примѣровъ человѣческаго долголѣтія, почерпнувшихъ изъ англійскихъ журналовъ, замѣчая, что все люди, жившіе болѣе

спа лѣшъ, не употребляли водки и вспавали на зарѣ зимой и лѣтомъ. Лиза его не слушала. Она въ мысляхъ повторяла всѣ обстоятельства упренняго свиданія, весь разговоръ Акулины съ молодымъ охотникомъ, и совѣсть начинала ее мучить. Напрасно возражала она самой себѣ, что бесѣда ихъ не выходила изъ границъ благоприятности, что эта шалость не могла имѣть никакого послѣдствія, совѣсть ея рошила тромче ея разума. Обѣщаніе, данное ею на завтрашній день, всего болѣе беспокоило ее: она совсѣмъ было рѣшилась не сдержать своей торжественной клятвы. Но Алексѣй, проѣзжавъ ея напрасно, могъ искать опыскивать въ сель дочь Василья кузнеца, наспоявшую Акулину, шолощую, рябую дѣвку, и такимъ образомъ догадаться объ ея легкомысленной проказѣ. Мысль эта ужаснула Лизу, и она рѣшилась на другое упро опять явившися въ рощу Акулиной.

Съ своей стороны Алексѣй былъ въ восхищении, цѣлый день думалъ онъ о новой своей знакомкѣ; ночью образъ смуглой красавицы и во снѣ преслѣдовалъ его вообра-

женіе. Заря едва занималась, какъ онъ уже былъ одѣшъ. Не давъ себѣ времени зарядишъ ружье, вышелъ онъ въ поле съ вѣрнымъ своимъ Сбогаромъ и побѣжалъ къ мѣсту объщенаго свиданія. Около получаса прошло въ несносномъ для него ожиданіи; наконецъ онъ увидѣлъ межъ кустарника мелькнувшій синій сарафанъ, и бросился навстрѣчу милой Акулины. Она улыбнулась воспоргу его благодарности; но Алексѣй топчасъ замѣшилъ на ея лицѣ следы унынія и беспокойства. Онъ хотѣлъ узнать тому причину. Лиза призналась, что поспупокъ ея казался ей легкомысленнымъ, что она въ немъ раскаивалась, что на сей разъ не хотѣла она не сдержаніе даннаго слова, но что эшо свиданіе будешъ уже послѣднимъ, и что она просипъ его прекратишъ знакомство, которое ни къ чему добруму не можетъ ихъ довеспи. Все эшо, разумѣвшся, было сказано на крестьянскомъ нарѣчіи; но мысли и чувствиа, необыкновенные въ прошлой дѣвушкѣ, поразили Алексѣя. Онъ употребилъ все свое краснорѣчіе, дабы отвратишъ Акулину отъ ея намѣренія; увѣряль ее въ невинности

своихъ желаній, обѣщалъ никогда не подать ей повода къ раскаянію, повиновавшися ей во всемъ, заклиналь ее не лишить его одной отрады: видавшися съ нею наединѣ, хотя бы черезъ день, хотя бы дважды въ недѣлю. Онъ говорилъ языкомъ испинной спрасши, и въ эшу минуту быль почно влюбленъ. Лиза слушала его молча. «Дай мнѣ слово,» сказала она наконецъ, «что ты никогда не будешь искать меня въ деревнѣ или распрашиватъ обо мнѣ. Дай мнѣ слово не искать другихъ со мною свиданій, кромеъ тѣхъ, копорыя я сама назначу.» Алексѣй поклялся было ей сяятою пятиицею, но она съ улыбкой остановила его. «Мнѣ не нужно клятвы,» сказала Лиза, «довольно одного твоего обѣщанія.» Послѣ того они дружески разговаривали, гуляя вмѣстѣ по лѣсу, до тѣхъ поръ пока Лиза сказала ему: пора. Они разошлись, и Алексѣй, оставшись наединѣ, не могъ понять, какимъ образомъ просипая деревенская дѣвочка въ два свиданія успѣла взять надъ нимъ испинную власть. Его сношенія съ Акулиной имѣли для него прелестъ новизны, и хотя предписанія

справной крестьянки казались ему пягостными, но мысль не сдержать своего слова не пришла даже ему въ голову. Дѣло въ плюмъ, чѣмъ Алексѣй, не смотря на роковое кольцо, на шаинственную перениску и на мрачную разочарованность, былъ доброй и пылкой малый и имѣлъ сердце чистое, способное чувствовать наслажденія невинности.

Если бы слушался я одной своей охопы, то непремѣнно и во всей подробности спаль бы описывать свиданія молодыхъ людей, возраспающу взаимную склонность и довѣрчивость, занятія, разговоры; но знаю, чѣмъ большая часть моихъ читателей не раздѣлила бы со мною моего удовольствія. Эти подробности вообще должны казаться приторными, и такъ я пропущу ихъ, скажавъ вкрапцъ, чѣмъ не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ, а мой Алексѣй былъ уже влюбленъ безъ памяти, и Лиза была неравнодушна, хотя и молчаливѣ его. Оба они были счастливы настоящимъ и мало думали о будущемъ.

Мысль о неразрывныхъ узахъ довольно часто мелькала въ ихъ умѣ, но никогда они

о помъ другъ съ другомъ не говорили. Причина ясная : Алексѣй, какъ ни привязанъ былъ къ милой своей Акулинѣ, все помнилъ разспояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкою ; а Лиза вѣдала, какая ненависть существовала между ихъ отцами и не смѣла надѣяться на взаимное примиреніе. Къ тому же самолюбіе ея быловшайнъ подстrekаемо темной, романическою надеждою увидѣть наконецъ Тугиловскаго помѣщика у ногъ дочери Прилучинскаго кузнеца. Вдругъ важное происшествіе чутъ было не перемѣнило ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ одно ясное, холодное утро (изъ пѣхъ, какими богата наша русская осень), Иванъ Петровичъ Бересповъ выѣхалъ прогуляться верхомъ, на всякой случай взявъ съ собою пары шри борзыхъ, спремяннаго и нѣсколько дворовыхъ мальчишекъ съ трещотками. Въ то же самое время Григорій Ивановичъ Муромскій, соблазнясь хорошею погодою, вѣльмъ осѣдлать купцую свою кобылку и рысью поѣхалъ около скончанныхъ англизированныхъ владѣній. Подѣзжая къ лѣсу, увидѣль онъ сосѣда своего, гордо сидящаго верхомъ, въ чекменѣ

подбипомъ лисьимъ мѣхомъ, и поджидаю-
щаго зайца, котораго мальчишки крикомъ
и прещошками выгоняли изъ куспарника.
Если бъ Григорій Ивановичъ могъ предви-
дѣшь эшу вспрѣчу, то конечно бъ онъ по-
ворошилъ въ сторону; но онъ наѣхалъ на
Берескова вовсе неожиданно, и вдругъ очу-
тился отъ него въ разстояніи писполем-
наго выспрѣла. Дѣлать было нечего: Муром-
скій, какъ образованный Европеецъ, подъ-
ѣхалъ къ своему прошивнику и учтиво его
привѣтствовалъ. Бересковъ опивъчаль съ
шакимъ же усердіемъ, съ каковымъ цѣпной
медвѣдь кланяется *Господамъ* по приказанію
своего вожатаго. Въ сіе время заяцъ выско-
чилъ изъ лѣсу и побѣжалъ полемъ. Бересковъ
и спремянной закричали во все горло, пу-
стили собакъ и слѣдомъ поскакали во весь
опоръ. Лошадь Муромскаго, небывавшая ни-
когда на охотѣ, испугалась и понесла. Му-
ромскій, провозгласившій себя оспличнымъ
наѣздникомъ, даль ей волю и внутренне
доволенъ былъ случаемъ, избавляющимъ его
отъ непріятнаго собесѣдника. Но лошадь,
доскакавъ до оврага прежде ею незамѣченаго,

вдругъ кинулась въ спорону, и Муромскій не усидѣлъ. Упавъ довольно пяжело на мерзлую землю, лежаль онъ, проклиная свою купцую кобылу, которая, какъ будто опомнилась, топчасъ остановилась, какъ только почувствовала себя безъ сѣдока. Иванъ Петровичъ подскакалъ къ нему, освѣдомляясь, не ушибся ли онъ. Между тѣмъ спремянный привель виновную лошадь, держа ее подъ успцы. Онъ помогъ Муромскому взобраться на сѣдло, а Бересповъ пригласилъ его къ себѣ. Муромскій не могъ отказатьсь, ибо чувствовалъ себя обязаннымъ, и такимъ образомъ Берестовъ возвратился домой со славою, заправивъ зяйца и ведя своего прошивника раненымъ и почтii военноплѣннымъ.

Сосѣды, завѣракая, разговорились довольно дружелюбно. Муромскій попросилъ у Берестова дрожекъ, ибо признался, что отъ ушибу не былъ онъ въ соспояніи доѣхать до дома верхомъ. Берестовъ проводилъ его до самаго крыльца, а Муромскій уѣхалъ не прежде, какъ взявъ съ него чеснное слово на другой же день (и съ Алексѣемъ Ивановичемъ) прїѣхать отобѣдать попріятельски

въ Прилучино. Такимъ образомъ вражда спиринная и глубоко укоренившаяся, казалось, гопова была прекрашилась опь пугливости куцой кобылки.

Лиза выбѣжала навспрѣчу Григорью Ивановичу. «Что эшо значишъ, папа?» сказала она съ удивленіемъ; «опь чего вы хромаете? Гдѣ ваша лошадь? Чьи эшо дрожки?» — «Вонъ ужъ не угадаешь, ту dear,» отвѣчалъ ей Григорій Ивановичъ, и рассказалъ все, что случилось. Лиза не вѣрила своимъ ушамъ. Григорій Ивановичъ, не давъ ей опомнишься, объявилъ, что завтра будущъ у него обѣдать оба Бересповы. «Что вы говорите!» сказала она, побѣднѣвъ. «Бересповы, отецъ и сынъ! Завтра у насъ обѣдать! Нѣшь, папа, какъ вамъ угодно: я ни за чѣо не покажусь.» — «Что ты, съ ума сошла?» возразилъ отецъ; «давно ли ты сшала такъ застѣнчива, или ты къ нимъ птишаешь наследственную ненависть, какъ романическая героиня? Полно, не дурачься...» — «Нѣшь, папа, ни за чѣо на свѣшь, ни за какія сокровища не являюсь я передъ Бересповыми.» Григорій Ивановичъ

пожаль плечами и болѣе съ нею не спорилъ, ибо зналъ, чпо пропиворѣчіемъ съ нея ничего не возмешь, и пошелъ отдохнуть опѣй своей доспопримѣчательной прогулки.

Лизавета Григорьевна ушла въ свою комната и призвала Насиню. Обѣ долго разсуждали о завѣтрашнемъ посѣщеніи. Чпо подумаетъ Алексѣй, если узнаетъ въ благовоспитанной барышнѣ свою Акулину? Какое мнѣніе будетъ онъ имѣть о ея поведеніи и правилахъ, о ея благоразуміи? Съ другой стороны Лизѣ очень хотѣлось видѣть, какое впечатлѣніе произвело бы на него свиданіе съ послѣднимъ неожиданное.... Вдругъ мелькнула ей мысль. Она торопясь передала ее Насинѣ; обѣ обрадовались ей какъ находкѣ, и положили исполнить ее непремѣнно.

На другой день за завѣтракомъ Григорій Ивановичъ спросилъ у дочки все ли намѣренна она сиряшаться опѣй Бересковыхъ. «Папа,» спѣвѣчала Лиза, «я приму ихъ, если это вамъ угодно, только съ уговоромъ: какъ бы я передъ ними ни явилась, чтобъ я ни сдѣлала, вы браницы меня не будете и не дадите никакого знака удивленія или

неудовольствія. » — « Опять какія нибудь проказы ! » сказалъ смѣясь Григорій Иванович. « Ну хорошо, хорошо ; согласенъ, дѣлай чтио хочешь, черноглазая моя шалунья. » Съ этимъ словомъ онъ поцаловалъ ее въ лобъ и Лиза побѣжала приготвляясь.

Въ два часа ровно коляска домашней рабопы, запряженная шестью лошадьми, вѣхала на дворъ и покатилась около густозеленаго дерноваго круга. Старый Бересповъ взошелъ на крыльце съ помощью двухъ лилейныхъ лакеевъ Муромскаго. Всльдъ за нимъ сынъ его пріѣхалъ верхомъ, и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ споловую, гдѣ споль былъ уже накрышъ. Муромскій принялъ своихъ сосѣдовъ, какъ нельзя ласковѣе, предложилъ имъ осмотрѣть передъ обѣдомъ садъ и звѣринецъ, и повелъ по дорожкамъ, пищательно вымѣщенными и усыпанными пескомъ. Старый Бересповъ внутренно жалѣлъ о попперянномъ шрудѣ и времени на споль безполезныя приходи, но молчалъ изъ вѣжливости. Сынъ его не раздѣлялъ ни неудовольствія расчесливатаго помѣщика, ни восхищенія самолюбиваго англомана ; но съ неперѣніемъ

ожидалъ появленія хозяйской дочери, о ко-
шорой много наслышался, и хотя сердце
его, какъ намъ извѣстно, было уже занято,
но молодая красавица всегда имѣла право на
его воображеніе.

Возвращаясь въ госпину, они усълись
впроемъ: спарики вспомнили прежнее вре-
мя и анекдоны своей службы, а Алексѣй
размышлялъ о томъ, какую роль играшь
ему въ присутствіи Лизы. Онъ рѣшилъ,
что холодная разсѣянность во всякомъ
случаѣ всего приличнѣе, и въ слѣдствіе се-
го приготовился. Дверь отворилась; онъ
повернулъ голову съ такимъ равнодушіемъ,
съ такою гордою небрежностію, что серд-
це самой закоренѣлой кокетки непремѣнно
должно было бы содрогнуться. Къ несча-
стію, вмѣсто Лизы, вошла спарай Миссъ
Жаксонъ, набѣленая, зашпунтавшая, съ пошу-
пленными глазами и съ маленьkimъ кникомъ,
и прекрасное военное движение Алексѣево
пропало впунѣ. Не успѣлъ онъ снова со-
братиться съ силами, какъ дверь опять от-
ворилась, и на сей разъ вошла Лиза. Всѣ
вспали; ошецъ началъ было представленіе

гостей , но вдругъ остановился и поспѣшилъ закусить себѣ губы . . . . Лиза , его смуглая Лиза , набѣлена была по уши , насурмлена пуще самой Миссъ Жаксонъ ; фальшивые локоны , гораздо свѣплѣе собственныхъ ея волосъ , взбиты были , какъ парикъ Людовика XIV ; рукава *à l'imbécille* торчали какъ фижмы у Madame de Pompadour ; шапка была перепянута , какъ буква иксъ , и всѣ бриліянты ея мантери , еще не заложенные въ Ломбардѣ ; сіяли на ея пальцахъ , шеѣ и ушахъ . Алексѣй не могъ узнатъ свою Акулину въ этой смѣшной и блестящей барышнѣ . Отецъ его подошелъ къ ея ручкѣ , и онъ съ досадою ему послѣдовалъ ; когда прикоснулся онъ къ ея бѣленькимъ пальчикамъ , ему показалось , что они дрожали . Между тѣмъ онъ успѣлъ замѣтить ножку , съ намѣренiemъ выставленную и обутую со всевозможнымъ кокетствомъ . Это помирило его нѣсколько съ осмѣшливымъ ея нарядомъ . Что касается до бѣлизы и до сурьмы , то въ прошлѣе своего сердца , признавшися , онъ ихъ съ первого взгляда не замѣтилъ , да и послѣ не подозрѣвалъ . Григорій Ивано-

вичъ вспомнилъ свое обѣщаніе и спарался не показашь и вида удивленія; но шалость его дочери казалась ему шакъ забавна, чѣмъ онъ едва могъ удержашься. Не до смѣху было чопорной Англичанкѣ. Она догадывалась, чѣмъ сурьма и бѣлилы были похищены изъ я комода, и багровый румянецъ досады пробивался сквозь искусшвенную бѣлизну я лица. Она бросала пламенные взгляды на молодую проказницу, которая, оплагая до другаго времени всякия объясненія, приворялась, будто ихъ не замѣчаешь.

Сѣли за споль. Алексѣй продолжалъ играть роль разсѣяннаго и задумчиваго. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспѣвъ, и шолько пофранцузски. Оптецъ поминутно засматривался на нее, не понимая ея цѣли, но находя все это весьма забавнымъ. Англичанка бѣсилась и молчала. Одинъ Иванъ Петровичъ былъ какъ дома: тѣль за двоихъ, пилъ въ свою мѣру, смѣялся своему смѣху и часъ опѣ часу дружелюбнѣе разговаривалъ и хохочалъ.

Наконецъ встали изъ за спола; госпи уѣхали, и Григорій Ивановичъ далъ волю

смѣху и вопросамъ. « Что тебѣ вздумалось дурачить ихъ? » спросилъ онъ Лизу. « А знаешь ли что? Бѣлилы право тебѣ приспали; не вхожу въ шайны дамскаго шуалепа, но на швоемъ мѣстѣ я бы спаль бѣлился; разумѣется, не слишкомъ, а слегка. » Лиза была въ восхищениіи отъ успѣха своей выдумки. Она обняла ошца, обѣщалась ему подумать о его совѣтѣ, и побѣжала умилоспивлять раздраженную Миссъ Жаксонъ, которая насили согласилась отпереть ей свою дверь и выслушать ея оправданія. Лизѣ было совсѣмъ показаться передъ незнакомцами такої чернавкою; она не смѣла просить... она бѣла увѣрена, что добрая, милая Миссъ Жаксонъ прошептѣлъ ей... и проч., и проч. Миссъ Жаксонъ, удоспѣвясь, что Лиза не думала поднять ее на смѣхъ, успокоилась, поцаловала Лизу и въ залогъ примиренія подарила ей баночку Англійскихъ бѣлиль, которую Лиза и принялѣла съ изъявленіемъ искренней благодарности.

Читатель догадаешься, что на другой день утромъ Лиза не замедлила явиться въ

рощѣ свиданій. « Ты быль , баринъ , вечоръ у нашихъ господъ ? » сказала она шопчасъ Алексѣю ; « какова показалась тебѣ барышня ? » Алексѣй отвѣчалъ , что онъ ея не замѣтилъ. « Жаль , » возразила Лиза . — « А почему же ? » спросилъ Алексѣй . — « А пошому , что я хотѣла бы спросить у тебѣ , правда ли , говоряшъ... » — « Чѣмъ же говорятъ ? » — « Правда ли , говоряшъ , будто бы я на барышню похожа ? » — « Какой вздоръ ! Она передъ тобой уродъ уродъ . » — « Ахъ , баринъ , грѣхъ тебѣ это говорить ; барышня наша такая бѣленъккая , такая щеголиха ! Куда мнѣ съ нею ровняться ! » Алексѣй божился ей , что она лучше всевозможныхъ бѣленъкихъ барышенъ , и чѣмъ успокоить ее совсѣмъ , началь описывать ея госпожу такими смѣшными чертами , чѣмъ Лиза хохотала отъ души . « Однакожъ , » сказала она со вздохомъ , « хотѣ барышня , можешь , и смѣшна , все же я передъ нею дура безграмотная . » — « И ! » сказалъ Алексѣй , « если о чёмъ сокрушаться ! Да коли хочешь , я шопчасъ выучу тебѣ грамоту . » — « А вѣрно , » сказала

Лиза, «не попытавшися ли и въ самомъ дѣлѣ?» — «Изволь, милая; начнемъ хопь сей часъ.» Они сѣли. Алексѣй вынулъ изъ кармана карандашъ и записную книжку, и Акулина выучилась азбукѣ удивительно скоро. Алексѣй не могъ надивиться ея понятливости. На слѣдующее утро, она захочѣла попробовать и писать; сначала карандашъ не слушался ея, но черезъ нѣсколько минутъ, она и вырисовывая буквы спала довольно порядочно. «Что за чудо!» говорилъ Алексѣй. «Да у насъ ученіе идетъ скорѣе, чѣмъ по Ланкашерской системѣ.» Въ самомъ дѣлѣ, на третьякъ урокѣ Акулина разбирала уже по складамъ Напалмъ Боярскую дочь, прерывая чтеніе замѣчаніями, опѣ кошорыхъ Алексѣй испинно былъ въ изумленіи, и круглый листъ измарала афоризмами, выбранными изъ той же повѣстки.

Прошла недѣля, и между ними завелась переписка. Почтовая контора учреждена была въ дупль спараго дуба Наспѣ впайнѣ исправляла должностъ почтальона. Туда приносилъ Алексѣй крупнымъ почеркомъ напи-

санныя письма, и шамъ же находилъ на синей проспой бумагъ каракульки своей любезной. Акулина видимо привыкала къ лучшему складу рѣчей, и умъ ея примѣнно развивался и образовывался.

Между шѣмъ, недавнее знакомство между Иваномъ Пепровичемъ Бересповымъ и Григорьевъ Ивановичемъ Муромскимъ болѣе и болѣе укрѣплялось и вскорѣ превратилось въ дружбу, вонъ по какимъ обстоятельствамъ: Муромскій нерѣдко думалъ о шомъ, чѣмъ по смерти Ивана Пепровича, все его имѣніе перейдетъ въ руки Алексѣю Ивановичу; чѣмъ въ шакомъ случай, Алексѣй Ивановичъ будешъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ той губерніи, и чѣмъ нѣшь ему никакой причины не женишься на Лизѣ. Старый же Бересповъ, съ своей стороны, хотя и признавалъ въ своеемъ сосѣдѣ нѣкоторое сумазбродство (или, по его выраженію, Англійскую дурь), однако жъ не отрицалъ въ немъ и многихъ отличныхъ доспоянствъ, на примѣръ: рѣдкой оборопливости; Григорій Ивановичъ былъ близкой родственникъ Графу Пронскому,

человѣку знашному и сильному ; Графъ могъ бытъ очень полезенъ Алексѣю , а Муромскій (шакъ думаль Иванъ Пепровичъ) вѣроятно обрадуешся случаю выдать свою дочь выгоднымъ образомъ . Спарики до шѣхъ поръ обдумывали все это каждый про себя , чпо наконецъ другъ съ другомъ и перегово-рились , обнялись , обѣщались дѣло порядкомъ обработашь , и принялись о немъ хлопотать каждый со своей спороны . Муромскому предстояло запрудненіе : угово-ришь свою Бешси познакомишися короче съ Алексѣемъ , котораго не видала она съ самаго досшопамяшнаго обѣда . Казалось , они другъ другу не очень нравились ; по крайней мѣрѣ Алексѣй уже не возвращался въ Прилучино , а Лиза уходила въ свою комна-шу всякой разъ , какъ Иванъ Пепровичъ удоскоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ . Но , думаль Григорій Ивановичъ , если Алексѣй будешъ у меня всякой день , то Бешси должна же будешъ въ него влюбиться . Это въ порядкѣ вещей . Время все сладишъ .

Иванъ Пепровичъ менѣе беспокоился объ успѣхѣ своихъ намѣреній . Въ шопъ же ве-

черъ призваль онъ сына въ свой кабинетъ , закуриль трубку , и немного помолчавъ , сказаль : « Чпо же ты , Алеша , давно про военную службу не поговариваешь ? Или гусарской мундиръ уже шебя не прельщаешь ! » — « Нѣшь , башюшка , » отвѣчалъ почтипельно Алексѣй , « я вижу , чпо вамъ не угодно , чтобъ я шель въ гусары ; мой долгъ вамъ повиновавшся . » — « Хорошо , » отвѣчалъ Иванъ Пепровичъ , « вижу , чпо ты послужный сынъ ; эшо мнѣ упѣшишельно ; не хочу жъ и я шебя неволить ; не понуждаю шебя всшупишь... шопчасъ... въ спанискую службу ; а покамѣшь намѣренъ я шебя женишь . »

« На комъ эшо , башюшка ? » спросилъ изумленный Алексѣй .

— « На Лизаветѣ Григорьевнѣ Муромской , » отвѣчалъ Иванъ Пепровичъ ; « невѣста хоть куда ; не правда ли ? »

« Башюшка , я о женишьбѣ еще не думаю . »

— « Ты не думаешь , шакъ я за шебя думаль и передумаль . »

« Воля ваша , Лиза Муромская мнѣ вовсе не нравишься . »

— « Постъ понравился. Сперпился, слюбился. »

« Я не чувствую себя способнымъ сдѣлать ея счастье. »

— « Не твое горе, ея счастье. Чего? шакъ-то ты почишаешь волю родительскую? Добро! »

« Какъ вамъ угодно, я не хочу женииться и не женюсь. »

— « Ты женишься, или я тебя прокляну, а имѣніе, какъ Богъ свяшъ! продамъ и промошу, и тебѣ полушки не осправлю. Даю тебѣ три дня на размышленіе, а покамѣстъ не смѣй на глаза мнѣ показаться. »

Алексѣй зналъ, что если отецъ заберетъ что себѣ въ голову, то ужъ того, по выражению Тараса Скопинина, у него и гвоздемъ не вышибешь; но Алексѣй былъ въ башнюшку, и его споль же трудно было переспорить. Онъ ушелъ въ свою комнату и спаль размышлять о предѣлахъ власти родительской, о Лизавѣтѣ Григорьевнѣ, о торжественномъ обѣщаніи отца сдѣлать его нищимъ, и наконецъ обѣ Акулини. Въ первый разъ видѣль онъ ясно, что онъ въ

нее спрасшио влюбленъ; романическая мысль, женившись на креспъянкѣ и живъ своими шрудами, пришла ему въ голову, и чѣмъ болѣе думалъ онъ о семъ рѣшишельномъ поступкѣ, тѣмъ болѣе находилъ въ немъ благоразумія. Съ нѣкотораго времени свиданія въ рощѣ были прекращены по причинѣ дождливой погоды. Онъ написалъ Акулинѣ письмо самымъ чешкимъ почеркомъ и самымъ бѣщенымъ слогомъ, объявляя ей о грозящей имъ погибели, и шушъ же предлагалъ ей свою руку. Тотчасъ опинесъ онъ письмо на почту, въ дупло, и легъ спашь весьма довольный собою.

На другой день Алексѣй, швердый въ свое намѣреніи, рано ушромъ поѣхалъ къ Муромскому, дабы опкровенно съ нимъ объяснишься. Онъ надѣялся подспрекнушь его великодушіе и склонить его на свою сто-рону. «Дома ли Григорій Ивановичъ?» спро-силъ онъ, останавливая свою лошадь передъ крыльцомъ Прилучинскаго замка. «Никакъ нѣшъ,» отвѣчалъ слуга; «Григорій Ивано-вичъ съ ушра изволилъ выѣхать.» — «Какъ досадно!» подумалъ Алексѣй. «Дома ли, по-

крайней мѣрѣ, Лизавета Григорьевна? » — « Дома-съ. » И Алексѣй спрыгнулъ съ лошади, отдалъ поводья въ руки лакею, и пошелъ безъ доклада.

« Все будешь решено, » думалъ онъ, подходя къ госпиной; « объяснюсь съ нею самою. » — Онъ вошелъ.... и осполбенѣлъ! Лиза .... нѣшь, Акулина, милая, смуглая Акулина, не въ сарафанѣ, а въ бѣломъ, упреннемъ плащаницѣ, сидѣла передъ окномъ и читала его письмо; она шакъ была занята, чѣмъ не слыхала, какъ онъ и вошелъ. Алексѣй не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хопѣла убѣжать. Онъ бросился ей удерживать. « Акулина, Акулина! .... » Лиза спаралась отъ него освободиться .... « Mais laissez - moi donc, Monsieur ; mais êtes - vous fou ? » повторяла она, отворачиваясь. « Акулина! другъ мой, Акулина! » повторяль онъ, цалуя ея руки. Миссъ Жаксонъ, свидѣтельница этой сцены, не знала, чѣмъ подумать. Въ эту минуту дверь отворилась, и Григорій Ивановичъ вошелъ.

« Ага ! » сказалъ Муромскій, « да у васъ, кажеся, дѣло совсѣмъ уже слажено.... »

Чипашели избавяющъ меня отъ излишней обязанности описывать развязку.

КОНЕЦЪ ПОВѢСТЯМЪ

И. П. БЪЛКИНА.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ДВЕ ГЛАВЫ

изъ

ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

АСАМБЛЕЯ

ПРИ ШЕТЬЕ ПЕРВОМЪ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

I.

АСАМБЛЕЯ ПРИ ПЕТРЪ ПЕРВОМЪ (*).

Въ большой комнѣ, освѣщенной сальными свѣчами, кошорыя шускло горѣли въ облакахъ шабачнаго дыму, Вельможи, съ голубыми леншами черезъ плечо, Посланники, иностранные купцы, Офицеры Гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, карабельные маспера въ куршкахъ и полосатыхъ панталонахъ, шолпою двигались взадъ и впередъ при безпрерывномъ звуки духовой музыки. Дамы сидѣли около спѣнъ; молодыя бліспали всею

(*) См. Голикова и Русскую Старину.

роскошью моды. Золото и серебро блестело на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ спбель, ихъ узкая шаль; алмазы блестали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онъ весело повершивались на право и на лѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни по-жилыя спарались хитро сочешашь новый образъ одежды съ гонимою спариною: чепцы сбивались на соболью шапочку Царицы Напальи Кириловны, а робронды и манишки какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онъ болѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ удовольствіемъ присутствовалъ на сихъ нововведеныхъ игрицахъ и съ досадою косились на женъ и дочерей Голландскихъ шхиперовъ, копорья, въ канифасныхъ юпкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, вязали свой чулокъ, между собою смѣясь и разговаривая, какъ будто дома. Замѣти новыхъ госпей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и спаканами на подносѣ. «Que diable est-ce que tout cela?» спрашивалъ К.... въ полголоса у Г.... Г....ъ не могъ не улыбнуться. Императрица и Великія Княжны,

блеспая красошю и нарядами, прохаживались между грядами гостей, привѣтиливо съ ними разговаривая. Государь быль въ другой комнатѣ. К..., желая ему показаться, насилу могъ шуда пробраться сквозь безпрепанно движущуюся шолпу. Тамъ сидѣли большею частію иностранны, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На сполахъ разспавлены были бушылки пива и вина, кожаные мѣшки съ шабакомъ, спаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ сихъ споловъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ Англійскимъ шхиперомъ. Они усердно салюшовали другъ друга залпами шабачнаго дыма, и Государь шакъ быль озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего прошивника, чпо не замѣтилъ К..., какъ онъ около ихъ ни вертѣлся. Въ эпо время толстый господинъ, съ толстымъ букешомъ на груди, суевливо вошелъ, объявиль громогласно, чпо шанцы начались — и шотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множеспво гостей, вѣномъ числѣ и К....

Неожиданное зрелище его поразило. Во всю длину шанцевальной залы, при звукѣ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ пропивъ друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо пропивъ себя, попомъ поворотясь на право, попомъ на лѣво, шамъ опять прямо, опять на право и такъ далѣе. К... , смотря на сіе запѣливое препровожденіе времени, шарашить глаза и кусаль себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ они прекратились и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные шанцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ. К... обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми госпьями, одна въ особенностіи ему понравилась. Ей было около шеснадцати лѣтъ, она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. К... къ ней разлѣгълся и просилъ сдѣлать чеспѣхой съ нимъ шанцоваться. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ.

спвомъ, и казалось, не знала, чпо ему сказапь. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще болѣе. К... ждалъ ея рѣшенія, но господинъ съ букешомъ подошелъ къ нему, опивъ на средину залы и важно сказалъ: « Государь мой, шы провинился: во первыхъ, подошелъ къ сей молодой персонѣ, не ошдавъ ей шри должные реверанса; а во впорыхъ, взявъ на себя самому ее выбрашь, шогда какъ въ менуэшахъ право сіе подобаешь дамъ, а не кавалеру; сего ради имѣешь шы бышь весьма наказанъ, именно, долженъ выпишь *кубокъ большаго орла.* » К... часъ опѣ часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленнаго исполненія закона. Петръ, услыша хохопъ и крики, вышелъ изъ другой комнаты, будучи большой охопникъ лично присутствовавшъ при шаковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ полна развинулась и Онъ вспушилъ въ кругъ, гдѣ спояль осужденный и передъ нимъ Маршалъ асамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіи. Онъ щещено уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону.

« Ага, » сказалъ ПЕТРЪ, увидя К.... : « по-
пался, брашь! Изволь же, Мосье, пить и
не морщиться. » Дѣлать было нечего. Бѣд-
ный щеголь, не переводя духу, осушилъ
весь кубокъ и отдалъ его Маршалу. — « По-
слушай, К.... » сказалъ ему ПЕТРЪ : « шша-
ны-шо на шебѣ бархатныя, какихъ и Я не
ношу, а Я шебя гораздо богаче. Эшо мо-
штовспво ; смопри, чтобъ Я съ тобой не
побранился. » Выслушавъ сей выговоръ, К....
хопѣль выйши изъ круга, но зашапался и
чушь не упалъ, къ неописанному удоволь-
ствію Государя и всей веселой компаніи.
Сей эпизодъ не только не повредилъ един-
спву и занимательности главнаго дѣйствія,
но еще оживилъ его. Кавалеры спали шар-
кать и кланяться, а дамы присѣдать и по-
спукивать коблучками съ большимъ усер-
діемъ и ужъ вовсе не наблюдая каданса.
К.... не могъ участвовать въ общемъ
веселіи. Дама, имъ выбранная, по пове-
льнію опца своего подошла къ Г.... и
попшупая голубые глаза, робко подала ему
руку. Г.... прошанцowałъ съ нею менуэтъ
и опшель ее на прежнее мѣсто ; пошомъ

опыскавъ К... , вывель его изъ залы, посадилъ въ карету и отвезъ домой. Дорогою К... сначала невняшно лепеталъ: «Проклятая асамблея!... проклятой кубокъ большаго орла!... » но вскорѣ заснуль крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ прѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили; и проснулся на другой день съ головною болью, смущно помня шарканья, присѣданія, пачачный дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ большаго орла.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ОБЪДЪ

У РУССКАГО БОЯРИНА.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

II.

О БЪДЪ У РУССКАГО БОЯРИНА.

День быль праздничный. Гаврила Аѳацасьевичъ ожидалъ нѣсколько родныхъ и пріятелей. Въ спаринной залѣ накрывали длинный споль. Гости съѣзжались съ женами и дочерьми, наконецъ освобожденными опь запворническаго домашняго указами Государя и собственнымъ Его примѣромъ. Нашалья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный подносы, ушавленный золотыми чарочками, и каждый выпилъ свою, жалѣя, что поцѣлуй, получаемый вспарину при шакомъ случаѣ,

вышелъ ужъ изъ обыкновенія; пошли за споль. На первомъ мѣсѣцѣ, подль хозяина, сѣмь шестъ его Князь Борисъ Алексѣевичъ Лыковъ, семидесяти-лѣтній Бояринъ; прочіе госпи, наблюдая спаршинство рода, и пѣмъ поминая счастливыя времена мѣстничества, сѣли мужчины по одной споронѣ, женщины по другой; — на концѣ заняли свои привычныя мѣста: барская барыня, въ спаринномъ шушунѣ и кичкѣ; карлица, приданная лѣтняя малюшка, чопорная и сморщенная, и плѣнныи Шведъ, въ синемъ поноженномъ мундирѣ. — Сполъ, успавленный множествомъ блюдъ, былъ окруженъ суевѣливой и многочисленной челядью, между которою опличался дворецкой спрогимъ взоромъ, полнымъ брюхомъ и величавой неподвижности. — Первые минуты обѣда посвящены были единственно на вниманіе къ произведенію спаринной нашей кухни, звонъ парелокъ и дѣятельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяинъ, видя, что время занять гостей пріятною бесѣдою, оборопился и спросилъ: « а гдѣ-же Екимовна? Позвать ее сюда. »

Нѣсколько слугъ бросились было въ разныя стороны, но въ ту же минуту спарава женщина, набѣленая и нарумяненая, убранная цвѣшами и машурою, въ шпофонъ роброндѣ, съ открытою шеей и грудью, вошла припѣвая и подплясывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

— « Здравствуй, Екимовна, » сказалъ К. Лыковъ, « каково поживаешь? »

— « По добру по здорову, кумъ: поточи да пляшучи, женишковъ поджидачи. »

— « Гдѣ ты была, дура? » спросилъ хозяинъ.

— « Наряжалась, кумъ, для дорогихъ гостей, для Божія праздника, по Царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему миру, по нѣмецкому маниру. »

При сихъ словахъ поднялся громкой хохотъ, и дура спала на свое мѣсто, за спуломъ хозяина.

— « А дура-шо вреши, вреши, да и правду совреши, » сказала Таньяна Аѳанасьевна, спаршая сеспра хозяина, сердечно имъ уважаемая. « Подлинно нынѣшніе наряды на

смѣхъ всему міру. Коли ужъ и вы, баптишки, обрили себѣ бороду и надѣли кургузый кафтанъ, шакъ про женское пренѣе шолковашь, конечно, нечего : а право жаль сарафана, дѣвичьей ленты и повойника. Вѣдь посмотрѣшь на нынѣшихъ красавицъ, и смѣхъ и жалость : волоски то взбиты, чпо войлокъ, насалены, засыпаны французской мукою, живопикъ перешлянутъ шакъ, чпо еле не перервется, исподницы напялены на обручи : въ колышагу садяшся бочкомъ; въ двери входяшъ — нагибаюшся. Ни спать, ни сѣсть, ни духъ перевесити сущія мученицы, мои голубушки.

« Охъ, машушка Татьяна Аѳанасьевна, »
сказалъ Кирила Пепровичъ Т., бывшій въ Рязани воевода, гдѣ нажилъ себѣ шри тысячи душъ и молодую жену, то и другое съ грѣхомъ пополамъ. « По мнѣ жена какъ хочешь одѣвайся : хоть купафѣй, хоть болыханомъ ; только бъ не каждый мѣсяцъ заказывала себѣ новыя плашья, а прежняя бросала новѣшенькія. Бывало внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ, а нынѣшніе

робронды — поглядишь — сегодня на барынѣ, а завтра на холопкѣ. Чѣмъ дѣлать? разореніе русскому дворянству! бѣда, да и шелько. » При сихъ словахъ, онъ со вздохомъ посмотрѣлъ на свою Марью Ильиничну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы спаринѣ, ни порицанія новѣйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали; ибо скромность починалась тогда необходимой принадлежностю молодой женщины.

« А чѣмъ виноватъ, » сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ, напѣня кружку кислыхъ щей. « Не мы ли сами? Молоденькия бабы дурачатся; а мы имъ попакаемъ. »

« А чѣмъ намъ дѣлать, коли не наша воля? » возразилъ Кирила Петровичъ. « Иной бы радъ былъ запереть жену въ шеремѣтѣ, а ее съ барабаннымъ боемъ пребують на асамблею; мужъ за плешку, а жена за наряды. — Охъ ужъ эпѣ асамблей! наказаль насть ими Господь за прегрѣщенія наши. »

Марья Ильинична сидѣла, какъ на иголкахъ; языкъ у нея шакъ и свербѣлъ; наконецъ она не вышерпѣла, и обратясь къ

мужу, спросила его съ кисленькой улыбкою, чпо находишъ онъ дурнаго въ асамблеяхъ?

« А шо въ нихъ дурно, » ошвѣчаль разгоряченный супругъ, « чпо съ тѣхъ поръ, какъ онъ завелись, мужья не сладяшь съ женами. Жены позабыли слово Апоспольское: *жена да убоится своего мужа.* Хлопочушь не о хзяйствѣ, а обѣ обновахъ; не думаюшь, какъ бы мужу угодишь, а какъ бы приглянувшись офицерамъ вершопрахамъ. Да и прилично ли, сударыня, русской боярынѣ или боярышнѣ находипись вмѣстѣ съ Нѣмцами-шабачниками, да съ ихъ работницами? Смытано ли дѣло, до ночи плясашь и разговаривашь съ молодыми мѣжчинами? И добро бы еще съ родственниками, а по съ чужими, съ незнакомыми.

« Сказалъ бы словечко, да волкъ не далечко, » сказалъ, нахмурясь, Гаврила Аѳанасьевичъ; « а признаюсь — асамблеи и мнѣ не по нраву: шого и гляди, чпо на пьяного нашолжнешься, аль и самого на смѣхъ пьянымъ напояшь. Того и гляди, чтобъ какой-нибудь повѣса не напроказилъ чего съ дочерью; а

нынъче молодежъ такъ избаловалась, что ни на чпо не похоже. Вонъ, напримѣръ, сынъ покойнаго Евграфа Сергеевича К.... на прошедшой асамблѣи, надѣлъ такаго шуму съ Нашашей, что привель меня въ краску. — На другой день, гляжу, капяпъ ко мнѣ прямо на дворъ; я думалъ, кого-то Богъ несетъ, ужъ не Князя-ли Александра Даниловича? Не шутъ-то было: Ивана Евграфовича! небось, не могъ остановиться у воротъ, да пострудился пѣшкомъ дойти до крыльца — куды! влемѣль! разшаркался! разболтался!... Дура Екимовна уморительно его передразниваетъ; кспали: предшавъ, дура, заморскую обезьяну. »

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во все стороны, приговаривая: « мусье.... мамзель.... асамблея.... пардонъ. » — Общий и продолжительный хохотъ снова изъявилъ удовольствіе госпей.

« Ни дать, ни взять — К...., » сказалъ старый Князь Лыковъ, оширя слезы смѣха,

когда спокойствие мало по малу возспано-
вилось. « А что грѣха шаипъ ? Не онъ пер-
вый, не онъ послѣдній воропился изъ Нѣ-
мецчины на священную Русь скоморохомъ. Чему
шамъ научаюшся наши дѣти ? Шаркашъ,
болшашъ, Богъ вѣшь на какомъ нарѣчіи,
не почишашъ спаршихъ, да волочишся за
чужими женами. Изо всѣхъ молодыхъ людей,
воспишанныхъ въ чужихъ краяхъ, (прости
Господи), Царской Арапъ всѣхъ болѣе на
човѣка походинъ.

— « Конечно, » замѣтилъ Гаврила Аѳанасьевичъ, « человѣкъ онъ спеленный и по-
рядочный, не чеша вѣпрогону... Эшо кто еще вѣхалъ въ ворота на дворъ ? Ужъ не опяпъ-ли обезьяна заморская ? Вы что зѣ-
ваеше, скопы ? » продолжалъ онъ, обращаясь
къ слугамъ : « бѣгише, откажашь ему ; да
чтобъ и впредь... »

« Спарай борода, не бредиши ли ? » прер-
вала дура Екимовна. « Али пы слѣпъ : сани-
по Государевы, Царь прїехалъ. »

Гаврила Аѳанасьевичъ вспахъ поспѣшно
изъ-за спола ; всѣ бросились къ окнамъ ; и

въ самомъ дѣлѣ увидали Государя, который веходилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего денъщика. Сдѣлалась сумашоха. Хозинъ бросился навстрѣчу Петра; слуги разбѣгались, иные даже думали, какъ бы убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голосъ Петра, все утихло и Царь вошелъ, въ сопровожденіи хозяина, опоропѣлаго отъ радости. — « Здорово, господа, » сказалъ Петръ съ веселымъ лицемъ. Всѣ низко поклонились. Быстро взоры Царя отыскали въ шолѣ молодую хозяйствскую дочь; Онъ подозвалъ ее. Нашалья Гавриловна приблизилась довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по уши, а даже по плеча. « Ты часъ отъ часу хорошишь, » сказалъ ей Государь, и по своему обыкновенію, поцѣловалъ ее въ голову; поштомъ обращаясь къ госпамъ, — « Чѣо же? Я вамъ помѣшалъ. Вы обѣдали; прошу садиться опять, а мнѣ, Гаврила Аѳанасьевичъ, дай-ка аниской водки. » Хозинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него подносъ, самъ наполнилъ золотую чарочку, и подалъ ее съ поклономъ

Государю. ПЕТРЪ, выпивъ, закусиль кренделемъ и вспорично пригласиль гостей продолжать обѣдь. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, кошорыя не смѣли оспавасться за споломъ, удоспоееннымъ Царскимъ присутствиемъ. ПЕТРЪ сѣль подъ хозяина и спросиль себѣ щей. Государевъ деньщикъ подаль ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелеными коспяными черенками, ибо ПЕТРЪ никогда не употреблялъ другаго прибора, кромѣ своего. Обѣдь, за минуту предъ симъ шумно оживленный веселіемъ и говорливостию, продолжался въ ипишинѣ и принужденности. Хозяинъ изъ почтенія и радости, ничего не ъль, гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ Государь по-немецки разговаривалъ съ плѣннымъ Шведомъ о походѣ 1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ вопрошаюшая Государемъ, озвѣчала съ какою-то рѣбкой холодностию, что (замѣчу мимоходомъ) во-все не доказывало природной ея глупости. Наконецъ обѣдь кончился. Государь вспаль, за нимъ и всѣ гости. « Гаврила Аѳанасьев-

вичъ! » сказалъ Онъ хозяину: « Мне нужно съ спбюю поговорить на единѣ, » и взявъ его подъ руку, увелъ въ госпину и заперъ за собою дверь. Госпи оспались въ споловой, шопотомъ шокуя объ этомъ неожиданномъ посѣщеніи, и опасаясь бытъ нескромными, вскорѣ разъѣжались одинъ за другимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлѣбъ-соль.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ПИКОВАЯ ДАМА.

**Пиковая дама означает тайную
недоброжелательность.**

Новейшая издательская книга.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ПИКОВАЯ ДАМА.

I.

А въ иенастные дни
Собирались они
Часто ;
Гнули — Богъ ихъ прости ! —
Отъ пятидесяти
На сто ,
И выигрывали ,
И отписывали
Мѣломъ.
Такъ , въ иенастные дни ,
Занимались они
Дѣломъ .

Однажды играли въ карпы у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незамѣтно ; сѣли ужинать въ пяшомъ часу упра. Тѣ , которые оспались въ выигрышѣ , Ѳли съ большимъ апепищомъ ; прочіе , въ разсѣянности , сидѣли передъ пустыми своими

приборами. Но шампанское явилось, разговоръ оживился, и вѣсъ приняли вѣ немъ участіе.

— Что ты сдѣлалъ, Суринъ? спросилъ хозяинъ.

— Проигралъ, по обыкновенію. Надобно признаться, что я несчастливъ: играю мирандолемъ, никогда не горячусь, ничѣмъ меня съ шолку не собѣешь, а все проигрываюсь!

— И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поспавилъ на *rute*? . . . Твердость твоя для меня удивительна.

— А каковъ Германъ! сказалъ одинъ изъ гостей, указывая на молодаго инженера: опь роду не бралъ онъ карпы вѣ руки, опь роду не загнулъ ни одного пароли, а до пяти часовъ сидишъ съ нами, и смотрѣшъ на нашу игру!

— Игра занимаетъ меня сильно, сказалъ Германъ: но я не вѣ состояніи жертвовать необходимымъ вѣ надеждѣ пріобрѣсши излишнее.

— Германъ Нѣмецъ: онъ расчепливъ, вонъ и все! замѣшиль Томскій. А если кто

для меня непонятень, такъ это моя ба-
бушка, Графиня Анна Федотовна.

— Какъ? чпо? закричали гости.

— Не могу поспигнушь, продолжалъ Том-
скій: какимъ образомъ бабушка моя не пон-
шируешъ!

— Да чпо жъ шушъ удивительного, ска-
заль Нарумовъ, что осьмидесятишная
спаруха не поншируешъ?

— Такъ вы ничего про нее не знаете?

— Нѣшь! право, ничего!

— О, такъ послушайше:

Надобно знать, что бабушка моя, лѣшь
шестьдесятъ тому назадъ,ѣздила въ Парижъ,
и была шамъ въ большой модѣ. Народъ бѣгалъ
за нею, чтобъ увидѣть la Vénus moscovite;
Ришелье за нею волочился, и бабушка увѣ-
ряетъ, что онъ чушъ было не заспрѣлился
ошь ея жестокости.

Въ то время дамы играли въ фараонъ.
Однажды при Дворѣ она проиграла на слово
Герцогу Орлеанскому чпо-то очень много.
Пріѣхавъ домой, бабушка, оплѣпливая муш-
ки съ лица и опвязывая фижмы, объявила

дѣдушкѣ о своемъ проигрышѣ, и приказала занлашить.

Покойный дѣдушка, сколько я помню былъ родъ бабушкина дворецкаго. Онъ ея боялся, какъ огня; однако, услышавъ о такомъ ужасномъ проигрышѣ, онъ вышелъ изъ себя, принесъ счеты, доказалъ ей, что въ полгода они издержали полмилліона, чѣпо подъ Парижемъ нѣшь у нихъ ни Подмосковной, ни Саратовской деревни, и начисто отказался отъ плашежа. Бабушка дала ему пощечину, и легла спать одна, въ знакъ своей немилости.

На другой день она велѣла позвать мужа, надѣясь, чѣпо домашнее наказаніе надъ нимъ подѣйствовало, но нашла его непоколебимымъ. Въ первый разъ въ жизни она дошла съ нимъ до разсужденій и объясненій; думала усвѣстить его, снисходительно доказывая, чѣпо долгъ долгу розь, и чѣпо есть разница между Принцемъ и каретникомъ. — Куда! дѣдушка бунтовалъ. Нѣшь, да и шолько! Бабушка не знала, чѣпо дѣлашь.

Съ нею былъ коротко знакомъ человѣкъ очень замѣчательный. Вы слышали о Графѣ

Сенъ - Жерменъ , о копоромъ рассказывавшемъ такъ много чудеснаго. Вы знаеше , что онъ выдавалъ себя за вѣчнаго жида , за изобрѣтателя жизненнаго эликсира и философскаго камня , и прочая. Надъ нимъ смеялись , какъ надъ парлапаномъ , а Казанова въ своихъ Запискахъ говорить , что онъ былъ шпіонъ , впрочемъ Сенъ-Жерменъ , не смотря на свою шантаженность , имѣль очень почтеннную наружность , и быть въ общеспивъ человѣкъ очень любезный. Бабушка до сихъ поръ любиша его безъ памяти , и сердитая если говоряша объ немъ съ неуважениемъ. Бабушка знала , что Сенъ-Жерменъ могъ располагать большими деньгами. Она рѣшилась къ нему прибѣгнуть. Написала ему записку , и просила немедленно къ ней прѣхань.

Старый чудакъ явился поспешно , и засталъ въ ужасномъ горѣ. Она описала ему самыми черными красками варварство мужа , и сказала наконецъ , что всю свою надежду полагаетъ на его дружбу и любезность .

Сенъ-Жерменъ задумался. — « Я могу вамъ услугить этой суммою , » сказалъ онъ , « но

знаю, что вы не будеше спокойны, пока со мною не распланишесь, а я бы не желалъ вводить васъ въ новые хлопоты. Есть другое средство: вы можеше ошыграшься.»

« Но, любезный Графъ, » опрѣчала бабушка, « я говорю вамъ, что у насъ денегъ вовсе нѣть. » — « Деньги шутъ не нужны, » возразилъ Сенъ-Жерменъ: « извольше меня выслушать. » Тутъ онъ открылъ ей тайну, за которую всякой изъ насъ дорого бы далъ....

Молодые игроки удвоили вниманіе. Томскій закурилъ трубку, запянался, и продолжаль.

Въ тошь же самый вечеръ бабушка явилась въ Версали, au jeu de la Reine. Герцогъ Орлеанскій мешалъ; бабушка слегка извинилась, что не привезла своего долга, въ оправданіе сплема маленькую испорію, и спала прошивъ него поншировашь. Она выбрала три карты, поставила ихъ одну за другою: всѣ три выиграли ей соника, и бабушка ошыгралась совершенно.

— Случай! сказалъ одинъ изъ гостей.

— Сказка! замѣтилъ Германнъ.

— Можетъ спасться, порошковыя карпы? подхватишь трешпій.

— Не думаю, опвѣчаль важно Томскій.

— Какъ! сказалъ Нарумовъ: у тебя есть бабушка, которая угадываешь три карпы сряду, а ты до сихъ поръ не перенялъ у ней ея кабалистники?

Да, чорпа съ два! опвѣчаль Томскій: у ней было четверо сыновей, въ штомъ числѣ и мой отецъ; всѣ четыре опчаянные игрошки, и ни одному не открыла она своей шайны; хоть это было бы не худо для нихъ, и даже для меня. Но вотъ что мнѣ рассказывалъ дядя, Графъ Иванъ Ильичъ, и въ чемъ онъ меня увѣрялъ честно. Покойный Чаплицкій, пошь самый, который умеръ въ нищетѣ, промотавъ миллионы, однажды въ молодости своей проигралъ — помнишься Зоричу, — около трехъ соръ тысячъ. Онъ былъ въ опчаяніи. Бабушка, которая всегда была спротивъ шалостямъ молодыхъ людей, какъ-то скрипила надъ Чаплицкимъ. Она дала ему три карпы, съ пѣмъ, чтобы онъ поставилъ ихъ одну за другою, и взяла съ него честное слово впредъ

уже никогда не играшь. Чаплицкій явился къ своему побѣдителю : они сѣли играть. Чаплицкій поставилъ на первую каршу пятыдесять тысячъ, и выигралъ соника ; загнуль пароли, пароли-пе, — опыгрался, и оспался еще въ выигрышъ . . . .

Однако пора спать : уже безъ четверти шестипъ.

Въ самомъ дѣлѣ , ужъ разсвѣпало : молодые люди дошли свои рюмки, и разъѣхались.

II.

— Il paraît que monsieur est décidément pour les suivantes.

— Que voulez-vous, madame ?
Elles sont plus fraîches.

Світський разговоръ.

Спарая Графиня *** сидѣла въ своей уборной передъ зеркаломъ Три дѣвушки окружали ее. Одна держала банку румянъ, другая коробку со шпильками, третья высокій чепецъ съ лентами огненнаго цвѣта. Графиня не имѣла ни малѣйшаго пришязанія на красоту давно увядшую, но сохраняла всѣ привычки своей молодости, строго слѣдовала модамъ семидесятыхъ годовъ, и одѣвалась такъ же долго, такъ же спартельно, какъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. У окошка сидѣла за няльцами барышня, ея воспитанница.

— Здравствуйте, grand'-taman', сказалъ, вошедши, молодой офицеръ. Bon jour, made-

moiselle Lise. Grand'-maman, я къ вамъ съ
просьбою.

— Что шакое, Paul?

— Позвольте вамъ представить одною изъ моихъ пріятелей, и привезти его къ вамъ въ Пятницу на балъ.

— Привези мнѣ его прямо на балъ, и
пушь мнѣ его и представи. Былъ ты
вчера у ***?

— Какъ же! очень было весело; панцо-
вали до пяти часовъ. Какъ хороша была
Елецкая!

— И, мой милый! Что въ ней хорошаго?
Такова ли была ея бабушка, Княгиня Дарья
Пешровна?... Кашапи: я чай она ужъ очень
поспарѣла, Княгиня Дарья Пешровна?

— Какъ, поспарѣла? опвѣчалъ разсѣянно
Томскій: она лѣтъ семь какъ умерла.

Барышня подняла голову, и сдѣлала знакъ
молодому человѣку. Онъ вспомнилъ, что
опь старой Графини шали смерть ея
ровесницъ, и закусилъ себѣ губу. Но Графиня
услышала вѣстъ, для нея новую, съ боль-
шимъ равнодушіемъ.

— Умерла ! сказала она : а я и не знала !
Мы вмѣстѣ были пожалованы во Фрейлины,
и когда мы представились , шо Государыня....

И Графиня въ сошлый разъ рассказала внучку
свой анекдотъ.

— Ну , Paul , сказала она попомъ : теперъ
помоги мнѣ вспомнить . Лизанька , гдѣ моя ша-
бакерка ?

И Графиня со своими дѣвушками пошла
за ширмами оканчивать свой шуалетъ . Том-
скій остался съ барышнею .

— Кого это вы хотите представить ?
тихо спросила Лизавета Ивановна .

— Наручова . Вы его знаете ?

— Нѣтъ ! Онъ военный , или спаскій ?

— Военный .

— Инженеръ ?

— Нѣтъ ! кавалеристъ . А почему вы ду-
мали , что онъ инженеръ ?

Барышня засмѣялась , и не отвѣчала ни
слов .

— Paul ! закричала Графиня изъ-за шир-
мовъ : пришли мнѣ какой нибудь новый ро-
манъ , только , пожалуйста , не изъ нынѣш-
нихъ .

— Какъ эшо, grand'maman?

— То еспь, шакой романъ, гдѣ бы герой не давиль ни опца, ни матери, и гдѣ бы не было ушопленныхъ пѣль. Я ужасно боюсь ушопленниковъ!

— Такихъ романовъ нынче нѣшь. Не хошише ли развѣ Русскихъ?

— А развѣ еспь Русскіе романы?....
Пришли, башюшка, пожалуйста пришли!

— Просшише, grand'-maman: я спѣшу...
Просшише, Лизавета Ивановна! Почему же вы думали, что Нарумовъ инженеръ?

И Томскій вышелъ изъ уборной.

Лизавета Ивановна оспалась одна: она оставила работу и спала глядѣшь въ окно. Вскорѣ на одной споронѣ улицы изъ-за угольного дома показался молодой офицеръ. Румянецъ покрылъ ея щеки: она принялась опять за работу, и наклонила голову надъ самой канвою. Въ эшо время вошла Графиня, совсѣмъ одѣшная.

— Прикажи, Лизанька, сказала она, капрепу закладывать, и пойдемъ прогуляться.

Лизанька вспала изъ-за пяльцевъ и спала убирашь свою работу.

— Что ты, матъ моя! глуха, чпо-ли! за-
кричала Графиня. Вели скорѣй закладывать
карешу.

— Сейчасъ! отвѣчала тихо барышня, и
побѣжала въ переднюю.

Слуга вошелъ, и подаль Графинѣ книги
опѣ Князя Павла Александровича.

— Хорошо! Благодаришь, сказала Графи-
ния. Лизанька, Лизанька! да куда жъ ты
бѣжишь?

— Одѣвашся.

— Успѣшишь, матушка. Сиди здѣсь. Ра-
скрой-ка первый шомъ; читай вслухъ...

Барышня взяла книгу, и прочла нѣсколько
строкъ.

— Громче! сказала Графиня. Что съ по-
бою, матъ моя? съ голосу спала, чпо ли?...
Погоди: подвинь мнѣ скамеечку; ближе,...
ну! —

Лизавета Ивановна прочла еще двѣ спра-
ницы. Графиня зѣвнула.

— Брось эшу книгу, сказала она: что за
вздоръ! Ошошли эшо Князю Павлу, и вели
благодаришь... Да чпо-жъ карепса?...

Карета гошова, сказала Лизавета Ивановна , взглянувъ на улицу.

— Чпожъ шы не одѣша ? сказала Графиня : всегда надобно тебя ждать ! Эшо , машушка , несносно .

Лиза побѣжала въ свою комнату . Не прошло двухъ минутъ , Графиня начала звонить изо всей мочи . Три дѣвушки вѣжали въ одну дверь , а камердинеръ въ другую .

— Что эшо васъ не докличешься ? сказала имъ Графиня . Сказашь Лизаветѣ Ивановнѣ , чпо я ее жду .

Лизавета Ивановна вошла въ капотъ и въ шляпкъ .

— Наконецъ , машь моя ! сказала Графиня . Что за наряды ! За чѣмъ эшо ? . . . кого прельщать ? . . . А какова погода ? — кажется , вѣтерь .

— Никакъ нѣшь-съ , Ваше Сіятельство ! очень шихо-съ ! ошвѣчаль камердинеръ .

— Вы всегда говорите наобумъ ! Ошвирите форшочку . Такъ и если : вѣтерь ! и прехолодный ! Опложиши карету ! Лизань-

ка, мы не поđемъ: нечего было наряжаться.

И вонъ моя жизнь! подумала Лизавета Ивановна.

Въ самомъ дѣлѣ, Лизавета Ивановна была пренесчастное созданіе. Горекъ чужой хлѣбъ, говориша Данше, и тяжелы ступени чужаго крыльца, а кому и знать горечь зависимости, какъ не бѣдной воспитанницѣ знанной спарухи? Графиня ***, конечно, не имѣла злой души; но была своенравна, какъ женщина, избалованная свѣшомъ, скуча и погружена въ холодный эгоизмъ, какъ и всѣ спарые люди, отплюбившіе въ свой вѣкъ и чуждыя настоящему. Она участвовала во всѣхъ суевноспящихъ большаго свѣща; паскалась на балы, гдѣ сидѣла въ углу, разрумяненная и одѣтая по спаринной модѣ, какъ уродливое и необходимое украшеніе бальной залы; къ ней съ низкими поклонами подходили пріѣзжающіе госпи, какъ по установленному обряду, и попомъ уже никто ею не занимался. У себя принимала она весь городъ, наблюдая спрятаній эпикепъ

и не узнавая никого въ лице. Многочисленная
челядь ея, разжирѣвъ и посѣдѣвъ въ ея пе-
редней и дѣвичьей, дѣлала, чѣшо хотѣла,
наперерывъ обкрадывая умирающую стару-
ху. Лизавета Ивановна была домашней му-
ченицею. Она разливала чай, и получала
выговоры за лишній расходъ сахара; она
вслухъ читала романы, и виновата была
во всѣхъ ошибкахъ авшора; она сопровож-
дала Княгиню въ ея прогулкахъ, и опивъчала
погоду и за московскую. Ей было назначено
жалованье, которое никогда не доплачивали;
а между пѣмъ требовали опѣть нее, чѣбъ
она одѣта была, какъ и всѣ, то есть,
какъ очень немногія. Въ свѣтѣ играла она
самую жалкую роль. Всѣ ее знали, и никто
не замѣчалъ; на балахъ она танцевала толь-
ко шогда, какъ не доспавало vis-à-vis, и да-
мы брали ее подъ руку всякой разъ, какъ
имъ нужно было ипипи въ уборную попра-
вишь чѣпо-нибудь въ своеъ нарядѣ. Она
была самолюбива, живо чувствовала свое
положеніе, и глядѣла кругомъ себя, — съ
неперпѣніемъ ожидала избавителя; но моло-
дые люди, расчепливыя въ вѣтреномъ сво-

емъ пшеславіи, не удоспивали ея вниманія, хотя Лизавета Ивановна была спо разъ милѣе наглыхъ и холодныхъ невѣстъ, около которыхъ они увивались. Сколько разъ, осипавъ птихонько скучную и пышную гостиную, она уходила плакать въ бѣдной своей комнатѣ, гдѣ стояли ширмы, оклееныя обоями, комодъ, зеркальце и крашеная кровать, и гдѣ сальная свѣча племно горѣла въ мѣдномъ шандалѣ!

Однажды, — это случилось два дня послѣ вечера, описанного въ началѣ этой повѣстї, и за недѣлю передъ той сценой, на которой мы осстановились, — однажды Лизавета Ивановна, сидя подъ окошкомъ за пильцами, нечаянно взглянула на улицу, и увидѣла молодаго инженера, стоящаго неподвижно и устремившаго глаза къ ея оконшку. Она опустила голову и снова занялась работой; черезъ пять минутъ взглянула опять, — молодой офицеръ стоялъ на томъ же мѣстѣ. Не имѣя привычки кокетничать съ прохожими офицерами, она переспала глядѣть на улицу, и шила около двухъ часовъ, не приподнимая головы. Подали обѣ-

дапь. Она вспала, начада убиравъ свои пяльцы, и, взглянувъ нечаянно на улицу, опять увидѣла офицера. Это показалось ей довольно спраннымъ. Послѣ обѣда она подошла къ окошку съ чувствомъ нѣкотораго беспокойства, но уже офицера не было, — и она про него забыла...

Дня черезъ два, выходя съ Княчиней сидясь въ карету, она опять его увидѣла. Онъ спояль у самаго подъѣзда, закрывъ лицо бобровымъ воронникомъ: черные глаза его сверкали изъ-подъ шляпы. Лизавета Ивановна испугалась, сама не зная чего, и сѣла въ карету съ препечтомъ неизъяснимымъ.

Возвращаясь домой, она подбѣжала къ окошку, — офицеръ спояль на прежнемъ мѣстѣ, успремивъ на нее глаза: она ошопшила, мучась любопытствомъ и волнуемая чувствомъ, для нея совершенно новымъ.

Съ того времени не проходило дня, чпобъ молодой человѣкъ, въ известный часъ, не являлся подъ окнами ихъ дома. Между имъ и ею учредились неусловленныя

сношенија. Сидя на своеи мѣстѣ за рабо-
той, она чувствовала его приближеніе, —
подымала голову, смопрѣла на него съ каж-
дымъ днемъ долѣе и долѣе. Молодой человѣкъ,
казалось, былъ за то ейъ благодаренъ: она
видѣла оспрымъ взоромъ молодоспи, какъ
быстрый румянецъ покрывалъ его блѣдныя
щеки всякой разъ, когда взоры ихъ встрѣ-
чались. Черезъ недѣлю она ему улыбнулась....

Когда Томскій спросилъ позволенія пред-
спавишь Княгинѣ своего пріятеля, сердце
бѣдной девушки забилось. Но узнавъ, что
Нарумовъ, не инженеръ а конногвардеецъ,
она сожалѣла, что нескромнымъ вопросомъ
высказала свою шайну вѣтреному Томскому.

Германнъ былъ сынъ обруссѣвшаго Нѣмца,
оспавившаго ему маленький капишаль. Бу-
дучи швердо убѣжденъ въ необходимости
упрочинить свою независимость, Германнъ
не касался и проценшовъ, жиль однимъ жа-
лованьемъ, не позволяль себѣ малѣйшей при-
ходи. Впрочемъ, онъ былъ скрытенъ и
чесполюбивъ, и шоварищи его рѣдко имѣли
случай посмѣявшись надъ его излишней бе-
режливостью. Онъ имѣлъ сильныя спраспи

и огненное воображеніе, но превердость спасла его отъ обыкновенныхъ заблужденій молодости. Такъ, напримѣръ, будучи въ душѣ игрокъ, никогда не бралъ онъ карпны въ руки, ибо расчипалъ, что его сосѣдствіе не позволяло ему (какъ сказывалъ онъ) жертвовать необходимыми въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее, — а между тѣмъ, цѣлую ночи просиживалъ за карточными сполами, и слѣдовалъ съ лихорадочнымъ трепетомъ за различными оборотами игры.

Анекдошъ о трехъ картахъ сильно подействовалъ на его воображеніе, и цѣлую ночь не выходилъ изъ его головы. — Чѣмъ, если, думалъ онъ на другой день вечеромъ, бродя по Петербургу: чѣмъ, если старая Графиня откроетъ мнѣ свою шайну! — или назначитъ мнѣ эти три вѣрныя карпны! Почему жъ не попробовать своего счастья? Представившись ей, подбівшись въ ея милость, — пожалуй, сдѣлаться ея любовникомъ, — но на все это требуетъ время — а ей восемьдесятъ семь лѣтъ, — она можетъ умереть черезъ недѣлю, — черезъ два дня!... Да и самый анекдошъ?... Можно ли ему

вѣришь?... Нѣпѣ! расчешъ, умѣренноспись и шрудолюбіе: вонъ мои при вѣрныя каршы, вонъ чѣто устроишь, усемеришь мой канишаль, и доспавиши мнѣ покой и независимоспись! —

Разсуждая такими образомъ, очутился онъ въ одной изъ главныхъ улицъ Петербурга, передъ домомъ спаринной архиепискупы. Улица была заспавлена экипажами, кареты одна за другою канились къ освѣщенному подъѣзду. Изъ каретъ поминушино выпягивались то спройная нога молодой красавицы, то гремучая башфорша, до полосатый чулокъ и дипломатической башмакъ. Шубы и плащи мелькали мимо величаваго швейцара. Германнъ остановился.

— Чей эшо домъ? спросилъ онъ у угловаго будочника.

— Графини ***, опивѣчаль будочникъ.

Германнъ зашрепепаль. Удивительный анекдопъ снова предспавился его воображению. Онъ спаль ходиши около дома, думая объ его хозяйкѣ и о чудной ея способности.

Поздно воротился онъ въ смиренный свой уголокъ; долго не могъ заснуть, и, когда сонъ имъ овладѣлъ, ему пригрѣзились каршы, зеленый сполъ, кипы ассигнацій и груды червонцевъ. Онъ спавиль каршу за каршой, гнуль углы рѣшипельно, выигрывалъ безпреспанно, и загребаль къ себѣ золото, и клалъ ассигнаціи въ карманъ. Проснувшись уже поздно, онъ вздохнулъ о пошеръ своего фанпастическаго богатства, пошелъ опять бродить по городу, и опять очутился передъ домомъ Графини ***. Невѣдомая сила, казалось, привлекала его къ нему. Онъ остановился, и стала смотрѣть на окна. Въ одномъ увидѣлъ онъ черноволосую головку, наклоненную, вѣроѧтно, надъ книгой или надъ работой. Головка приподнялась. Германнъ увидѣлъ свѣжее лицико и черные глаза. Эта минута рѣшила его участъ.

III.

*Vous m'écrivez, mon ange, des
lettres de quatre pages plus vite que
je ne puis les lire.*

Переписка.

Только Лизавета Ивановна успѣла сняТЬ капопіь и шляпу, какъ уже Графиня послала за нею, и вельма опяпіь подавашь карепушу. Онъ пошли садиПЬся. Въ шо самое время, какъ два лакея приподняли спаруху и просунули въ дверцы, Лизавета Ивановна у самаго колеса увидѣла своего инженера; онъ схватилъ ея руку; она не могла опомниТЬся отъ испугу, молодой человѣкъ исчезъ: письмо оспалось въ ея рукѣ. Она спрящала его за перчатку, и во всю дорогу ничего не слыхала и не видала. Графиня имѣла обыкновеніе поминушино дѣлать въ карепѣ вопросы: чпо эшо съ нами встрѣтился? — какъ зовушъ эшопъ моспъ? — чпо шамъ

написано на вывѣскѣ ? Лизавета Ивановна на сей разъ отвѣчала наобумъ и не въ попадъ, и разсердила Графиню.

— Что съ тѣбою сдѣлалось, машь моя ! Столбнякъ на тебя нашелъ, чѣмъ ли ? Ты меня или не слышишь или не понимаешь ? .. ! Слава Богу, я не каршавлю, и изъ ума еще не выжila !

Лизавета Ивановна ея не слушала. Возвращаясь домой, она побѣжала въ свою комнату, вынула изъ-за перчатки письмо : оно было незапечатано. Лизавета Ивановна его прочитала. Письмо содержало въ себѣ признаніе въ любви : оно было нѣжно, почтительно и слово-въ-слово взято изъ Нѣмецкаго романа. Но Лизавета Ивановна по-Нѣмецки не умѣла и была очень имъ довольна.

Однако принятное ею письмо беспокоило ее чрезвычайно. Впервые входила она въ шайныя, шѣсныя сношенія съ молодымъ мужчиною. Его дерзость ужасала ее. Она упрекала себя въ неосторожномъ поведеніи, и не знала, чѣмъ дѣлать : переспать ли сидѣть у окошка, и невниманіемъ охладить въ молодомъ офицерѣ охоту къ дальнѣйшимъ

преслѣдованіямъ? — отослать ли ему письмо? — ошвѣчать ли холодно и рѣшишельно? Ей не съ кѣмъ было посовѣтоваться, у ней не было ни подруги, ни наставницы. Лизавѣта Ивановна рѣшилась ошвѣчать.

Она сѣла за письменный споликъ, взяла перо, бумагу, — и задумалась. Нѣсколько разъ начинала она свое письмо, — и рвала его: что выраженія казались ей слишкомъ сносходищельными, что слишкомъ жестокими. Наконецъ ей удалось написать нѣсколько строкъ, которыми она осталась довольна. « Я увѣрена, писала она, что вы имѣете честныя намѣренія, и что вы не хотѣли оскорбить меня необдуманнымъ поспѣхомъ; но знакомство наше не должно бы начаться такимъ образомъ. Возвращаю вамъ письмо ваше, и надѣюсь, что не буду впредь имѣть причины жаловаться на незаслуженное неуваженіе. »

На другой день, увида идущаго Германна, Лизавѣта Ивановна вспала изъ-за пильцевъ, вышла въ залу, ошворила форпачку, и бросила письмо на улицу, надѣясь на проворство молодаго офицера. Германнъ подѣжалъ,

поднялъ его, и вошелъ въ канцлерскую лавку. Сорвавъ печать, онъ нашелъ свое письмо, и ошвѣшилъ Лизаветы Ивановны. Онъ штого и ожидалъ, и возвратился домой, очень занятый своей интригою.

Три дня послѣ штого, Лизавета Ивановна молоденькая, быстроглазая мамзель принесла записечку изъ модной лавки. Лизавета Ивановна открыла ее съ беспокойствомъ, предвидя денежные требованія, и вдругъ узнала руку Германна.

— Вы, душенька, ошиблись, сказала она: эша записка не ко мнѣ.

— Нѣпъ, точно къ вамъ! опровергала смѣляя девушка, не скрывая лукавой улыбки. Извольте прочитать!

Лизавета Ивановна пробѣжала записку. Германнъ требовалъ свиданія.

— Не можешь-быть! сказала Лизавета Ивановна, испугавшись и поспѣшно опровергнувъ требованій, и способу, имъ употребленному. Это писано вѣрно не ко мнѣ! — И разорвала письмо въ мелкіе кусочки.

— Коли письмо не къ вамъ, зачъмъ же вы его разорвали? сказала мамзель: я бы возвратила его шому, кто его послалъ.

— Пожалуйста, душенька! сказала Лизавета Ивановна, вспыхнувъ опь ея замѣчанія: впередъ ко мнѣ записокъ не носише. А шому, кто васъ послалъ, скажите, чибо ему должно быть спыдно....

Но Германнъ не унялся. Лизавета Ивановна каждый день получала опь него письма, то пѣмъ, то другимъ образомъ. Онъ уже не были переведены съ Нѣмецкаго. Германнъ ихъ писалъ, вдохновенный спраспю, и говорилъ языкомъ, ему свойственнымъ: въ нихъ выражались и непреклонность его желаній, и беспорядокъ необузданного воображенія. Лизавета Ивановна уже не думала ихъ отсыпать: она упивалась ими; сшала на нихъ опвѣтъ, — и ея записки часъ опь часу становились длиннѣе и нѣжнѣе. Наконецъ, она бросила ему въ окошко слѣдующее письмо:

— «Сегодня баль у ***скаго Посланника. Графина шамъ будешъ. Мы оспанемся часовъ до двухъ. Вошь вамъ случай увидѣть меня

наединѣ. Какъ скоро Графиня уѣдѣпъ, ея люди вѣроѧтно разойдутся, въ сѣняхъ оспа-
непися швейцарь, но и онъ обыкновенно уходи-
ши въ свою каморку. Приходише въ по-
ловинѣ дѣяніицашаго. Сступайше прямо на
лѣстницу. Коли вы найдеше кого въ передней,
то вы спросишь, дома ли Графиня. Вамъ
скажушъ нѣпъ, — и дѣлашь нечего. Вы
должны будеше воропишишься. Но вѣроѧтно
вы не вспѣшиши никого. Дѣвушки сиди-
шь у себя, всѣ въ одной комнатѣ. Изъ перед-
ней спупайше на лѣво, идише все прямо до
Графининой спальни. Въ спальнѣ за ширмами
увидише двѣ маленькия двери: справа въ ка-
бинетѣ, куда Графиня никогда не входиши;
слѣва въ коридорѣ, и шупши же узенькая
випшая лѣстница: она ведеши въ мою ком-
натшу. »

Германнъ препепталъ, какъ шигръ, ожи-
дая назначенаго времени. Въ десять часовъ
вечера онъ ужъ спояль передъ домомъ Гра-
фини. Погода была ужасная: вѣтеръ выль,
мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; фонари свѣ-
шились пускло; улицы были пусты. Изрѣдка
пянулся Ванька на щоцѣй клячѣ своей, вы-

смашивая запоздалого съдока. — Германнъ спояль въ одномъ сюршукѣ, не чувствуя ни вѣтра, ни снѣга. Наконецъ Графинину карету подали. Германнъ видѣлъ, какъ лакеи вынесли подъ руки сгорбленную спаруху, укушанную въ соболью шубу, и какъ вослѣдъ за нею, въ холодномъ плащѣ, съ головой, убраниною свѣжими цвѣтами, мелькнула ея воспоминница. Дверцы захлопнулись. Карета тяжело покачилась по рыхлому снѣгу. Швейцарь заперъ двери. Окна померкли. Германнъ спалъ ходить около опустѣвшаго дома : онъ подошелъ къ фонарю, взглянуль на часы, — было двадцать минутъ двѣнадцатаго. Онъ оспался подъ фонаремъ, успримивъ глаза на часовую спрѣлку и выжидала оспальныя минуты. Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго Германнъ спустилъ на Графинино крыльцо и взошелъ въ яркоосвѣщенныя сѣни. Швейцара не было. Германнъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, опорильтъ двери въ переднюю, и увидѣлъ слугу, спящаго подъ лампою, въ спаринныхъ, запачканныхъ креслахъ. Легкимъ и твердымъ шагомъ Германнъ прошелъ мимо его. Зала и госпиная были темны.

Лампа слабо освѣщала ихъ изъ передней. Германнъ вошелъ въ спальню. Передъ кивошомъ, наполненнымъ стариинными образами, шеплилась золотая лампада. Полинялые штофныя кресла и диваны съ пуховыми подушками, съ сошедшей позолотою, спояли въ печальной симетріи около спѣнъ, обитыхъ Китайскими обоями. На спѣнѣ висѣли два портрета, писанные въ Парижѣ Мѣ Le Brun. Одинъ изъ нихъ изображалъ мужчину лѣтъ сорока, румяного и полнаго, въ свѣшломъ зеленомъ мундирѣ и со звѣздою; другой, молодую красавицу съ орлинымъ носомъ, съ зачесанными висками и съ розою въ пудренныхъ волосахъ. По всѣмъ угламъ торчали фарфоровыя паспушки, споловые часы рабочыя славнаго Leroy, коробочки, рулепки, вѣера и разныя дамскія игрушки, изобрѣтенные въ концѣ минувшаго столѣтія вмѣстѣ съ Монгольфьеровымъ шаромъ и Месмеровскимъ магнетизмомъ. Германнъ пошелъ за ширмы. За ними спояла маленькая желѣзная кровать; справа находилась дверь, ведущая въ кабинетъ; слѣва, другая въ коридоръ. Германнъ ее отворилъ, увидѣлъ узкую, ви-

шую лѣстницу, копорая вела въ комнату бѣдной воспитанницы . . . Но онъ ворошился и вошелъ въ темный кабинетъ.

Время шло медленно. Все было тихо. Въ госпиной пробило двѣнадцать ; по всѣмъ комнатамъ часы одни за другими прозвонили двѣнадцать , — и все умолкло опять. Германнъ споялъ, прислонясь къ холодной печкѣ. Онъ былъ спокоенъ ; сердце его билось ровно, какъ у человека , рѣшившагося на чѣ-нибудь опасное , но необходимое. Часы пробили первый и впорой часъ утра , — и онъ услышалъ дальний стукъ кареты. Невольное волненіе овладѣло имъ. Карета подъехала и остановилась. Онъ услышалъ стукъ опускаемой подножки. Въ домѣ засуелись. Люди побѣжали , раздались голоса и домъ освѣтился. Въ спальню вѣжали три спарыя горничныхъ , и Графиня , чутъ живая , вошла , и опустилась въ Вольшеровы кресла. Германнъ глядѣлъ въ щелку : Лизавета Ивановна прошла мимо него. Германнъ услышалъ ея шоропливые шаги по ступенямъ ея лѣстницы. Въ сердцѣ его опозвалось нѣчто по-

хоже на угрызеніе совѣстїи, и снова умолкло. Онъ окаменѣлъ.

Графиня спала раздѣвашсь передъ зеркаломъ. Опкололи съ нее чепець, украшенный розами; сняли напудренный парикъ съ ея сѣдой и плотно осприженой головы. Булавки дождемъ сыпались около нея. Желтое платье, шишое серебромъ, упало къ ея распухлымъ ногамъ. Германнъ былъ свидѣшлемъ отврашивельныхъ штансовъ ея шуалеша: наконецъ, Графиня оспалась въ спальней кофшѣ и ночномъ чепцѣ: въ этомъ нарядѣ, болѣе свойственномъ ея спаросши, она казалась менѣе ужасна и безобразна.

Какъ и всѣ спарые люди вообще, Графиня спрадала безсонницею. Раздѣвшиесь, она сѣла у окна въ Вольшеровы кресла, и опослала горничныхъ. Свѣчи вынесли, комната опять освѣшилась одною лампадою. Графиня сидѣла вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и нальво. Въ мутныхъ глазахъ ея изображалось совершенное опсушествіе мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качаніе спрашной спарухи

происходило не отъ ея воли , но по дѣйствію скрытаго галванизма.

Вдругъ эшо мерквое лицо измѣнилось неизъяснимо. Губы перестали шевелись , глаза ожились : передъ Графинею стоялъ незнакомый мужчина.

— Не пугайшесь , ради Бога , не пугайшесь ! сказалъ онъ внявшимъ и шихимъ голосомъ. Я не имѣю намѣренія вредиши вамъ ; я пришелъ умоляшь васъ объ одной милости.

Спаруха молча смотрѣла на него и , казалось , его не слыхала. Германнъ вообразилъ , что она глуха , и наклонясь надъ самымъ ея ухомъ повторилъ ей то же самое. Спаруха молчала по-прежнему.

— Вы можете , продолжалъ Германнъ , сославшись счастіе моей жизни , и оно ничего не будешь вамъ споишь : я знаю , что вы можете угадать шри карпы сряду....

Германнъ остановился. Графиня казалось , поняла , чего отъ нее требовали ; казалось , она искала словъ для своего отвѣща.

— Эшо была шушка , сказала она наконецъ : клянусь вамъ ! эшо была шушка !

— Эпимъ нечего шутить, возразилъ сердито Германнъ. Вспомните Чаплицкаго, которому помогли вы опытгрались.

Графиня видимо смущилась. Черты ея изобразили сильное движение души, но она скоро виала въ прежнюю безчувственность.

— Можете ли вы, продолжалъ Германнъ, назначить мнѣ эпии три вѣрныя карпы?

Графиня молчала; Германнъ продолжалъ:

— Для кого вамъ беречь вашу шайну? Для внуковъ? Они богаты и безъ того; они же не знаютъ и цѣны деньгамъ. Могу не помогутъ ваши три карпы. Кто не умѣетъ беречь ощтовское наслѣдство, топть все-таки умретъ въ нищетѣ, не смотря ни на какія демонскія усилія. Я не могу; я знаю цѣну деньгамъ. Ваши три карпы для меня не пропадутъ. Ну!....

Онъ остановился, и съ трепетомъ ожидалъ ея отвѣта. Графиня молчала; Германнъ спаль на колѣни.

— Если когда нибудь, сказалъ онъ, сердце ваше знало чувство любви, если вы помнили ея воспоминанія, если вы хопъ разъ улыбнулись при плаче новорожденного сына, если

что нибудь человѣческое билось когда-нибудь въ груди вашей, то умоляю васъ чувствами супруги, любовницы, машери, — всѣмъ, что ни есть свяшаго въ жизни, — не откажише мнѣ въ моей просьбѣ! — откроиши мнѣ вашу шайну! — что вамъ въ ней?.... Можешь-быть, она сопряжена съ ужаснымъ грѣхомъ, съ пагубою вѣчнаго блаженства, съ дьявольскимъ договоромъ.... Подумайши: вы спары; жишиль вамъ ужъ недолго, — я гоню взяши грѣхъ вашъ на свою душу. Откроиши мнѣ только вашу шайну. Подумайши, что счастіе человѣка находишся въ вашихъ рукахъ; что не только я, но дѣти мои, внуки и правнуки благословляши вашу память и будущъ ее читишь, какъ святыню....

Спаруха не отвѣчала ни слова.

Германъ вспалъ.

— Спарая вѣдьма! сказалъ онъ, списнувъ зубы: такъ я жъ заспавлю шебя отвѣчашъ....

Съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана пистолетъ.

При видѣ пистолета Графиня во впорой разъ оказалась сильное чувство. Она закивала головою, и подняла руку, какъ бы заслоняясь отъ выстрѣла.... Потомъ покапилась навзничъ... и оспалась недвижима.

— Перестаньше ребячиться, сказаль Германнъ, взявъ ея руку. Спрашиваю въ послѣдній разъ : хотишъ ли назначить мнѣ ваши три карпы ? — да или нѣтъ ?

Графиня не отвѣчала. Германнъ увидѣль, что она умерла.

IV.

7 Mai 18**.

Homme sans moeurs et sans religion !

Переписка.

Лизавета Ивановна сидѣла въ своей комнатахъ, еще въ бальномъ своемъ нарядѣ, погруженная въ глубокія размышенія. Пріехавъ домой, она спѣшила отослать заспанную девку, нехопя предлагавшую ей свою услугу, — сказала, что раздѣнился сама, и съ шрепешомъ вошла къ себѣ, надѣясь найти памъ Германна, и желая не найти его. Съ первого взгляда она удостовѣрилась въ его отсутствіи, и благодарила судьбу за препятствіе, помѣшившее ихъ свиданію. Она сѣла, не раздѣваясь, и спала припоминать всѣ обстоятельства, въ такое короткое время и такъ далеко ее завлекшія. Не прошло трехъ недѣль съ той поры, какъ она въ

первый разъ увидѣла въ окошко молодаго человѣка, — и уже она была съ нимъ въ перепискѣ, — и онъ успѣлъ вышребовать отъ нея ночное свиданіе! Она знала имя его, потому что нѣкоторыя изъ его писемъ были имъ подписаны; никогда съ нимъ не говорила, не слыхала его голоса, никогда о немъ не слыхала.... до самаго сего вечера. Спранные дѣло! Въ самый попѣхъ вечеръ, на балѣ, Томскій дуясь на молодую Княжну Полину ***, копорая, прошивъ обыкновенія, кокетничала не съ нимъ, желаль отомстить, оказывая равнодушіе: онъ позвалъ Елисавету Ивановну, и танцовалъ съ нею безконечную мазурку. Во все время шушиль онъ надъ ея приспрашивалъ къ инженернымъ офицерамъ, увѣрялъ, что онъ знаєтъ гораздо болѣе, нежели можно было ей предполагать, и нѣкоторыя изъ его шутокъ были такъ удачно направлены, что Елисавета Ивановна думала нѣсколько разъ, что ея шайна была ему извѣстна.

— Опѣрь кого вы все это знаете? спросила она, смѣясь.

— Отъ пріятеля извѣстной вамъ особы, опівѣчаль Томскій: человѣка очень замѣчательного!

— Кто жъ этотъ замѣчательный человѣкъ?

— Его зовутъ Германномъ.

Елизавета Ивановна не опівѣчала ничего, но ея руки и ноги поледѣнѣли....

— Этотъ Германнъ, продолжалъ Томскій, лице испинно романическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совѣсти по крайней мѣрѣ при злодѣйства. Какъ вы поблѣднѣли!....

— У меня голова болиша.... Что же говорилъ вамъ Германнъ, — или какъ бишь его?....

— Германнъ очень недоволенъ своимъ пріятелемъ: онъ говорить, что на его мѣстѣ онъ поступилъ бы совсѣмъ иначе.... Я даже полагаю, что Германнъ самъ имѣетъ на васъ виды, по крайней мѣрѣ онъ очень неравнодушно слушаетъ влюбленныхъ воскли-цанія своего пріятеля.

— Да гдѣ жъ онъ меня видѣлъ?

— Въ церкви, можесть-быть, — на гулянье!.... Богъ его знаетъ! можесть-быть въ вашей комнатаѣ, во время вашего сна: быть него спанетъ...

Подошедшія къ нимъ три дамы съ вопросами — *oubli ou regret?* — прервали разговоръ, который становился мучительно любопытенъ для Лизаветы Ивановны.

Дама, выбранная Томскимъ, была сама Княжна ***. Она успѣла съ нимъ изъяснившись, обѣживъ лишній кругъ и лишній разъ повергнувшись передъ своимъ спутникомъ. — Томскій, возвращаясь на свое мѣсто, уже не думалъ ни о Германнѣ, ни о Лизавете Ивановнѣ. Она непремѣнно хотѣла возобновить прерванный разговоръ; но мазурка кончилась, и вскорѣ послѣ спарада Графиня уѣхала.

Слова Томского были не чѣмъ иное, какъ мазурочная болтовня, но они глубоко заронились въ душу молодой мечтательницы. Портретъ, набросанный Томскимъ, сходствовалъ съ изображеніемъ сославленнымъ ею самою, и, благодаря новѣйшимъ романамъ, эпохѣ, уже пошлое лицо, пугало и пѣняло ея воображеніе. Она сидѣла, сложа

кресломъ голыя руки, наклонивъ на опрокинутую грудь голову, еще убранную цвѣтами.... Вдругъ дверь отворилась, и Германнъ вошелъ. Она запрепетала....

— Гдѣ же вы были? спросила она испуганнымъ шепотомъ.

— Въ спальнѣ у старой Графини, оплѣчаль Германнъ: я сей часъ опѣй нее. Графиня умерла.

Боже мой!... чѣо вы говорише?...

— И кажется, продолжалъ Германнъ, я причиною ея смерти.

Лизавета Ивановна взглянула на него, и слова Томскаго раздались въ ея душѣ: *у этого геловѣка по крайней мѣрѣ три злодѣйства на душѣ!* Германнъ сѣлъ на окончико подлѣ нее, и все рассказалъ.

Лизавета Ивановна выслушала его съ ужасомъ. И такъ эпіи спраснныя письма, эпіи пламенныя пребованія, эпіо дерзкое, упорное преслѣдованіе, все эпіо было не любовь! Деньги, — вонъ чего алкалъ его! Не она могла утолить его желанія и осчастливить его! Бѣдная воспитанница была не чѣо иное, какъ слѣпая помощница разбойника,

убийцы спарой ея благодѣшельницы! . . . .
Горько заплакала она, въ позднемъ, мучи-
шельномъ своемъ раскаяніи. Германнъ смо-
шрѣль на нее, молча: сердце его также
щерзалось, но ни слезы бѣдной дѣвушки,
ни удивительная прелестъ ея горести не
превозили сuroвой души его. Онъ не чув-
ствовалъ угрizenія совѣсти при мысли о
мертвой спарухѣ. Одно его ужасало: невоз-
вратная потеря шайны, опь которой ожи-
далъ обогащенія.

— Вы чудовище! сказала наконецъ Лиза-
веша Ивановна.

Я не хотѣль ея смерти, отвѣчалъ Гер-
маннъ: писцолетъ мой не заряженъ.

Они замолчали.

Упро наступало. Лизавета Ивановна по-
гасила догарающую свѣчу: блѣдный свѣтъ
озарилъ ея комнату. Она оперла заплакан-
ные глаза, и подняла ихъ на Германна:
онъ сидѣль на оконкѣ, сложа руки и гроз-
но нахмурясь. Въ эпомъ положеніи удиви-
тельно напоминаль онъ портрѣшь Наполео-
на. Это сходство поразило даже Лизавету
Ивановну.

— Какъ вамъ выйши изъ дому? сказала наконецъ Лизавета Ивановна. Я думала привесити васъ по поплаеннѣй лѣстницѣ, но надобно ишти мимо спальни, а я боюсь.

— Разскажите мнѣ, какъ найши эту поплаенную лѣстницу; я выйду.

Лизавета Ивановна вспомнила, винула изъ комода ключъ, вручила его Германну и дала ему подробное наставление. Германнъ пожалъ ея холодную, безопицѣнную руку, поцѣловалъ ея наклоненную голову, и вышелъ.

Онъ спускися внизъ по вишнѣй лѣстницѣ, и вошелъ опять въ спальню Графини. Мертвая спаруха сидѣла, окаменѣвъ; лицо ея выражало глубокое спокойствіе. Германнъ остановился передъ нею, долго смотрѣлъ на нее, какъ бы желая удостовѣриться въ ужасной испинѣ; наконецъ вошелъ въ кабинетъ, ощупалъ за обоями дверь, и спальня сходила по темной лѣстницѣ, волнуемый спранными чувствованіями. По этой самой лѣстницѣ, думалъ онъ, можетъ-быть лѣтъ шестьдесятъ назадъ, въ эту самую спальню, въ такої же часъ, въ шипомъ кафтанѣ, причесанный *à l'oiseau royal*, прижимая

къ сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливецъ, давно уже испытавший въ могилѣ, а сердце преспарѣй его любовницы сего дня перестало биться....

Подъ лѣсницею Германнъ нашелъ дверь, которую ошперъ шѣмъ же ключемъ, и очутился въ сквозномъ коридорѣ, выведшемъ его на улицу.

V.

Въ эту ночь явилась ко мнѣ покойница Баронесса фонъ-В***. Она была вся въ бѣломъ, и сказала мнѣ: « Здравствуйте , господинъ Советникъ ! »

Шведенборгъ.

Три дня послѣ роковой ночи , въ девяпть часовъ упра , Германъ отправился въ *** монастырь , гдѣ должны были отпѣватъ пѣло усопшій Графини. Не чувствуя раскаянія , онъ не могъ однако совершенно заглушить голосъ совѣсли , швердившей ему: шы убийца спарухи ! Имѣя мало испинной Вѣры , онъ имѣлъ множеспво предразсудковъ . Онъ вѣрилъ , что мерщая Графиня могла имѣть вредное вліяніе на его жизнь , — и рѣшился явиться на ея похороны , чиобы испросить у ней прощенія .

Церковь была полна. Германнъ насилиу могъ пробащися сквозь толпу народа. Гробы спояль на богашомъ капафалкѣ подъ бархатнымъ балдахиномъ. Усопшая лежала въ немъ съ руками, сложенными на груди, въ кружевномъ ченцѣ и въ бѣломъ апласномъ платъ. Кругомъ спояли ея домашніе: слуги въ черныхъ кафтанахъ съ гербовыми лентами на плечѣ, и со свѣчами въ рукахъ; родственники въ глубокомъ шраурѣ, — дѣши, внучки и правнуки. Никто не плакаль; слезы были бы — une affectation. Графиня шакъ была спара, что смерть ея никого не могла поразить, и что ея родственники давно смотрѣли на нее, какъ на ожившую. Молодой Архіерей произнесъ надгробное слово. Въ проспыхъ и прогашельныхъ выраженіяхъ представилъ онъ мирное успеніе праведницы, которой долгіе годы были тихимъ, умилишельнымъ приготовленіемъ къ Христіанской кончинѣ. «Ангель смерти обрѣлъ ее, сказалъ орапоръ, бодрствующую въ помышленіяхъ благихъ и въ ожиданіи жениха полунощенаго.» Служба совершилась съ печальнымъ приличіемъ. Родственники

первые пошли прощаться съ пѣломъ. Потомъ двинулись и многочисленные гости, прѣхавшіе поклониться той, которая шакъ давно была участницею въ ихъ суетныхъ увеселеніяхъ. Послѣ нихъ и всѣ домашніе. Наконецъ приблизилась старая барская барыня, ровесница покойницы. Две молодыя девушки вели ее подъ руки. Она не въ силахъ была поклониться до земли, — и одна пролила нѣсколько слезъ, поцѣловавъ холодную руку госпожи своей. Послѣ нее Германнъ рѣшился подойти ко гробу. Онъ поклонился въ землю, и нѣсколько минутъ лежалъ на холодномъ полу усыпанномъ ельникомъ. Наконецъ приподнялся, блѣденъ какъ сама покойница, взошелъ на спупени капафалка и наклонился... Въ эту минуту показалось ему что мершвая настыльно взглянула на него, прищутивая однимъ глазомъ. Германнъ, поспѣшино подавшись назадъ, оспутился, и навзничъ грязнулся объ земль. Его подняли. Въ то же самое время Лизавету Ивановну вынесли въ обморокъ на паперть. Этотъ эпизодъ возмутилъ на нѣсколько минутъ торжественность мрач-

наго обряда. Между посыпчелями поднялся глухой ропотъ, а худощавый Каммергеръ, близкій родственникъ покойницы, шепнуль на ухо стоящему подлѣ него Англичанину, чѣмъ молодой офицеръ ея побочный сынъ, на чѣмъ Англичанинъ опивъчаль холодно: Oh?

Цѣлый день Германнъ быль чрезвычайно разспроенъ. Обѣдая въ уединенномъ шракшире, онъ, пропивъ обыкновенія своего, пиль очень много, въ надеждѣ заглушипъ внутреннее волненіе. Но вино еще болѣе горячило его воображеніе. Возвращаясь домой, онъ бросился, не раздѣваясь, на кровать, и крѣпко заснуль.

Онъ проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Онъ взглянуль на часы: было безъ чешверти три. Сонъ у него прошелъ; онъ сѣль на кровать, и думалъ о похоронахъ старой Графини.

Въ это время, кто-то съ улицы взглянуль къ нему въ окошко, — и тошчасъ ошошель. Германнъ не обращиль на то ни какого вниманія. Чрезъ минуту услышаль онъ, чѣмъ опириали дверь въ передней ком-

напѣ. Германнъ думалъ , чѣо денщикъ его , пьяный по своему обыкновенію , возвращался съ ночной прогулки. Но онъ услышалъ незнакомую походку: кѣо-шо ходилъ , шико шаркая шуфлями. Дверь отворилась ; вошла женщина въ бѣломъ платьѣ. Германнъ принялъ ее за свою спарую кормилицу , и удивился , чѣо могло привести ее въ такую пору. Но бѣлая женщина , скользнувъ , очутилась вдругъ передъ нимъ , — и Германнъ узналъ Графиню !

— Я пришла къ тебѣ прошивъ своей воли , сказала она твердымъ голосомъ : но мнѣ велико исполнить швою просьбу. Тройка , семерка и шузъ выиграютъ тебѣ сряду , — но съ шѣмъ , чтобы ты въ сушки болѣе одной карши не спавиль , и чтобъ во всю жизнь уже послѣ не играль. Прощаю тебѣ мою смерть , съ шѣмъ , чтобъ ты женился на моей воспитанницѣ Лизаветѣ Ивановнѣ....

Съ эпимъ словомъ она шико повернулась , пошла къ дверямъ , и скрылась , шаркая шуфлями. Германнъ слышалъ , какъ хлонула дверь въ сѣняхъ , и увидѣль , чѣо кѣо-шо опиянѣ поглядѣль къ нему въ окошко.

Германнъ долго не могъ опомниться. Онъ вышелъ въ другую комнату. Денщикъ его спалъ на полу; Германнъ насили у него добудился. Денщикъ былъ пьянъ по обыкновенію: опья него нельзя было добиѣться ни какого сполку. Дверь въ сѣни была заперта. Германнъ возвратился въ свою комнату, засвѣтилъ свѣчку, и записалъ свое видѣніе.

VI.

— *Атанде!*

— Какъ вы смысли мнѣ сказать *атанде*?

— Ваше Превосходительство, я сказалъ *атанде-съ*!

Двѣ неподвижныя идеи не могущъ вмѣстѣ существовать въ нравственной Природѣ, такъ же, какъ два шѣла не могутъ въ физическомъ мірѣ занимать одно и то же мѣсто. Тройка, семерка, пузъ — скоро заслонили въ воображеніи Германна образъ мершвой спарухи. Тройка, семерка, пузъ — не выходили изъ его головы и шевелились на его губахъ. Увидѣвъ молодую дѣвушку, онъ говорилъ: — Какъ она спройна! . . . Наспоящая тройка червонная. У него спрашивали: который часъ: онъ отвѣчалъ: — безъ пятнини минуты семерка. — Всякой пузастый мужчина напоминалъ ему пузза. Тройка,

семерка, шузъ — преслѣдовали его во снѣ, принимая всѣ возможные виды. Тройка цвѣла передъ нимъ въ образѣ пышнаго грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, шузъ огромнымъ паукомъ. Всѣ мысли его слились въ одну, — воспользоваться шайной, копюрая дорого ему споила. Онъ спалъ думашь объ опрошавкѣ и о пушешествіи. Онъ хотѣлъ въ открытыхъ греческихъ домахъ Парижа вынудить кладъ у очарованной фортуны. Случай избавилъ его отъ хлопотъ.

Въ Москвѣ состоялось общество богатыхъ игроковъ, подъ предсѣдательствомъ славнаго Чекалинского, проведшаго весь вѣкъ за каршами и нажившаго нѣкогда миллионы, выигрывая векселя и проигрывая числа деньги. Долговременная опытоносность заслужила ему довѣренность шоварищѣй, а открытий домъ, славный поваръ, ласковость и веселость пріобрѣли уваженіе публики. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Молодежь къ нему нахлынула, забывая балы для каршъ и предпочитая соблазны фараона обольщеніямъ волокитства. Нарумовъ привезъ къ нему Германна.

Они прошли рядъ великолѣпныхъ комнатъ, наполненныхъ учтивыми офиціантами. Нѣсколько Генераловъ и Тайныхъ Совѣшниковъ играли въ висѣ; молодые люди сидѣли, развались на шпофныхъ диванахъ, Ѳли мороженое и курили шрубки. Въ госпиной за длиннымъ споломъ, около копораго тѣснилось чѣловѣкъ двадцать игроковъ, сидѣль хозяинъ и мешаль банкъ. Онъ былъ чоловѣкъ лѣтъ шесцидесяти, самой почтенной наружности; голова, покрыша была серебряной сѣдиною; полное и свѣжее лицо изображало добродушіе; глаза блестали, оживленные всегдашию улыбкою. Нарумовъ представилъ ему Германна. Чекалинскій дружески пожалъ ему руку, просилъ не церемонииться, и продолжалъ мешать.

Талья длилась долго. На сполѣ стояло болѣе тридцати карпъ. Чекалинскій останавливался послѣ каждой прокидки, чтобы дать играющимъ время распорядиться, записывалъ проигрышь, учтиво вслушивался въ ихъ требованія, еще учтивѣе отгибалъ лишній уголь, загибаемый разсѣянною рукою. Наконецъ шалья кончилась. Чекалинскій

спасовалъ карпы, и приготовился мешать другую.

— Позвольте поспавиши каршу, сказалъ Германнъ пропягивая руку изъ-за шолшаго господина, шушъ-же понтировавшаго. Чекалинскій улыбнулся и поклонился, молча, въ знакъ покорнаго согласія. Нарумовъ, смѣясь, поздравилъ Германна съ разрѣшеніемъ долговременнаго поспа, и пожелалъ ему счастливаго начала.

— Идеши! сказалъ Германнъ, надписавъ мѣломъ кушъ надъ своею каршою.

— Сколько-съ? спросилъ, прищуриваясь, банкомешъ: извинишесъ, я не разгляжу.

— Сорокъ семь тысячъ, ошвѣчаль Германнъ.

При эшихъ словахъ, всѣ головы обратились мгновенно, и всѣ глаза устремились на Германна. — Онъ съ ума сошелъ! подумалъ Нарумовъ.

— Позвольте замѣшиши вамъ, сказалъ Чекалинскій съ неизмѣнной своею улыбкою, что игра ваша сильна: никто болѣе двухъ сопъ семи десяти пяти семпелемъ здѣсь еще не сшавиль.

— Что жъ ? возразилъ Германнъ : бѣше вы мою каршу или нѣшь ?

Чекалинскій поклонился съ видомъ шо-
же смиренного согласія.

— Я хотѣлъ только вамъ доложить ,
сказалъ онъ , что , будучи удостоенъ довѣ-
ренности шоварищей , я не могу мешать
иначе , какъ на чистыя деньги . Съ моей
стороны я конечно увѣренъ , что довольно
вашего слова , но для порядка игры и сче-
товъ , прошу васъ поспавить деньги на
каршу .

Германнъ вынуль изъ кармана банковый
билетъ , и подалъ его Чекалинскому , ко-
торый , бѣгло посмотрѣвъ его , положилъ на
Германнову каршу .

Онъ спалъ мешать . На право легла де-
вяшка , на лѣво пройка .

— Выиграла ! сказалъ Германнъ , показывая
свою каршу .

Междуд игроками поднялся шопотъ . Чека-
линскій нахмурился , но улыбка шопчасъ
возвратилась на его лице .

— Изволите получить ? спросилъ онъ
Германна .

— Сдѣлайше одолженіе.

Чекалинскій вынуль изъ кармана нѣсколько банковыхъ билетовъ, и тошчасъ расчелся. Германнъ принялъ свои деньги и опошелъ опять спола. Нарумовъ не могъ опомниться. Германнъ выпилъ стаканъ лимонаду и отправился домой.

На другой день вечеромъ, онъ опять явился у Чекалинского. Хозяинъ мешалъ. Германнъ подошелъ къ сполу; понтеры тошчасъ дали ему мѣсто. Чекалинскій ласково ему поклонился.

Германнъ дождался новой шальи, поспавиль каршу, положивъ на нее свои сорокъ семь шысячъ и вчерашній выигрышъ.

Чекалинскій спаль мешать. Валенъ выпаль на право, семерка на лѣво.

Германнъ открылъ семерку.

Всѣ ахнули. Чекалинскій видимо смущился. Онъ отсчиталъ давяносто четыре тысячи и передалъ Германну. Германнъ принялъ ихъ съ хладнокровiemъ, и въ шу же минуту удалился.

Въ слѣдующій вечеръ Германнъ явился опять у спола. Всѣ его ожидали. Генералы

и Тайные Совѣтники осудили свой висѣль, чѣмъ видѣть игру, споле необыкновенную. Молодыя офицеры соскочили съ дивановъ; всѣ офиціанцы собрались въ гостиной. Всѣ обсушули Германна. Прочие игроки не поспавили своихъ каршъ, съ неперѣніемъ ожидая, чѣмъ онъ кончишъ. Германнъ спо-
ялъ у спола, гоповясь одинъ поншировать прошиву блѣднаго, но все улыбающагося, Челакинскаго. Каждый распечаталъ колоду каршъ. Чекалинскій спасовалъ. Германнъ снялъ, и поставилъ свою каршу, покрывъ ее кипой банковыхъ билешовъ. Это похоже было на поединокъ. Глубокое молчаніе царствовало кругомъ.

Чекалинскій спалъ мешашь, руки его шряслись. Направо легла дама, нальво шузъ.

— Тузъ выигралъ! сказалъ Германнъ, и открылъ свою каршу.

— Дама ваша убила, сказалъ ласково Чекалинскій.

Германнъ вздрогнулъ: въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто шуза у него спояла пиковая дама. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, не понимая, какъ могъ онъ обдернуться.

Въ эшу мицушу ему показалось, чтио пиковая дама прищурилась и усмѣхнулась. Необыкновенное сходство поразило его...

— Спаруха! закричал онъ въ ужасѣ.

Чекалинскій пошлянулъ къ себѣ проигранные билеты. Германнъ стоялъ неподвижно. Когда опошелъ онъ отъ спола, поднялся шумный говорь. — Славно спонпироваль! говорили игроки. — Чекалинскій снова спасовалъ карпы: игра пошла своимъ чередомъ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Германнъ сошелъ съ ума. Онъ сидитъ въ Обуховской больницѣ въ 17 нумерѣ, не отвѣчаешь ни на какие вопросы, и бормочешь необыкновенно скоро : — Тройка , семерка , шузъ ! Тройка , семерка , дама ! . . .

Лизавета Ивановна вышла замужъ за очень любезнаго молодаго человѣка ; онъ гдѣ-то служилъ и имѣешь порядочное состояніе : онъ сынъ бывшаго управителя у старой Графини. У Лизаветы воспипываешься бѣдная родственница.

Томскій произведеніе въ Ротмистры и женившаяся на Княжнѣ Полинѣ.

Р.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПОВѢСТИ ИВАНА ПЕТРОВИЧА БѢЛКИНА.

	Стран.
Отъ Издателя.....	3.
Выстрѣль.	
I.	15.
II.	31.
Метель.	43.
Гробовщикъ	71.
Станціонный смотритель.	89.
Барышня Крестьянка.	117.
Двѣ главы изъ Исторического Романа	
I. Асамблея при ПЕТРЪ I.	165.
II. Обѣдъ у Русскаго Боярина.....	175.
Пиковая Дама.	
I.	189.
II.	197.
III.	211.
IV.	225.
V.	233.
VI.	239.

VII.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ..... 10 р.

VIII.

ГРАФЪ НУЛИНЪ..... 3.

IX.

ЦЫГАНЫ..... 5.

X.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ ..... 1.

XI.

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИНЪ. (Полный)..... 12.

XII.

Въ скоромъ времени поступитъ въ продажу

ИСТОРИЯ ПУГАЧОВСКАГО БУНТА.

Въ двухъ томахъ..... 20.

съ пересылкою .. 22.

За прочие званія за пересылку въ города
прилагается особо по 1 рублю.

**ПРОДАЮТСЯ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ КНИЖНОЙ
ЛАКВЪ подъ № 25
АНДРЕЯ ГЛАЗУНОВА,
ИНОГОРОДНЫЯ АДРЕСУЮТСЯ НА ИМЯ УПРАВЛЯ-
ЮЩАГО ЛАВКОЮ
ИВАНА ЛИСЕНКОВА.**